

WARHAMMER
40,000

ICE GUARD

Steve Lyons

Annotation

После отступления имперских войск с ледяного мира Крессига отряд воинов Вальхаллы во главе с неукротимым полковником Станиславом Стилом пускается в спасательную экспедицию на поиски важного имперского сановника, которого нужно эвакуировать с планеты в безопасное место. Но Крессига кишат оккупационными силами Хаоса, помешанными на истреблении местных жителей. И это было бы еще терпимо, но очень скоро миссия Станислава и его бойцов превращается в гонку на выживание — ведь в это же самое время имперский боевой корабль в верхних слоях атмосферы готовится к вирусной бомбардировке Крессиги, которая уничтожит все живое на планете.

- [Стив Лайонс](#)
  -
  - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)

- ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
  - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
  - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
-

Стив Лайонс

ЛЕДЯНАЯ ГВАРДИЯ

Сорок первое тысячелетие. Уже более ста веков Император недвижит на Золотом Throne Терры. Он -- Повелитель Человечества и властелин триадов планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он -- полутруп, неупловитую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империи никогда не умирает по настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиконотом, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на

бесчисленных мирах. Величайшие среди
его солдат — Agentus Астартес,
костические десантники, генетически
улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию:
Имперская Гвардия и бесчисленные Силы
Планетарной Обороны, вечно бдительная
Инквизиция и техножрецы Agentus
Механикус. Но, несмотря на все старания,
их сил едва хватает, чтобы сдерживать
извечную угрозу со стороны ксеносов,
еретиков, мутантов. И много более
опасных врагов.

Быть человеком в такое время —
значит быть одним из миллиардов. Это
значит жить при самом жестоком и
кровавом режиме, который только можно
представить.

Забудьте о достижениях науки и
технологии, ибо многое забыто и никогда
не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных
прогрессом, о взаимопонимании, ибо во
траке будущего есть только война. Нет
мира среди звезд, лишь вечная бойня и
кровопролитие, да стех жаждущих богов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

До уничтожения

Крессиды 48 часов

Так погибают миры.

Стены рухнули, и силы Хаоса с полчищами потерянных и проклятых ворвались в улей Альфа. Сотни тысяч гвардейцев отдали свои жизни, пытаясь отбросить врага или хотя бы задержать его во внешних районах. Но враг неумолимо наступал.

Когда генераторы были взорваны и производство остановилось, был подписан приказ об эвакуации. Сначала вывозили гражданских — немногих, кого еще можно было спасти и кто не перешел на сторону противника. Теперь настала очередь имперских гвардейцев.

В свое время Крессига была великолепным миром. Она славилась богатыми рудниками, а ее заводы и фабрики по переработке сырья отличались

высокой производительностью. Согласно
стандартам ульев, уровень жизни там
считался довольно высоким, и даже в
подульях коэффициент потерь был
намного ниже среднего. Население
Крессиды стремительно росло.
Законопослушные и благополучные
граждане находились в процессе
строительства тринадцатого улья, и
командование Имперской Гвардии
планировало в ближайшие десять лет
сформировать из них еще один полк
гвардейцев. Но не прошло и половины этого
срока, как им пришлось покинуть
оккупированную и разоренную Крессиду -- и
потерять ее навсегда...

Полковник Станислав Стил
находился в помещении бывшей конторы
заведующего рудником на восьмьдесят
третьем уровне улья Альфа. Здесь недавно
прогремел взрыв, разрушивший две стены.
Каждые несколько секунд снизу доносились
новые взрывы, и едва державшийся потолок
мог в любой момент обрушиться
полковнику на голову.

С этой ненадежной позиции он наблюдал за тем, как внешние районы захлестывали волны боевых действий, видел среди огня, дыма и металла бутылочно-зеленые ряды своего полка --- 319-го Вальхалльского --- и отмечал, насколько враг продвинулся через руины.

Конечно, был резон оставаться на линии фронта и вести арьергардный бой --- это позволяло выиграть время для эвакуации. Снижение температуры на Крессиде, видимо, ставшее побочным действием вторжения сил Хаоса, наблюдалось уже несколько лет. Почему это происходило, никто объяснить не мог, но соотечественники Стила привыкли к лютым морозам.

Ледяные гвардейцы, как они себя называли, также прославились стойкостью в обороне: сражаясь плотными рядами, долго удерживали позиции даже в условиях, когда воины большинства других типов давно бы отступили.

Но враг продолжал их теснить. Снова и снова распускались огненные цветы взрывов. Зеленые линии разрывались,

исчезали, затем снова выстраивались, отодвигаясь на шаг назад и становясь короче. Боины продолжали сражаться.

Стил плотнее укутался в армированную шинель, спрятав руки в перчатках в просторные рукава. Он мог поклясться, что за прошедший день температура упала еще на два градуса. Полковник проверил свою аудиометрику, но она не реагировала, и ему пришлось положиться на собственное чутье.

Серое, затянутое тучами небо пересекали полосы света — следы от костических кораблей, эвакуировавших войска с Крессиды, чтобы выжившие смогли когда-нибудь сразиться на другом фронте, где у них будет шанс на победу.

Стил услышал приближающиеся шаги. Слуховая аудиометрика помогла ему различить этот негромкий звук среди грохота минометного обстрела, перетежавшегося боевыми кличами. Обернувшись, он увидел сержанта Ивана Гавотского — высокого человека средних лет, вдумчивого и невозмутимого.

— Все готово, сэр, — доложил

Гавотский, резко отсалютовав
полковнику. --- Приказы разосланы
восьмерым солдатам нашего полка. И еще
четверым --- на случай, если кто-то из
первых восьмерых будет убит или
пропадет без вести. Запрос по поводу
«Термита» я направил в Департаменте
Мониторинг, упомянув, как вы советовали,
имя кардинала. Думаю, мне удалось
донести до начальника снабжения
важность этой просьбы.

--- Я надеюсь, что репутация людей,
которых мы выбрали, так же безупречна,
как о ней говорят послужные списки, ---
ответил Стил, кивнув. --- Возможно, это
самая важная миссия из всех, которые
приходилось выполнять Триста
девятнадцатому. От того, как мы ее
выполним, зависит, сохранится ли память
о нас в веках.

Вновь встретив взгляд на поле боя, он
увидел, что полчища бывших «Леман
Руссов» типа «Разрушитель» --- танков,
ныне управляемых силами Хаоса, ---
добились некоторого прогресса в
продвижении через руины. Танки Ледяной

Гвардии, среагировавшие на угрозу, неуклюже выдвигались на позиции, образуя на неожиданно возникшем фронте новую линию обороны.

— Похоже, это будет наше последнее задание, — вздохнул Стил.

Полковник не преувеличивал. Война на Крессиде была долгой и трудной. Его полк, и без того обескровленный кампаниями на Делленосе IV и Темпесте, нес большие потери. Ходили слухи, что когда все закончится, выживших из 319-го Вальхалльского раскидают по другим полкам, и славная история полка на этом закончится.

Пошел снег — не чисто-белый, который полковник привык видеть у себя на родине, а грязно-серый.

Рядовой Пожар прищурился, глядя в прицел лазгана. Пронизывающий до костей ветер взметнул шквал серого снега, и противника стало почти не видно. Из-за вынужденной задержки палец нервно подрагивал на спусковом крючке. Человек на фронте мог погибнуть в мгновение ока.

даже не успев понять, кем и чем убит. Пожар намеревался не терять ни секунды, но напрасно расходовать боеприпасы ему тоже не хотелось — не только потому, что это считалось грехом по отношению к Императору, но и потому, что у него оставался последний аккумулятор. Он только что вставил его в свою винтовку, прочтя при этом, как водится, литанию зарядания, дабы оказать почести машинному духу.

Пожар не стрелял до тех пор, пока из тглы не появились темные силуэты. Тогда он переключил источник питания на непрерывный огонь и выпустил по ним смертоносную очередь, израсходовав почти четверть заряда.

Многих удалось повалить лазерной очередью, но живых, как всегда, осталось больше. Враги встретились к Пожару, карабкаясь по телам погибших, и были встречены сотнями выстрелов лазерного товарищей. Разорвалось множество осколочных гранат, наполнивших воздух кровавым фейерверком оторванных конечностей. Тем не менее враги

продолжали наступать.

Теперь Пожар сумел разглядеть их рваную, грязную форму, при виде которой его захлестнула волна ярости. Это были худшие из врагов — гвардейцы-предатели. Определить по цвету формы, из какого полка, он не смог: за последние несколько лет на Крессиде столько полков перешли на сторону врага, что всех не упомнить.

Враг подошел настолько близко, что укрытия почти не защищали вальхалльцев. Предатели подняли оружие, и Пожара оглушил треск лазерных выстрелов с обеих сторон. Он попытался укрыться за полуразрушенной стеной, но лучи разбили ее вдребезги. Чей-то меткий выстрел, пробивший его меховую шапку, раскроил голову солдату, находившемуся рядом. Пожар лишился укрытия.

Оставалось продержаться считанные минуты. Вот-вот прозвучит приказ об отступлении, и снова придется отдать очередной клочок земли. Но пока Пожар, преданной воин Вальхаллы, не получит приказ, он не отступит ни на сантиметр.

Предатели неслись прямо на Пожара.

вряд ли замечая, что он еще жив и готов сражаться. Видимо, они рассчитывали сбить его с ног и затоптать, но стоило ему столкнуться с первым из напавших, как он тотчас обезоружил врага и повалил на землю. Рядом оказались еще двое предателей; он увернулся от них и, размахивая своим лазганом, как глубинкой, заехал им обоим по лбу пару раз. В этот момент в микронаушнике слышался голос вокс-оператора: был отдан приказ отступить и доложить командиру взвода.

«Своевременность» приказа об отступлении почти расстелила Пожара. Предатели окружали его со всех сторон, и жить ему, вероятно, оставалось считанные секунды. Впрочем, какое это теперь имело значение? Все вокруг заволело красным туманом. Пожару казалось, что он видит себя со стороны, как он, размахивая руками и ногами, бился с врагом, движимый одним инстинктом, пока наконец не всадил дуло лазгана одному из предателей в брюхо, так, что у того кишки полезли наружу.

Но скоро все закончилось. Враг

задавил его численностью и повалил на землю. В кармане шинели была припрятана осколочная граната, и Пожар потянулся за ней, готовясь погибнуть во вспышке взрыва и забрать с собой с десяток предателей.

— Слышишь, Пожар? Быстро тащи сюда свой несчастный заг! Тебя отправляют на другое задание. Приказ самого полковника Стила.

Раздался оглушительный взрыв, и в лицо полыхнуло жаром. На секунду Пожар подумал, что чувства его обманывают: он еще не успел выдернуть чеку. Как выяснилось, взорвалась не его граната, а брошенная кем-то из товарищей, не подозревавшим, что там находился свой. Пожару повезло: по воле Императора он оказался в гуще вражьих тел, которые защитили его от взрыва. Он лежал на спине, почти заваленный трупами врагов, и не мог прийти в себя от неожиданного спасения. На самом деле ему повезло вдвойне: теперь он был скрыт от глаз оставшихся врагов.

Они проходили мимо, тонкая сапогами

возле самой головы и пополняя грудь
мертвецов новыми телами. Товарищи-
вальхалльцы снова заняли позиции и
принялись выстрелами из лазганов
выкашивать ряды предателей. В ухе
Пожара все еще скрипел голос вокс-
оператора, но теперь он корчился от
приступов истерического смеха, в котором
смешались облегчение, страх и отчаянный
вызов.

Ему потребовалась минута, чтобы
успокоиться и оценить обстановку. Он
остался один за вражеской линией фронта
и понимал: единственный способ выжить —
притвориться мертвым. Однако такой
вариант не рассматривался — не только
потому, что это было бы нарушением
долга, но еще и из-за неожиданного вызова к
полковнику и волнующей перспективы,
которую сулило избрание для некоей
почетной миссии.

Если полковник Стил вызывал его
лично, значит, у него было особое задание,
которое может выполнить только он. У
Пожара явится, чего бы ему это ни стоило.

Они захватили врага врасплох.

Силы Хаоса отвели свою артиллерию с этого фланга, решив, что он и так хорошо защищен развалинами городских стен, через которые имперским танкам не прорваться. Но ледяного гвардейца по фамилии Грэйл они явно недооценили.

Грэйл разбирался в машинах, но не так, как техножрецы, знающие внутреннее устройство, а понимал интуитивно. Казалось, он мог устанавливать связь с духами машин и повелевать ими, благодаря чему действовал с невероятной эффективностью. Именно Грэйл управлял боевым танком «Леман Русс» типа «Уничтожитель». От резких маневров шестидесятитонную машину подбрасывало и трясло. Казалось, она развалится на части, прокладывая путь сквозь руины.

Рядовой Баррески, высунувшись из башни танка, осматривал поле боя. Вдруг резкий порыв ветра разорвал снежную пелену, и Баррески представил себе ужас и изумление в глазах предателей, культистов и мутантов, увидевших, кто к ним пожаловал.

Переехав через очередные развалины, танк под ним нырнул, так что желудок чуть не вывернуло наизнанку.

--- Эй, Грэйл! --- прокричал Баррески сквозь оглушительный рев двигателя. --- Потише там! Иначе этот гроб будет украшен остатками сегодняшнего завтрака.

Тем временем танк с легкостью крушил стены здания. Бетонная балка, рухнувшая на башню, чудом отскочила в сторону. Баррески едва успел пригнуться, оказавшись в сантиметре от удара, который мог бы снести ему голову. Чтобы прийти в себя, он набрал полный рот воздуха и стал медленно выдыхать. Впрочем, беспокоился он не столько о себе, сколько об оружии --- собственных лазерных пушках, предмете своей гордости. Было бы обидно привезти их в такую даль и не использовать по назначению.

Однако, милостью Императора, они не были серьезно повреждены: балка, скользящая по левой пушке, оставила вмятину на стволе и незначительно сбавила настройку, что было поправимо.

Перевалившись с грохотом через очередное препятствие, они наконец вышли на ровную поверхность и набрали скорость. Враз, попавший в поле зрения Баррески, находился на одном уровне с танком. Препятствий между ними больше не оставалось.

Солдаты Хаоса не отличались дисциплиной: одни застыли от страха при виде надвигающегося Джаггернаута, другие пытались сражаться, третьи просто бежали, сбивая друг друга с ног. Баррески еще не успел сделать ни одного выстрела, как их сопротивление было сломлено.

Однако стрелки в спонсонах опередили его, открыв мощный огонь из болтеров, и теперь Баррески осматривал поле боя из башни, выжидая время и выбирая оптимальные цели: он знал, что из-за медленной перезарядки пушек придется считать каждый выстрел.

Баррески прицелился в великана, возвышавшегося над толпой. Лицо этого монстра, источавшего страх Хаоса, было сплошь покрыто гнойными фурункулами.

волосы клочьями липли к голове. Пальнувшись по мутанту из обеих лазерных пушек, Баррески почувствовал во всем теле отдачу, наполнившую его свежей энергией. Два луча с оглушительным треском рассекли воздух. Один из них попал в цель, не оставив от мутанта и следа.

«Леман Русс» врезался в армию Хаоса, оттеснив солдат бульдозерным отвалом и давя всех, кто не успел выскочить из-под его гусениц, перемалывающих кости и плоть.

Некоторым еретикам повезло выжить — тем, кто был позади танка и в «мертвых зонах», не обстреливаемых спонсонными болтерами. Зная, что их ручное оружие бессильно против пласталевой брони, они сосредоточили свой огонь на единственной уязвимой цели, которую стогло разглядеть, — голове Баррески. Неохотно расставшись со своими лазерными пушками, тот нырнул обратно в башню: у пушек, как и у спонсонных болтеров, был ограниченный угол обстрела — сорок пять градусов. Баррески развернул тяжелый

турельный стаббер и, не видя цели, выпустил по ходу танка глинную очередь.

Над краем оружейной башни появилась чья-то голова. Баррески напрягся.

Видать, этот культист увернулся от гусениц и, оказавшись возле спонсонов танка, залез наверх. Снаряжение у него было так себе: трофейная броня из разных комплектов, где-то велика, а в чем-то мала, и единственное оружие — нож. Но все же его внезапное появление стало угрозой.

Баррески успел вскинуть лазган. Культист с рычанием бросился на него, но лазерный луч мгновенно пробил его сердце. Он продолжал по инерции лететь вперед, но когда столкнулся с ледяным гвардейцем, уже был мертв. Баррески рискнул высунуться из люка и увидел, что на башню карабкается другой культист. Хватило одного выстрела, чтобы и этот сорвался с башни и, вопя, полетел под тяжелые гусеницы танка.

Армия Хаоса реагировала на вторжение одиночного имперского танка довольно вяло и только сейчас стала разворачивать свои боевые машины.

Разумеется, легяным гвардейцам это было на руку. Их атака отвлекла противника, ослабила давление на линию фронта и дала возможность остальным силам перегруппироваться и возобновить оборону полосы земли, которая иначе была бы потеряна.

На пути танков Хаоса оказались сотни пехотинцев, но их механиков-водителей это волновало не больше, чем Грэйла, -- кого давить гусеницами. Разрывные снаряды ударяли по броне «Леман Рүсса», и именно здесь дальнобойность и огневая мощь лазерных пушек пришлась как нельзя кстати. Ведь не даром их называли истребителями танков.

Баррески чувствовал себя в родной стихии, когда палил из пушек. Он сконцентрировал огонь на захваченной силатами Хаоса бывшей имперской «Салатандре»: облегченная конструкция позволяла ей идти впереди других машин, неистово изрыгая огонь из автомпушки. Баррески считал попадания: одно, два, три, четыре, -- и «Салатандра»

разлетелась на куски. В пылу боя он почти забыл, где находится, и видел перед собой только цели, выстроившиеся как на полигоне.

Они находились уже на достаточно близком расстоянии, чтобы вести ответный огонь, способный причинить реальный ущерб. Грэйл резко дал задний ход, но Баррески, взглянув на руины сзади, понял, что по ним боевому танку далеко не уйти.

У пушек кончился заряд. Баррески крикнул заряжающему, чтобы тот поскорее тащил новый аккумулятор: надо стрелять, пока есть возможность. Танки Хаоса прижали их, выстроившись в полукруг. Орудие левого спонсона было выведено из строя, и никто не надеялся выбраться отсюда живым.

Но Баррески не жаловался на судьбу. Экипаж знал, на что они идут, когда Баррески подал идею, а Грэйл подтвердил, что сможет вывести танк на позицию. Командир танка одобрил их план. Они достигли поставленной цели, нанеся по врагу сокрушительный удар, который

замедлил его наступление. Это все, на что они могли рассчитывать. Задание изначально было самоубийственным.

Война на Крессиде проиграна.

Рядовой Михалев предвидел такой исход еще несколько недель назад. Воздух был словно пропитан ощущением поражения. Михалев видел, как день за днем меняют облик континенты, а зеленеющие поля превращаются в арктическую тундру. Даже здесь, где стены цивилизации только начали рушиться, их обломки уже покрылись пятнами фиолетовой плесени, вытораживающей все вокруг.

Михалев присел на постаменте непонятной статуи — после взрыва от нее остались лишь ноги — и прислонил к плечу гранатомет. Увидев силуэт вражеского танка, он сразу выстрелил. Выпущенный им бронебойный снаряд просвистел над головами однопольчан и девятью рядами других ледяных гвардейцев. Не дождавшись момента, когда снаряд попадет в танк, Михалев вернулся к трудоемкой

перезарядке гранатомета. Для этого должен быть помощник, но во время последнего вражеского натиска помощника убили, а нового еще не назначили.

При попытке сделать следующий выстрел гранатомет заклинило. Обреченно вздохнув, Михалев потянулся за лазганом. Вудя, как быстро гибнут товарищи, он понимал, что ему, вероятно, скоро придется биться с врагом один на один.

«Конечно, чиновникам из командования вооруженных сил на нас плевать, — размышлял он. — Уж больно им не хочется терять этот богатый мир. Они треплют нам нервы, цепляясь за последнюю надежду, хотя она давно умерла. Они давно могли бы отдать приказ об эвакуации и так сохранить жизни миллионов гвардейцев, чтобы те могли сразиться в новых битвах. Но что для них жизни гвардейцев? Не более чем цифры на экране планшета. Их это не волнует».

Михалева не особо пугало, что сегодня ему предстояло погибнуть. Но было

обидно утирать ни за что.

Вдруг в наушнике вокса раздался голос, который изменил его судьбу.

Михалев соскользнул с постамента и направился вглубь улья, волоча за собой тяжеленный и бесполезный гранатомет, надеясь, что какой-нибудь техножрец его починит. Он думал о полученном приказе и даже слегка приободрился, представив, как будет злиться командир, узнав, что его необходимо отпустить.

Значит, полковник Станислав Стилл собирает команду для особого задания, и ему нужен Михалев. Единственный вопрос, который при этом возник: «Почему я?»

ГЛАВА ВТОРАЯ

До уничтожения

Крессиды 47 часов 4

минуты 33 секунды

Потерянные и проклятые каким-то образом добыли себе пару шагающих машин «Часовой» — то ли захватили силой, то ли они им достались, потому что пилоты перешли на сторону врага, как и многие гвардейцы в той войне. Имперские эмблемы на машинах были обезображены.

Теперь эти «Часовые» использовались, чтобы убивать имперских граждан. Они шагали среди полчищ исчадий Хаоса и прочих мутантов, сгребая и расплющивая своей единственной металлической клешней защитников улья Альфа.

Взвод ледяного гвардейца, рядового Борща занимал позиции вдоль границ ныне опустевшего жилого сектора. Пока им

удавалось сдерживать вражеский натиск, но появление «Часовых» ставило ситуацию под угрозю.

Ликвидировать их выпало отделению Борща. Сержант Романов кричал во все горло, приказывая солдатам сосредоточить огонь на громадине, шагавшей слева. Первые выстрелы Борща прошли мимо цели, и он выругался под нос, проклиная ненадежный прицел лазгана. Многие его товарищи попали в цель, но, казалось, лазерные лучи не причиняли машинам никакого ущерба — по крайней мере, сначала.

Наконец непрерывный обстрел начал давать результаты, и Борщ увидел, как из левого коленного сустава гвүногой машины посыпались искры. Легяные гвардейцы сосредоточили огонь на этой точке, не дожидаясь приказа. После минутной агонии, которая длилась почти вечность, «Часовой» рухнул, раздавлив своим корпусом несколько злосчастных тварей.

Но это заняло слишком много времени.

Сержант Романов снова выкрикнул

приказ, и отделение сосредоточило огонь на втором «Часовом». Однако завалить его вовремя не получится — мутанты доберутся до них раньше.

Бориц обдумал возможные варианты, пожав широкими мускулистыми плечами, опустил лазган. Романов бросил на него подозрительный взгляд.

— Простите, сержант! — крикнул Бориц. — Лазган неисправен. Заклинило на морозе. Что тут может поделаться солдат? — Затем он вытащил свой длинный нож, пригнулся и одним гигантским прыжком выскочил навстречу первому мутанту, идущему в атаку.

Столкнувшись с ним враг отлетел в сторону, и Бориц успел заметить, как на перекошенной морде мелькнула тень удивления. Пока мутант пытался удержать равновесие, Бориц вцепился в него, сбил с ног одним ударом и швырнул в двух других, идущих следом противников. Наконец и эти двое настигли его. Ловко уклонившись от их тяжелых ударов, Бориц схватил одного и перебросил через плечо другого. Он знал, что мутанты сильнее

его, и поэтому использовал против них их же собственную неуклюжесть, заставляя терять равновесие. Но продолжать в том же духе долго не представлялось возможным.

Ему и не пришлось.

Над Борцом навис второй «Часовой», в три раза превосходящий его ростом. Мутанты старались удерживать Борца на месте, опутывая терзкими щупальцами, пока шагоход заносил ногу, чтобы раздавить его. Издав громкий крик, Борц рубанул по щупальцам ножом. Едва воин успел освободиться, как на место, где он только что стоял, обрушилась огромная ступня шагохода. Борц сдернул с пояса противотанковую гранату и, сильно размахнувшись, бросил ее прямо по бронированную ногу «Часового».

Мутанты видели, что он сделал. Даже их убогих мозгов хватило, чтобы сообразить: надо бежать, пока не раздался взрыв. Борц тоже воспользовался этим мгновением и рванул к бойцам своего отряда, которые с изумлением наблюдали за ним и, как могли, прикрывали лазерным

огнем.

Через секунду раздался сильный взрыв, и Борщ почувствовал, как над ним нависла тень падающего «Часового». Он рванулся в сторону, и кабина машины грохнулась на землю рядом с ним. В потрескавшемся лобовом стекле Борщ увидел свое отражение — всклокоченную черную бороду, расщепленную ликующей белозубой улыбкой. За стеклом кабины он разглядел единственного пилота с побелевшим от ужаса лицом: видно, тот понимал, что неожиданное падение привело его прямо в руки врага.

Пилот лихорадочно держал рукоятки управления, пытаясь пустить в ход единственное оставшееся оружие — гигантская клешня «Часового» с лязгом развернулась в направлении легяного эскадрейца и попыталась схватить его. Борщ поднырнул под нее и пробил своими кулачищами лобовое окно. Схватив пилота за ворот мундира, он вырвал его из кресла и ударил головой о твердую землю — так, что сломал ему шею.

Лишившиеся своего преимущества,

мүтанты и прочие твари снова были отброшены. Борщ, покрасневшийся, вернулся к товарищам и подобрал свой лазган. Почувствовав, что на плечо опустилась чья-то твердая рука, он обернулся и поймал на себе суровый взгляд имперского комиссара.

На секунду Борщ испугался, что за неподчинение приказам его ждет дисциплинарное взыскание. За долгие годы службы они с сержантом Романовым научились понимать друг друга: Романов знал, что даже если Борщ действует не по уставу, от его действий все равно будет толк. Но сторонний наблюдатель может иметь другое мнение на этот счет.

К удивлению Борща, комиссар не стал обсуждать его поведение, а с хмурым видом передал приказ явиться к полковнику Стулу.

Рядовой Анагора слышала, как приближаются псы Хаоса, прежде, чем те появились. Из тоннелей доносился монотонный шум когтистых лап и голодный вой: псы, бежавшие из страдного подулья, явно

учуяли запах свежего мяса.

Обернувшись, она заметила первого из них — луч ее карманного фонаря упал на искаженный силуэт. Пес бросился на Петровского и перегрыз ему горло. Вслед за ним появились еще три пса. Ананора вырвалась сквозь зубы, понимая, что не успевает закрепить на разрушающейся стене трющобы магнитную мину.

Ее отряд из восьмерых солдат отправили в подполье для проведения подрывных работ. Командиры были обеспокоены тем, что у них не хватает солдат, чтобы сражаться на всех фронтах, поскольку значительная часть Имперской Гвардии уже покинула Крессиду. Разрушив стратегически важные секции подземных уровней, можно было перекрыть хотя бы один путь, ведущий в самое сердце подполья Альфа, и тем самым предотвратить проникновение сил Хаоса снизу.

Но, как выяснилось, враги были на шаг впереди. Никто не предполагал, что они так глубоко проникнут в подполье. Ананора и ее товарищи не успели установить и половину мин. Один из псов бросился на нее.

Сделав всего один меткий выстрел, она убила пса, понав лазерным лучом в его левый глаз. Подстреленный пес продолжал лететь по инерции, пока не врезался в Анакору, сбив ее с ног. Она упала на землю, ударившись лицом о песьи слюнявые клыки, и ее едва не стошнило от зловония, исходявшего из пасти.

Фонарь, выпавший из ее кармана, разбился. Теперь тоннель освещали перекрестные лучи фонарей ее шестерых товарищей и короткие вспышки их лазганов. Это создавало странный и жутковатый стробоскопический эффект. Анакора видела, что два последних пса приближаются к своим жертвам.

Она снова вскинула лазган и прицелилась. Но тут упал второй ее товарищ. Увидев, как его изувеченное тело трепыхается в капкане челюстей зверя-убийцы, Анакора издала сжавленный крик и нажала на спуск, злясь на себя за то, что прицелилась слишком долго и протедлила с выстрелом.

Ее поддержали двое гругих солдат, и пес, оказавшийся под огнем сразу с трех

сторон, закорчился от испепеляющего жара лазерных лучей. Наконец он упал в оцепенение, сжимая в своей пасти ногу вальхалльца.

Третий пес преодолел сопротивление сержанта Кубрикова, сбил его с ног и, вцепившись когтями в плечи, прижал к земле. Анакора снова рисковала заглотить выстрелом товарища, но на сей раз не медлила ни секунды. Запрыгнув на спину, она почувствовала, как шипы, растущие вдоль его хребта, вонзаются ей в бедра. Она сняла лазган, развернув его, подсунула ствол под псиную морду и резким движением вонзила в горло твари. Затем, стиснув зубы, она изо всех сил потянула лазган на себя. Анакора ощущала, как сопротивляются толстые мускулы псиной шеи, но не проявила слабость. Наконец она почувствовала, что кости хрустнули. Уродливая черная туша осела на землю, и благодарный Кубриков вырвался из мертвой хватки монстра.

За это время товарищи Анакору разделались с последним псом. При этом двое были растерзаны. Однако опасность не

исчезла. На стенах тоннеля появились новые тени, темные и злобные. Спустя секунду из-за поворота появился первый враг, при виде которого у Анакеры перехватило дыхание.

Облаченные в причудливую броню воины-гиганты, явившиеся из самого Ока Ужаса, источали такую угрозу и мощь, от которой у простого смертного кровь стыла в жилах. Враги подняли болт-пистолеты и открыли огонь. Анакеры метнулась к стене и, используя в качестве укрытия изгиб тоннеля, стала отстреливаться, хотя знала, что это бесполезно. По сравнению с противником их силы были стехотворны; вражьи организмы ничего не стоило раздавить горсткой уцелевших ледяных гвардейцев.

Сержант Кубриков, тоже прекрасно это понимавший, крикнул троим оставшимся солдатам, чтобы те отступали. Но вдруг появился новый звук — назойливое жужжание в наушнике Анакеры, в котором явно слышался приказ, хотя из-за моря помех слов было не разобрать.

У Анакеры, прижатой огнем болт-

пистолетов, не было времени думать. Вдруг ей в голову пришла спасительная мысль:

--- Мины, сержант! Взорвите мины! --- крикнула она Күбрикову.

Күбриков, догадавшийся об этом чуть раньше нее, уже нащупывал демонатор. Здания, стоявшие по обе стороны от костогесантников Хаоса, взлетели в воздух, и Анакору чуть не накрыло облаком пыли. Она бросилась бежать, но облако настигло ее и поглотило. Расслышав доносящийся сзади рык цепных мечей, Анакора поняла, что даже такого взрыва недостаточно, чтобы избавиться от противника: преследователи по-прежнему рвались вперед. Все, чего удалось добиться следяным гвардейцам, --- ненадолго замедлить их продвижение и замаскироваться от прицельного огня.

Как она хотела, чтобы все было иначе...

Из отряда в живых на тот момент оставалось лишь двое --- она и Күбриков. Первой добежав до лестницы, Анакора оглянулась назад и увидела, как глаза

сержанта остекленели, из рта хлынула кровь, и разрубленное поперек тело распалось на две части. В расступившемся на секунду облаке пыли показалось неподвижное лицо костогесантника Хаоса, который выдергивал свой меч из останков жертвы.

Анакора карабкалась по лестнице, преодолевая ступеньку за ступенькой. Каждую секунду она ждала, что холодные пальцы сожмутся на ее лодыжках и стащат вниз. Лестницу постоянно обстреливали из болтеров, и, чтобы предотвратить очередной выстрел, Анакора бросила вниз осколочную гранату. Затем она увидела сверху открытый люк и поняла, что может им воспользоваться. Ей следовало бы испытать облегчение, хотя бы оттого, что теперь ее товарищи будут предупреждены о появлении костогесантников Хаоса. Но она упала духом, поскольку знала, что задание провалено: ее отряд погиб. И труднее всего Анакоре было принять тот факт, что сама она выжила... в очередной раз.

Рядовой Грэйл шел, спотыкаясь об обломки, задыхаясь и кашляя от едкого дыма. Из раны на руке, задемой шальным осколком, сочилась кровь. Его глаза уже ничего не видели, уши не слышали, но он все равно время от времени оборачивался и вслепую налил из лазгана. И так, шатаясь, брел дальше. Он надеялся и ждал, что Баррески когда-нибудь перестанет тащить его за собой, бросит, и можно будет упасть и заснуть.

Сколько времени они так шли, он не знал. Последнее, что смутно возникло в памяти, — взрывы и вспышки, единственное, что чувствовалось, — мучительная жгучая боль, когда прямо перед его лицом взорвалась приборная панель «Леман Рюсса».

Потом он лежал на земле и глядел в серое небо Крессиды. На его щеки сыпались последние хлопья снега, остужая ожоги. К горлу подкатывала тошнота, в руке пульсировала боль. На секунду он подумал, что Баррески убит и сейчас настанет его очередь.

Но тут он увидел обеспокоенное лицо

наклонившегося товарища. Кожа на его лице тоже была розоватой от ожога, опаленная щетина на подбородке торчала в разные стороны.

--- Мы... мы убили всех до последнего?
--- спросил Грэйл.

--- Думаю, да, --- ответил Баррески. Вдруг что-то заставило его развернуться и выпустить очередь из лазгана. В кого стрелял Баррески, Грэйл не видел, лишь слышал резко оборвавшийся вскрик среди выстрелов. --- Теперь да, --- повторил Баррески, снова поворачиваясь к нему. --- Этот был последний.

Преследовать их среди руин решились немногие культисты. Большинство выживших остались зализывать раны и очухиваться от внезапной и яростной атаки. Легкие гвардейцы могли не опасаться здесь и вражеских танков --- если, конечно, предположить, что среди их механиков-водителей не было таких же асов, как Грэйл, а на это вполне можно было рассчитывать.

--- Думаю, капитан выбрался, --- сказал Грэйл, словно пытаясь вспомнить. ---

Кажется, я его с кем-то видел --- с кем, не помню...

--- Наверное, с Кампановым. Он выпрыгнул из люка, как снежный леопард с гранатой на хвосте, когда услышал приказ об эвакуации.

Грэйл приподнялся на локтях и, переведя дыхание, произнес:

--- Башенные пушки выведены из строя?

--- Обе --- одна из-за мороза, другая из-за осколков. Думаешь, стоял бы я здесь, будь у меня исправная лазерная пушка? Это же были настоящие произведения искусства! Продержись они хотя бы минуту, и я бы без проблем разделал еще пару танков.

--- Забудь, Баррески. Уверен, скоро мы найдем тебе новую игрушку, может, покрупнее прежней.

--- Думаешь, нам дадут новый танк? --- спросил Баррески. --- Ведь прежний ты не уберегли, точнее, три прежних...

Грэйл улыбнулся своему товарищу-танкисту с самодовольным видом человека, знавшего важную тайну.

--- Брось ты, --- сказал он. --- У нас

бюджет новая машина, и ты снова пойдешь в бой -- раньше, чем ты думаешь.

Грэйл рассказал Баррески о сообщении, которое получил по вокс-связи «Леман Русса» перед тем, как в танке прогремел взрыв. Ответить на сообщение Грэйл не успел, как и передать его тому, кому оно было адресовано, -- командиру танка. Но о сообщении знали два ледяных гвардейца, те, чьи имена в нем упоминались.

-- Тогда поднимайся на ноги, приятель, -- сказал Баррески. -- Нам нужно успеть доложить полковнику Стилу, а тут предстоит долгий и опасный.

Костюпорт Калхас кишел гвардейцами. Многие терялись в этой толчее и не могли найти своих, поскольку не слышали приказов из-за рева двигателей приближающегося посадочного модуля. Корабль пытался втиснуться в узкое пространство между другими почти такими же транспортным судном и старым потятым броненосцем. Флот отправил на эвакуацию все, что мог, -- все корабли.

способные вовремя долететь до Крессиды, независимо от выполняемой ими функции.

Наконец модуль совершил посадку, и его двигатели выключились, но тут же взревели двигатели другого корабля, идущего на взлет. Сержантам приходилось орать до хрипоты, чтобы призвать к трапам своих солдат. Блонскому, смотревшему из окна, эскадрильи казались разноцветными муравьями, бегущими по бетонной чаше в брюхо огромных металлических чудищ.

Пытаясь вернуть внимание Блонского к тесному серому помещению, в котором он находился, допросчик ударил его по лицу — так, что выступила кровь.

— Я задал тебе вопрос, Блонский. — Лейтенант был из Валигийского полка. Королевский Валигийский полк, как они сами себя называли. Одетый в красную форму с отделкой из сияющего золота, он излучал высокомерие, которым, как заметил Блонский, отличается его порога. Возможно, этот лейтенант сейчас был одним из самых старших офицеров на Крессиде. Большинство офицеров

эвакуировались на первых же кораблях. Разумеется, кроме вальхалльских командиров Блонского.

Блонский посмотрел на свои руки, закованные в наручники, затем поднял глаза и, встретив свирепый взгляд лейтенанта, спокойно изрек:

— Многоуважаемый сэр, надеюсь, я ответил на него. Я дал вам полный отчет о моих действиях сегодня утром. Я казнил сержанта Аркадина...

— Ты убил его, — прошипел валидиец. — Хладнокровно убил!

— Я казнил его, — возразил Блонский, — потому что он был дезертиром.

Лейтенант раздвинул ноздри от ярости:

— Аркадин был моим хорошим другом. Если у тебя имелись причины усомниться в его храбрости, ты должен был прийти ко мне или к кому-то из других командиров. Какие у тебя доказательства? Чем ты можешь подтвердить обвинение?

— Только то, что я видел, сэр. Мой взвод сражался с ордой мутантов, и меня

взрывом отрезало от остальных. Я
укрылся на старом складе, где и обнаружил
сержанта Аркадина. Уверен, он давно там
прятался.

--- Это он тебе сказал? --- резко
спросил лейтенант.

--- Нет, сэр, --- ответил Блонский. ---
Но по его жестам было видно, что...

--- Я ничего не хочу слышать о его
жестах!

--- Что ж, хорошо. Мутанты увидели,
что я зашел в здание, и я, чем мог,
забаррикадировал дверь, но они стали ее
ломать. Я приготовился встретить их
лазерным огнем, но сержант Аркадин
бросил свой лазер и попытался вылезти
через окно.

--- Не принимается как
доказательство, --- сорвался лейтенант,
скользя кулаком по столу между ними. ---
Ты ошибся, рядовой Блонский. Сержант
Аркадин... был... отличным тактиком. Не
сомневаюсь, что он решил выбраться со
склада, чтобы зайти к атакующему вас
противнику с тыла и...

--- Он бросил оружие, сэр!

— Какое ты имеешь право судить
одного из нас? — прошипел валигнец.

— Могу я снова задать вопрос, сэр? —
сказал Блонский. — Извещены ли мои
командиры о моем задержании? По
правилам один из них должен
присутствовать здесь. — Судя по
молчанию лейтенанта, ответ был «нет».

Блонский вздохнул и, кажется, уже в
сотый раз повторил:

— Сержант Аркадии был дезертиром.
Я расстрелял его в соответствии с
инструкциями, прежде чем он смог бы...

— Нет! — заорал лейтенант.

Блонский замолчал. Все равно его
никто не слушал.

Повисла тишина. Допросчик в это
время наблюдал из другого окна за
дейтельностью кастопорта внизу, видя, что
обеспокоенный тем, останется ли для него
место на корабле и как долго придется
ждать эвакуации.

— Тебе повезло, что там оказался
той взвод, — сказал наконец лейтенант,
чуть понизив тон, — и перебил мутантов,
не дав им проломить дверь и добраться до

тебя. Хотел бы я, чтобы наши оказались там чуть раньше и спасли моего сержанта.

--- Я тоже хотел бы этого, сэр.

--- Мое мнение таково, рядовой Блонский: ты убил сержанта Аркадина безо всяких на то оснований. Я не знаю почему. Может, это ты собирался дезертировать, а он встал у тебя на пути?

Единственный способ удостовериться -- созвать официальный трибунал, на котором, как ты сам говоришь, должны присутствовать твои командиры. А это, как ты знаешь, займет некоторое время, учитывая сложившиеся обстоятельства. К тому же высказывание таких оскорбительных обвинений способно очернить имя хорошего человека.

--- Как скажете, сэр.

Глядя на то, как ведет себя лейтенант и как он старается не смотреть ему в глаза, Блонский мог предположить, что, как бы лейтенанту ни хотелось верить в свои слова, больше он не был в них так уверен.

Тяжело вздохнув, лейтенант изрек:

--- Ладно. Проваливай отсюда. В любом случае для тебя было бы милостью держаться подальше от передовой. Ведь ты из Вальхалльского 319-го? Этот полк остается для действий в тылу противника, он обречен. Итак, рядовой Блонский, если ты столь ревностный и чертовски преданный Императору гвардеец, вот тебе возможность это доказать --- твой бесспорный шанс погибнуть за него!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

До уничтожения

Крессиды 45 часов 57

минут 14 секунд

«Термит» вызывал у Ивана Гавотского особые чувства.

Эту небольшую машину, снабженную огромным цилиндрическим буром, почти перевешивающим шасси, отличал характерный для вальхалльского облика снежный бело-зеленый камуфляж. По ее бортам были установлены шесть огнеметов, и еще четыре на самом буре.

Гавотскому много раз говодилось слышать истории о том, как его далекие предки боролись за выживание, когда астероид, упавший на их родную Вальхаллу, превратил ее цветущие поля в ледяные пустоши. Добавившееся к прочим бедам вторжение орков гало вальхалльцам повод сражаться и ощущение цели,

которой можно достичь.

Точные чертежи разработанной илмашины для бурения льда были давно утеряны. Но из всей современной техники именно этот «Термит» был максимально близок по своей конструкции к той древней машине, что помогла вальхалльцам выиграть войну. Благодаря ей люди получили власть над изменившейся окружающей средой — стали пробивать тоннели в толще льда и наносить по порочным орган удары там, где их меньше всего ждали.

Понятно, что с одним «Термитом» эту войну не выиграть, но поскольку Крессига с каждым днем все больше походила на Вальхаллу, он мог бы доставить особый отряд ледяных гвардейцев туда, куда иными способами не добраться. Только бы еще найти этих людей.

С тех пор как Гавотский отправил приказы, прошло более двух часов. Первым явился рядовой Михалев — спокойный худощавый человек с тонкими чертами лица, совсем не такой, каким Гавотский

представлял себе специалиста по тяжелому оружию. Следующей прибыла Анакора. Даже когда она признавалась Гавотскому, что быть назначенной в его подразделение для нее большая честь, выражение ее лица оставалось безразличным, а взгляд — безжизненным. Потом пришел Блонский: его черные прищуренные глаза смотрели настороженно, как у ястреба.

Вот, собственно, и все на тот момент, не считая нескольких вокс-сообщений, искаженных помехами. Двое из списка Гавотского значились убитыми, трое — пропавшими без вести, хотя их поиски продолжались. Еще о четверых, включая отобранных в резерв, не было никаких сведений. Приувывший сержант вздохнул с облегчением, когда увидел приближающуюся «Химеру», и даже не мог скрыть своего удивления, заметив тусклого широкоплечего солдата, ехавшего на ней, уцепившись за борт.

Пассажир не стал ждать, пока машина остановится. Он спрыгнул и легким шагом направился к Гавотскому.

Широкая белозубая ухмылка рассекала его черную бороду.

— Рядовой Борщ, — представился он. — Простите за опоздание, но ваше первое сообщение до меня не дошло. Техника подвела...

Гавотский также представился Борщу. Рядовой уже начал задавать свои вопросы, когда сержант, резко подняв руку, оборвал его и намекнул, чтобы тот ждал вместе с остальными возле «Термита». Новичок подчинился, и тут сержант заметил, что Борщ и все остальные бросили взгляд на трагичную фигуру полковника Станислава Стила.

Стил стоял в нескольких метрах от них с силовым мечом в ножнах у бедра и холодным пронизательным взглядом, наблюдая за происходящим. Его бионический правый глаз ярко вспыхивал при свете взрывов: это было единственное, что выдавало наличие аугментации.

Некоторые говорили, что из-за своих киберимплантатов Стил утратил эмоции, стал холодным и бесчувственным. Гавотский знал, откуда взялся этот миф.

И он считал, что ему дана особая привилегия — быть одним из немногих, кто знал правду.

«Хитера» остановилась, и из нее, обмениваясь шутками, вышли еще два ледяных гвардейца. Баррески и Грэйл — представились они. Теперь их шестеро, точнее, восемь, считая сержанта и полковника. Можно было бы обойтись и этим числом, но чтобы собрать полный спецотряд, как надеялся Гавотский, не хватало еще двоих. Он взглянул на Стила, ожидая приказов, но полковник привык доверять решениям своего сержанта.

Гавотский решил подождать еще минут десять. Вдруг погоснеет Палинев? Если повезет, их будет девять. Но все же...

Гавотский так надеялся на прибытие хотя бы еще одного ледяного гвардейца, что рассмотрел кандидатуру Пожара, несмотря на пестрый послужной список последнего и опасения Стила. Сержант когда-то служил с этим парнем и знал, насколько тот способен. Пожар был одним из троих, пропавших без вести, а это означало, что сейчас Гавотскому

оставалось лишь уповать на чудо. Иначе говоря, предстояло узнать, оправдана ли его вера в этого солдата.

Пожар утратил всякое представление о времени.

Он был так близок к своей цели — вернуться к товарищам, причём героем. Казалось, прошло много дней с тех пор, как их разлучили, и он лежал на поле боя, задыхаясь от стража разлагающихся тел поклонников Хаоса, которые стали для него прикрытие. А теперь ему оставалось пройти считанные метры.

Считанные метры... Но с таким же успехом это могли бы быть и километры.

Слишком долго лежать неподвижно. Поэтому молодому солдату было не по нраву. К тому же приближавшийся рев двигателей предупреждал о новой опасности — армия Хаоса продолжала наступление. Большинство пехотинцев прошли мимо, не заметив Пожара, но за ними двигалась тяжелая артиллерия, танки и орудия, и ему следовало действовать быстро, чтобы не оказаться

под колесами и гусеницами.

Выбравшись из кучи трупов, Пожар встал на ноги, чувствуя, как холодный воздух обжигает лицо. Он был готов к тому, что его заметят и пристрелят. Но враг почему-то не замечал. Видимо, из-за своей изогранной в клочья и выпачканной грязью и кровью формы он стал похож на одного из гвардейцев-предателей, сражавшихся на этом поле боя. Быстро сообразив, что надо еще больше усилить сходство, он сорвал с формы эмблему полка и даже подумал, не снять ли с кого-то из убитых предателей шинель с накатывающимися символами Хаоса. Но от одной мысли его передернуло, и желудок чуть не вывернуло наизнанку.

Пожар понимал, что нельзя стоять и ждать, надо что-то делать, чтобы казаться своим в этой толпе, а заодно обдумать путь к спасению. Он огляделся и заметил двух культистов, устроивших потасовку возле опрокинутой тележки. Украденная или плазменная пушка, свалившаяся с тележки, оказалась слишком тяжелой, и Пожар подбежал к

нит, чтобы поточь поставить ее на место. Случайно задев руку культиста, пока они поднимали пушку, он почувствовал, как у того что-то шевельнулось под плащом. При виде мелькнувшего черного склизкого щупальца его чуть не стошнило на месте.

Пожару до настоящей физической боли хотелось вытащить лазган и отправить этих урогов в мир иной. И он непременно сделал бы это, если бы не вокс-сообщение... Если бы не тот факт, что он нужен полковнику Станиславу Стилү.

Хотелось бы знать, как давно все это было.

При первой возможности он ускользнул от культистов, засунув напоследок в ствол пушки осколочную гранату. Когда пушка выстрелит, граната взорвется. Пожар надеялся, что получится мощный плазменный взрыв. Теперь он пробирался к передовой, маскируясь под еретика и укрываясь, по возможности, в брошенных полуразрушенных зданиях.

Неожиданно для себя он встретил

гражданских. В темном углу одного из зданий прятались четыре женщины с шестью детьми — скрывались от еретиков, которые сожгли их дома и убили мужей.

Сначала Пожар считал их ненужной обузой: стоит ему выйти вместе с ними из укрытия, как он сразу станет мишенью. Но женщины, ободренные появлением имперского гвардейца, своего спасителя, подсказали ему безопасный путь — люк, ведущий в подполье.

Пожар уже стоял возле выхода из тоннеля, по щиколотку увязая в отбросах, оставленных ныне почившими бесчисленными обитателями туннелей. Женщины, пытавшиеся успокоить детей, остались ждать его позади. Всего в нескольких метрах от него находилась лестница, по которой они могли выбраться на поверхность, к его товарищам, но она охранялась.

И уж никак Пожар не ожидал увидеть культистов в подполье. К счастью, женщины хорошо знали этот путь, и им до сих пор удавалось оставаться

незамеченными. Правда, многочисленные обходы и забаррикадированные тоннели выводили Пожара из терпения. Больше всего он боялся, что полковник Стилл поставил на нем крест или, того хуже, счител трусом и предателем.

Культистов было четверо. И он знал, что справится с ними. Их оружие было нацелено на верхний люк. Они ждали неприятностей сверху, а не снизу, и не догадывались о его появлении. С ними он сможет справиться.

Но ведь стоит культистам поднять тревогу, и сюда набегут толпы врагов. Сможет ли он сдерживать противника, чтобы вывести женщин и детей по лестнице через люк и выбраться вслед за ними?

Более осторожный человек мог бы еще подождать, поискать другую возможность или даже другую лестницу. Но не Пожар! Он и без того потерял много времени.

Пожар знал, что бой предстоит нелегкий, и шансы выжить не велики, но, не видя иного выхода, он схватил лазган и

открыв огонь, с ухмылкой на лице и безумным утробным стехом побежал навстречу врагу.

Под ногой рядового Палинева хрустнула ступенька. К счастью, он успел подпрыгнуть, ухватиться за поручень и подтянуться, прежде чем все ступеньки каскадом обрушились вниз. Так он добрался до самого верхнего балкона здания очистительного завода, как, собственно, и планировал.

Мысль о том, что товарищи считали его снятившим из-за нежелания носить вальхалльскую фортенную шинель, вызывала утешку. Пусть бронежилет не обеспечивал такой защиты от холода, он был намного легче и делал Палинева более ловким и гибким. А ведь именно ловкость только что спасла ему жизнь.

Палинев добрался до высокого узкого окна, на которое указывал ему сержант, стоявший снаружи, внизу. Притаившись возле окна, он достал свой снайперский лазган и выбил прикладом стекло. Вдушный трек завода ворвался порыв

ледяного ветра, отчего рутяные щеки
Палинева раскраснелись еще больше.

Прислонив к подоконнику глинный
тонкий ствол своего оружия, он стал
ждать.

В этой части улья бои начались
недавно, и многие здания стояли целые.
Взвод Палинева пытался загнать врага в
тесное пространство — на узкую улицу, где
было не развернуться, что гало бы взводу,
державшему оборону, некоторое
преимущество. И стратегия сработала.
Первый натиск войск Хаоса,
столкнувшись с линией обороны ледяных
гвардейцев, остановили. Это сделало
противника легкой мишенью для Палинева
и девяти вальхалльских снайперов,
стрелявших из других окон. Делая выстрел
за выстрелом, он убивал одного врага за
другим.

И вдруг в одну секунду все изменилось.

Сначала Палинев не понял, что
произошло, лишь почувствовал, что
тактика боя изменилась и что теперь его
товарищи сражаются с кем-то другим, но
с кем — не видел. Было ясно одно: на них

кто-то наступал с тыла. Он увидел, как их ряды прорезали лазерные лучи, стреляли из зоны, в которой, по идее, не должно было быть противника. Вальхалльцев застали врасплох, это было настоящее побоище.

У Палинева замерло сердце. Он оставил свой пост и побежал по круглому балкону, отбивая шаги по металлической решетке. Через три окна он нашел лучший обзор и, к своему ужасу, увидел, как из люков подулья лезут толпы культистов и гвардейцев-предателей, пытаясь обойти вальхалльцев с флангов. Легкие гвардейцы внизу сосредотачивали все свои силы, чтобы отразить атаку, хотя понимали: шансов у них нет. Палинев как мог помогал товарищам, отстреливая еретиков одного за другим, пока у него оставалось время.

Где-то внизу с грохотом обрушились ворота очистительного завода. Палиневу вдруг показалось, что гул сражения стал громче и ближе.

Враги засекли его. Осколочная граната перелетела через перила балкона

и подкатилась к ногам Палинева. Он уже бежал, спасаясь от взрыва, который разворотило часть стены. Ускореженный и частично лишенный опор балкон грожал и скрипел под его ногами. Добежав до последней уцелевшей лестницы, Палинев увидел, что к нему поднимаются четверо: по плащам и непристойным татуировкам признал в них культистов Хаоса.

Он поднял оружие, но культисты были очень проворны: ему пришлось унасть на живот, чтобы избежать их лазерного огня. Палинев не привык к ближнему бою и не был создан для него. За годы своей службы он оттачивал навыки меткой стрельбы из укрытия. Столкновение лицом к лицу с врагом являлось для него самым жутким кошмаром — враг видел его!

Вдруг он почувствовал, как секция решетки под ним с треском скользнула вниз. Лихорадочно протиснувшись сквозь отверстие, Палинев начал спускаться по опорным конструкциям. С высоты шести метров он прыгнул на первый этаж и перекатился, чтобы стянуть удар.

Культисты, которых он оставил на шатающемся балконе, продолжали его искать, и он решил избавиться от них их же способом. При виде летящей гранаты один из них попытался бежать, а трое других, видя, что это бесполезно, прыгнули вниз.

Пока культисты летели вниз, Палинев выстрелил и ранил одного: из-за неудачного приземления послышался хруст костей. Граната взорвалась, и балкон рухнул, а вместе с ним две стены. Все, что успел сделать Палинев, это упасть на колени и прикрыть голову руками — и тут его накрыла волна скрежета и треска.

Когда все закончилось и последнее эхо затихло, Палинев поднял голову и увидел, что один из культистов выжил и наводит на него лазган. Услышав знакомый треск лазерного выстрела, Палинев закрыл глаза и подумал, что это, наверное, последнее, что он слышит в своей жизни.

Потом он снова открыл глаза и увидел, что культист лежит мертвый на полу.

Над трупом возвышался ледяной

гвардеец, имени которого Палинев не знал.

— Ты разведчик Палинев? — спросил он.

Тот безучастно кивнул.

— У тебя что-то со связью, — сказал гвардеец. — С тобой уже полчаса пытаются связаться. Тебя ждет Стил.

Они построились возле «Термита» — Стил и девять отобранных им солдат, которым предстояло доверить свою жизнь и, что более важно, успех этого задания.

Они стояли, сняв шапки и каски и молча склонив головы. К каждому из них по очереди подходил священник и клал на голову свою длань, даруя благословение Бога Императора. Стил проклинал свое обостренное обоняние. Он приложил колоссальные усилия, чтобы преодолеть приступ угрызя из-за едкого дыма, струившегося из кадила священника.

Появление священника было для всех неожиданностью. О том, что Экклезиархия особенно заинтересована в успехе этой миссии, Стил, разумеется, знал, но чтобы так освящали целый

отряг... Это было почти неслыханно. И все же, несмотря на то, что где-то рядом раздавались выстрелы и взрывы, ревели двигатели и слышались крики утирающих, несмотря на весь этот фон, создаваемый звуками войны, ритуал принес редкостное чувство спокойствия и внутреннего утешения. Стул даже был этому рад: ритуал словно оживил его.

Полковник заметил, что Пожар не слишком воодушевлен происходящим. Из всех бойцов этот молодой солдат прибыл последним, и его распирало желание поскорее рассказать, через что ему пришлось пройти, чтобы добраться сюда. Его тело было словно сжатая пружина, а руки так и чесались поскорее покончить с церемонией да пойти в бой, чтоб кого-нибудь убить.

Когда пришла очередь Блонского, он гордо выпятил грудь, и его тонкие губы растянулись в улыбке праведника. Михалев, напротив, был напряжен и сдержан, словно благословение его никак не коснулось. Стоявшая рядом Анагора слегка вздрогнула, ощутив прикосновение

священника, из ее опущенных глаз упала единственная слеза.

Церемония завершилась, и священник, кивнув и великодушно улыбнувшись Стилу напоследок, неспешно ушел. Полковник глубоко вздохнул: мгновение мира для него закончилось, пора было возвращаться к делам. Он кивком дал знать сержанту, что пришло время. Гавотский шагнул вперед и, прокашлявшись, обратился к солдатам.

--- Возможно, вы слышали об исповеднике Воллькенгене, --- сказал он. --- Возможно, вам известно, что месяц назад он прибыл на Крессиду, чтобы заботиться о душах ее людей и научить их сопротивляться скверне, охватившей этот мир. Возможно, слышали вы и то, что исповедник --- один из лучших людей за всю историю Империи. В частности, благодаря его пастырскому слову была выиграна война в системе Артеиды.

На самом деле Стил впервые услышал имя Воллькенгена лишь этим утром и сомневался, что Гавотский мог слышать его раньше. Но, судя по тому, как была

заинтересована в его спасении
Экклезиархия, этого исповедника считали
почти святым.

--- Три дня назад, --- продолжал
Гавотский, --- исповедник отправился в
отдаленное поселение к северу отсюда,
чтобы установить связь с группой
верноподданных партизан. Его челнок
обстреляли. В последнем вокс-сообщении,
переданном его пилотом, говорилось, что
челнок совершил аварийную посадку и
исповедник Воллькенген жив. Но связь
внезапно прервалась, и с тех пор от них
никаких известий.

Местность, на которую сел корабль
исповедника, еще три с половиной года
назад представляла собой лесной массив,
пока туда не проникли силы Хаоса.
Понятно, что за это время природные
условия там сильно изменились. Нам мало
что известно об этом районе. Ясно лишь
то, что теперь он сплошь покрыт
ледниками и почти непроходим. Почти... ---
при этом Гавотский с гордостью
похлопал «Термита» по броне.

--- Может статься, исповедник

Воллькенген мертв. Наша задача ---
выяснить это и, если он жив, вернуть его.
Имперская гвардия в настоящий момент
не располагает ресурсами для
полномасштабной поисково-спасательной
операции. В любом случае похоже, что
тайная спасательная операция имеет
больше шансов на успех. Вот почему мы с
полковником Стилом поведем через
ледники только один отряд, и вот почему
каждый из вас был выбран для этого
задания: ваши командиры доложили нам,
что вы --- лучшие из всех солдат
Вальхалльского 319-го.

--- Простите, сержант, --- вмешался
рядовой Борщ, --- следует ли понимать,
что на задание нас поведет сам полковник
Стил?

--- Так точно, рядовой, --- ответил
Гавотский. --- У тебя с этим какие-то
проблемы?

--- Никак нет, сержант. --- На самом
деле Борщ был от этого в восторге, и
когда смотрел на Стила, в его глубоко
посаженных голубых глазах сияло
восхищение.

--- Есть одно обстоятельство, о котором сержант Гавотский еще не упомянул, --- произнес полковник. Солдаты, впервые услышавшие голос полковника, старались внимать каждому его слову. --- Вы знаете, что Крессига эвакуируется, --- продолжил Стил. --- Но вам не сказали, что подписан приказ на Экстерминатус, потому что эта информация строго секретна.

Палинев громко вздохнул, остальные приняли эту новость в трачном молчании.

--- Корабли флота уже в пути, --- сказал Стил. --- Крессига подвергнется вирусной бомбардировке с орбиты и будет полностью стерилизована... Планета богата минеральными ресурсами, и есть надежда, что когда-нибудь ее можно будет снова заселить. А пока...

--- Силы Хаоса, возможно, выиграли этот бой, --- закончил его мысль Гавотский, --- но насладиться победой им не удастся.

--- Все это означает, --- продолжил Стил, --- что на выполнение задания отведен малый срок. Сегодня утром меня

четко и однозначно проинформировали, что вирусная бомбардировка начнется через сорок восемь часов, независимо от того, будет ли — или, точнее говоря, исповедник Воллькенген — на Крессиде или нет. С того момента прошло чуть более трех часов. А по сему, джентльмены и леди, я предлагаю всем занять места в «Термите». Время не ждет.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

До уничтожения

Крессиды 44 часа 49

минут 9 секунд

--- Ты не должен был возвращаться.

В десантном отделении стоял шум из-за рева двигателя «Термита» и голосов десятых ледяных гвардейцев, которые оказались вместе в тесном пространстве и теперь знакомились друг с другом, обсуждали, кто на что способен. Но голос Блонского, перекрывший шум, заставил всех замолчать.

--- Ты не должен был возвращаться, --- повторил он. На его скуластом лице застыло каменное выражение. Взгляд темно-зеленых глаз пронзал жертву.

Пожар рассказывал историю о своем героическом возвращении из вражьего тыла, хотя Гавотский втайне предполагал, что некоторые свои подвиги

он явно преувеличивает. Молодой солдат замолчал на полуслове и, не зная, чем возразить, недоуменно уставился на своего обвинителя.

--- Твои шансы на выживание были минимальны, --- сказал Блонский. --- Если бы тебя убили, то убили бы выстрелом в спину --- смерть бессмысленная и позорная в глазах Императора. Он привел тебя в самое сердце врага, и ты, вместо того чтобы думать о своем спасении, должен был использовать эту возможность, чтобы нанести оттуда удар по противнику.

--- Но... но я выжил, --- сказал Пожар. --- Выжил и вывел оттуда мирных жителей и... и доставил важную информацию о действиях противника в подполье. --- Он украдкой косился на Стила, опасаясь, что полковник согласится с обвинениями Блонского. Однако выражение лица полковника оставалось нейтральным.

--- Не вижу смысла рассуждать о том, что могло бы быть, --- изрек Гавотский. --- Рядовой Пожар доказал, что ситуация не была безнадежной. Он смог вернуться к нам, чтобы дальше сражаться, служа

Императору.

Пожар, воодушевленный поддержкой
сержанта, тут же нашел, что ответить
Блонскому:

--- Думаешь, я долго продержался бы,
окруженный предателями, если бы начал
стрелять? Скольких бы успел уложить?
Пятерых? Шестерых? Да я сегодня еще до
завтрака убил в три раза больше, и то же
самое сделаю завтра, и на следующий день.
Вот как я служу Императору! А как
насчет тебя, рядовой Блонский? Сколько
ты убил сегодня врагов? Ты
действительно хочешь поговорить о том,
чья жизнь ценнее?

Взгляд Блонского не дрогнул.

--- Ты не должен был возвращаться, ---
повторил он с непоколебимостью охотника
на везд.

«Сермит» тряхнуло. Грэйл, сидевший
за рычагами управления, оглянулся через
плечо и крикнул:

--- Мы только что выехали из улья,
сэр. Противника пока не видно.

--- Мы можем рассчитывать на
прикрытие? --- спросил Гавотский.

--- Похоже, нам навстречу идут две «Химеры», --- сказал Грэйл. --- Возможно, к ним присоединится третья, ждем сообщения от взвода «Урса».

--- Смотри в оба, Грэйл, --- сказал Баррески, --- ты только покажи мне врага, и я докажу, что нам не нужны телохранители! --- Присев возле одного из огнеметов, установленных в корпусе, он стал осматривать ствол и регулировать прицел. Его энтузиазм был понятен, но Гавотский знал, что «Термит» не создан для боя и не обладает необходимой огневой мощью. И поскольку бои шли ближе к северу, они выехали из улья через восточные ворота --- из района, еще не затронутого боевыми действиями. Первый участок пути им придется проехать по поверхности, и они надеялись избежать боя. Однако обеспечить себе достаточное пространство для маневра у них не было времени.

--- Если на нас нападут, --- сказал Борщ, --- я лучше выйду отсюда и доверюсь силе своих рук, нежели останусь задыхаться или окоченевать в этой

жестянке.

Борищу было явно тесновато в машине. Его массивное тело оказалось зажато между Баррески и Анакорой. Хотя Борищ сел в «Термит» одним из первых и выбрал это место неспроста: уж очень не хотелось сидеть за огнеметом.

— Думаю, ты согласишься со мной, приятель, — продолжил он, с излишней фамильярностью хлопнув Палинева по плечу. От силы его удара невысокий худощавый Палинев чуть не свалился на пол. — Чтобы не засекли, тебе, разведчику, приходится полагаться только на свои способности, ведь так? А какой прок от огромной лязгающей машины, в которой ты сидишь!

— Шутишь? — произнес Баррески. — Без машин наши предки не выиграли бы Великую войну. Ведь машины, подобные этой, изменили ее ход и позволили изгнать грязных орков с нашей планеты.

— От машин было бы мало пользы, — возразил Борищ, — если бы ими не управляли сильные и храбрые люди. Не в машинах наши предки обрели волю

разгромить захватчиков, солдат
Баррески, но в отважных сердцах.

Анакора почти не участвовала в беседе, лишь назвала свое имя, четко и коротко ответила на вопросы, касающиеся ее послужного списка. И, пожалуй, все. Она сознавала, что их выбрали для этого задания, потому что каждый уже проявил себя как опытный специалист, и считала, что не имеет права сидеть здесь.

В Имперской Гвардии служили немногие вальхалльские женщины. Мужчины массово уходили на войну и редко возвращались, а они выполняли свою жизненно важную и почетную задачу — поддерживать численность населения империи, рожать и воспитывать новое поколение ледяных гвардейцев. Именно такой судьбы ждала для себя Анакора, пока ее ожидания не были разрушены несколькими холодными фразами равнодушного медика.

Ей понадобилось несколько дней, чтобы смириться с этой новостью и понять, что ее жизнь теперь

бесстысленна. Даже бывшие подруги и семья смотрели на нее с презрением, считая обузой, на которую общество напрасно тратит ресурсы. Но еще тяжелее было рядом с теми немногими, кто понимал ее и жалел.

Уйти в Имперскую Гвардию Анакору никто не заставлял, она сама поняла, что у нее нет другого выбора. Худший грех, который ты можешь совершить как гражданин Империи, -- использовать не все свои возможности, чтобы служить Императору. У нее оставалась лишь одна возможность.

Анакора думала, что основной курс боевой подготовки станет для нее тяжким испытанием. Оставалось сплестись со всем и пройти через это. Единственной ее целью было стать не хуже мужчин, которые готовились к этому всю жизнь. Анакора усердно тренировалась и закаляла себя, чтобы быть такой же крепкой и выносливой, как любой из них. И никто не был удивлен больше, чем она сама, когда она с честью прошла подготовку.

Но все же она чувствовала себя так,

словно стошеничала и обманым путем
проникла в мир, которому не
принадлежала, и знала, что выдаст себя в
первом же сражении. Средняя
продолжительность жизни имперского
гвардейца в бою составляла пятнадцать
часов, хотя для легяных гвардейцев могла
быть и больше — возможно, семнадцать
часов. Прожить так долго Анакора не
рассчитывала, но знала, что если ей
удастся убить хотя бы одного врага или
уничтожить хотя бы одного еретика,
чаши весов уравновесятся, и она оправдает
свое брренное существование.

Прошло четыре года, но Анакора была
жива, и не знала почему. Она должна была
погибнуть в своем первом бою. Как и в
подулье пару часов назад. Сколько раз на
скольких планетах ее ждала неминуемая
гибель! И тем более на Астаром Прим гва
с половиной года назад.

Астаром Прим... Агская бездна с
огненными озерами и реками
расплавленной лавы, планета, на которую
не должна ступать нога гвардейца,
привыкшего к низким температурам

Вальхаллы. Но на эту планету все-таки
заслали роту ледяных гвардейцев, чтобы
противостоять нашествию их старейших
врагов --- орков, и вся рота была
уничтожена в кровавой боине.

В лучшие времена Анакора пыталась
вообразить, что уцелела, потому что
Императором ей уготована какая-то
особая миссия. И когда было особенно
тяжело, она воскрешала в памяти
момент, когда однополчанин и хороший
друг, чтобы спасти ее, бросился под орочий
топор.

В послужном списке Анакору
значилось, что она способна выживать в
самых трудных условиях, а эта редкая
способность высоко ценилась в Имперской
Гвардии. Но Анакора знала правду --- она не
смогла бы так долго оставаться в живых,
если бы полагалась только на собственные
силы, и выживала потому, что всякий раз
ее кто-то жалел и считал нужным
защитить.

Вот и сейчас ей снова дали шанс, сняв
с другого задания, где ее ждала
неминутая гибель. И все благодаря ее

послужному списку. Она не могла не думать о том, что, возможно, на сей раз удача отвернется от нее, и все станет ясно.

Анакора ждала смерти как освобождения и боялась лишь одного — что, умирая, заберет с собой на тот свет других солдат своего отряда.

Присоединившийся к разговору Михалев соглашался со своими новыми товарищами, утверждавшими, что силы Хаоса не ожидают внезапного нападения и что исповедника Воллькенгена можно считать спасенным, однако собственные мысли на этот счет держал при себе.

Сам он был обеспокоен и знал, что за бравадой каждого тоже скрывается беспокойство. Возможно, кроме Пожара или Борща — эти двое производили впечатление безупречных солдат с промытыми мозгами, живущих лишь ради того, чтобы погибнуть. Им и в голову не приходило усомниться в приказах или подумать о том, чтобы найти своей жизни лучшее применение.

А Михалев загавал себе такие вопросы. Он размышлял над деталями поставленной задачи и ее логикой, заставляющей жертвовать десятками жизнями ради сомнительного шанса на спасение одной. Если исповедник Воллькенген — настолько важная персона, почему Инквизиция так мало заботится о его спасении? Почему бы им не отложить ради него вирусную бомбардировку на несколько дней?

Разумеется, он не мог спросить об этом вслух. Даже если кто-то из других солдат, с которыми он едва знаком, и согласился бы с ним, он все равно не постеснялся бы в этом признаться. Нет, выступать будут такие, как Блонский, привыкшие изрыгать обвинения и заявлять, что усомниться в своих вождях, хоть они все равно лишь люди, — все равно, что усомниться в самом Императоре. А ведь вожди и заставляют так думать.

Впрочем, Блонский даже не услышал бы его: стоит Михалеву открыть рот, как Стил или Гавотский тотчас исполнят свой долг и расстреляют его. Поэтому он

держал язык за зубами и говорил лишь то, что от него ожидали услышать, и делал что прикажут, словно безупречный солдат с промытыми мозгами. У том факт, что Михалев находился в «Термите», в составе этого отряда, доказывал его способность превосходно играть свою роль.

Он делал все это потому, что у него был один выход, куда более опасный, чем служение Империи, -- не служить ему.

«Термит», подвергшийся обстрелу, сотрясало взрывными волнами. Оглушительный рев двигателей мешал Стилу определить по звуку, из «Василиска» их обстреливали или из бомбарды, и какими стреляли снарядами.

-- У нас проблема, сэр! -- крикнул Грэйл, сидевший за рычагами. -- Нас засекли. Дальнобойная артиллерия обстреливает из засады. Хорошо замаскировались! Ответить бы им огнем, но «Хитеры» не видят цели. Командир одной из них спрашивает вашего разрешения покинуть строй и отправиться на поиски противника.

--- Отставить, --- произнес Стил. ---
Делай что можешь, Грэйл. Найди укрытие
и выведи нас из зоны обстрела. Но не
стрелять по противнику! Повторяю: не
стрелять.

--- Есть, сэр, --- ответил Грэйл.
«Термит» резко развернулся вправо ---
настолько резко, что Стил даже не думал,
что такое возможно. Ему даже на миг
показалось, что левая гусеница оторвалась
от земли.

--- Нам бы сюда дымовой
гранатомет, --- сказал Баррески. ---
Найдется хотя бы пара дымовых гранат
или что-нибудь, что можно кинуть через
бойницу для огнетета?

--- Пока сидим здесь, мы для них ---
легкая добыча, --- забеспокоился Борщ. ---
Если бы мы вышли наружу, противнику
было бы труднее стрелять по десяти
небольшим движущимся мишеням.

В этот момент по задней части
левого шасси «Термита» прошла
сильнейшая ударная волна --- прямое
попадание. Удар был такой силы, будто их
сзади таранил танк. Стил едва не упал на

Грэйла. Спасло то, что ледяные гвардейцы были очень плотно втиснуты в свои сиденья.

Грэйл прошептал молитву. Двигатель закашлял, заклокотал, завыл и наконец снова взревел на полную мощь. Подвеска «Термита» была прострелена, и казалось, что от этой вибрации машина вот-вот развалится на части. Десантное отделение наполнилось дымом.

— Палинев, Михалев, — произнес Гавотский, — посмотрите в ящиках со снаряжением, может, там что-то найдется для дымовой завесы, как предлагал Баррески. А ты, Баррески, проверь бур и убедись, что он исправен. Грэйл...

— Знаю, сержант, — ответил Грэйл. — Уходит отсюда, к черту!

Никому из десяти ледяных гвардейцев не понадобилось говорить, о чем каждый думал: всем было ясно, что второго попадания машина не выдержит.

Все бросились исполнять приказы. Стил положился на Гавотского и его способность справиться с ситуацией, а сам

использовал момент, чтобы пронаблюдать за действиями каждого бойца его новой команды. Чем больше он узнает о них, тем проще будет командовать. К тому же официальные послужные списки сообщали далеко не все.

Что-то в позе и жестах Михалева, например его опущенные плечи, говорило о том, что он не верит в успех задания и лишь изображает дисциплинированного солдата. В послужном списке об этом не говорилось, и это тревожило. Стилл считал, что и за Пожаром стоит приставать, хотя в его случае характеристики, представленные командирами, были предельно ясны. От Пожара следовало ждать чего угодно. При всей преданности Императору он, похоже, не представлял границ своих возможностей. Направь его сражаться против армии тиранидов, не дав специальных инструкций, и он непременно отправится на поиски Тирана Улья, чтобы плюнуть ему в глаз. Подобная самоуверенность в таких заданиях может обернуться гибелью для всех.

Пожар был здесь потому, что за него поручился Гавотский. Он командовал подразделением, в котором служил этот молодой солдат. По мнению Гавотского, Пожар был одним из лучших рукопашных бойцов, которых он когда-либо видел. Кроме того, Гавотский клялся, что знает о недостатках Пожара и сможет обуздать его нрав. Стил верил ему, зная, что его опытный сержант редко ошибается.

Если Пожара отличала излишняя самоуверенность, то у Анакеры была противоположная проблема. Из всех бойцов отряда у нее самые лучшие рекомендации, но Стил уже понял, что она верит в себя меньше, чем в нее верят другие. Полковник чувствовал, что из всего отделения он один солидарен с ней в этом мнении.

Далее Блонский — солдат, которого ни в чем не смог упрекнуть ни один из прежних командиров. Тем не менее, судя по выражениям, использованным в рапортах, они были более чем рады избавиться от него.

Блонский расстрелял на поле боя минимум шестерых своих товарищей.

обвинив их в ереси. Три подобных обвинения он выдвинул против старших офицеров, причет один из них был генералом. Внешне все его действия выглядели оправданными, но, читая между строк, Стилл заметил, что командиры считали Блонского помехой и человеком опасным. Он был в числе резервных кандидатов, отобранных в отряд Стилом и Гавотски. Последний справедливо заметил, что поскольку в рядах Имперской Гвардии, воюющей на Крессиде, участились случаи дезертирства и предательства, пока девять пар глаз сосредотачиваются на поиске исповедника Воллькенгена, пусть десятая пара присматривает за ними.

Наконец обстрел прекратился. Казалось, Грэйл был прав: невидимый наводчик, стрелявший в них из засады, видимо, предпочел не оставлять свою позицию ради преследования горстки машин противника.

Последние несколько минут единственной защитой «Термита» была дымовая завеса, которую создали Палинев с

Михалевым, бросив дымовые гранаты. Милостью Императора этого оказалось достаточно. Десантное отделение машины еще несколько раз тряхануло от взрывов, но ни один из снарядов не упал настолько близко, чтобы нанести ущерб. Кроме того, Баррески, пересевший на переднее сиденье рядом с Грэйлом, доложил, что бур — главное оружие «Термита» — не поврежден.

«Термит», которым управлял Грэйл, с трудом прокладывая себе путь по территории, которая когда-то была плодородными полями, а теперь покрылась толщей грязного снега и вездесущей фиолетовой плесенью. Грэйлу не терпелось сильнее нажать на педаль и выжать побольше скорости из ревущего двигателя, чтобы наверстать время, которое они потеряли из-за незапланированного маневра. Однако обгонять «Хитеры» он не хотел.

Четыре «Хитеры», прикрывавшие «Термит» со всех сторон, уже начали буксовать, преодолевая обледеневшие глубокие рытвины, которых на их пути

становилось все больше.

По мере продвижения колонны снег становился все глубже, пока не начал доставать почти до верха гусениц. Несмотря на то что «Хитеры» были оборудованы бульдозерным и отвалами и их экипаж состоял из опытных ледяных гвардейцев, продвигались они тучительно медленно. С разрешения Гавотского Грэйл связался по воксу с водителями «Хитер» и договорился о том, чтобы «Термит» возглавил колонну.

Вскоре Грэйл увидел ледники, и даже он, выросший среди ледяных ландшафтов Вальхаллы, присвистнул от удивления. Ледники встали на их пути сплошной стеной; машины рядом с ними казались крошечными. Грэйл поймал себя на недостойной имперского гвардейца мысли, с которой, по всей видимости, согласился бы рядовой Борц: мало что из созданного руками граждан Империи могло сравниться с этим великолепием природы.

Они с грохотом двигались по дну дугообразной лощины. Гавотский велел солдатам быть поосторожнее с

огнетатами, чтобы не обрушить на «Термит» лавину. Уже около часа не случилось никаких неприятностей, и Стил отдал приказ отпустить эскорт.

«Хитеры» повернули назад. Два водителя по воксу пожелали командовать удачи. Наконец «Термит» остался один, и Грэйл повел его в направлении возвышавшейся впереди ледяной стены.

Если верить тактическим картам, ледники почти замыкались в кольцо вокруг обширного пространства, удерживаемого силами Хаоса. Грэйл не сомневался, что немногочисленные дороги, ведущие в этот район, усиленно охраняются. Последнее, чего могли ждать силы Хаоса, — удар через огромные ледяные стены. Как и сюрков, которые однажды напали на его родную Вальхаллу, еретиков ждал неприятный сюрприз.

— Эй, рядовой Борщ! — крикнул Баррески, оборачиваясь назад. — Мы почти приехали. Мне включить бур, или ты сам выйдешь и будешь пробивать нам путь сквозь льды голыми руками?

— Столкновение с поверхностью

ледника через тридцать секунд, -- сообщил
Грэйл. -- Ты готов, Баррески?

-- Всегда готов, -- ответил
Баррески. Его руки манипулировали
рычагами с наработанной легкостью,
хотя, насколько было известно его
товарищу-танкисту, Баррески имел дело
с подобной машиной впервые. Огромный
белый бұр «Термита», приведенный в
рабочее положение, загораживал Грэйлу
обзор. Впрочем, Грэйл от этого не так уж
много потерял, поскольку все, что
открывалось его взору за последние
несколько минут, -- серая плоская
поверхность приближающегося ледника.

Баррески включил бұр. Грэйл тем
временем начал обратный отсчет.

-- До столкновения десять... девять...
восемь...

-- Кто-нибудь хочет поспорить со
мной и Грэйлом, что мы пробьется сквозь
эту ледяную гору, даже не снизив
скорость?

Баррески пальнул сразу из четырех
огнеметов, установленных на бұре, и Грэйл
увидел, как вокруг головки бұра вспыхнуло

оранжевое гало. Огромная серая стена покрылась паром и начала стекать ручейками. Но она все равно оставалась твердой как камень, и казалось, что лег вот-вот проломит лобовое окно «Термита». Грэйлу приходилось бороться с желанием дать задний ход.

--- Три... два... один... --- считал он сквозь стиснутые зубы.

И когда отсчет достиг нуля, Грэйл, отвечая на хвастливый вызов Баррески, изо всех сил вдавил педаль газа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

До уничтожения

Крессиды 43 часа 15

минут 8 секунд

«Термит» вонзился своим рогом в огромную ледяную стену. Его качнуло, и по пласталевому корпусу пробежала дрожь.

Хотя сам удар длился доли секунды, лобовая броня мгновенно оказалась усыпана острыми осколками льда и забрызгана талой водой. Двигатель протестующе ревел, пытаясь преодолеть, казалось бы, непреодолимую стихию, — и одерживал победу над ней.

Баррески снова включил огнеметы на буре, сожалея, что его плечо не может почувствовать их отдачу, так как приходится управлять ими дистанционно. «Термит» пыхтел и содрогался. В его лобовую броню снова ударила волна талой воды, но гусеницы подтянули за собой

корпус, и машина двинулась вперед.

Самый твердый участок был пройден. Теперь они находились внутри ледника, и бур успешно пробивал путь, кромсая лед, как бумагу. Теперь все, что оставалось сделать, — продолжать двигаться, не отклоняясь от курса.

Из-за отсутствия четкого обзора взгляд Грэйла был прикован к компасу. Баррески, в свою очередь, жаждал чего-то более интересного, чем следить за вращением головки бура. И его желание скоро исполнилось.

Лед стал стыкаться вокруг «Термита», и машина оказалась зажата между стенами и потолком проделанного ею туннеля. Конечно, этого следовало ожидать, поэтому сначала Баррески не обращал внимания на стоны и скрипы. Время от времени издаваемые пластмассовым корпусом, хотя чувствовался, что давление в кабине увеличивается и воздух будто становится плотнее. Оди- особенно проникновенный стон, раздавшийся у него за спиной, он даже отнес на счет кого-то из товарищей — Борща, скорее

всего.

Но корпус скрипел и стонал все чаще и громче.

Наконец Грэйл доложил, что скорость резко упала.

Баррески знал, что делать. Чтобы облегчить прокладывание пути сквозь лес, он снова пустил в ход огнеметы, и водитель, казалось, был этим удовлетворен. Но стоило Баррески убрать руки со спусковых механизмов, как Грэйл нахмурился, покачал головой и доложил, что скорость снова упала.

Они повторили эти действия еще дважды, все с теми же результатами. Баррески уже начал опасаться, что прометий в баках огнеметов скоро закончится.

--- Похоже, ты проиграет этот спор, Грэйл, --- произнес он сквозь сжатые зубы.

И тут корпус издал особенно сильный треск. Борщ, словно по сигналу тревоги, резко вскочил на ноги, так, что даже стукнулся головой о крышу.

--- Вы уверены, что машина выдержит? --- проворчал он.

--- Пару минут назад я бы это гарантировал, --- ответил Грэйл. --- Но сейчас...

--- Что сейчас? --- вмешался полковник Стил, тоже сорвавшись с места. Сделав два широких шага, он протиснулся между Грэйлом и Баррески и стал изучать руны на приборной панели. --- Что происходит, Грэйл?

--- Не знаю, сэр. «Термит» работает с максимальной эффективностью, даже более того. Но лег... Пусть это кажется невозможным, но лег восстанавливается, причем с той же скоростью, с которой мы идем сквозь него.

--- Возможно, он прав, --- сказал Гавотский. --- Мы знаем, что изменение климата на Крессиде не имеет логического объяснения. Скверна Хаоса, проникшая в почву, наделила ее неестественными свойствами. Почему бы ей не проникнуть в воду?

--- Я это знал, --- простонал Борщ, опускаясь на сиденье. --- Тоннель закрывается за нами. Мы окажемся запертыми в этой жестянке, как в гробу.

--- Нет, так не пойдет! --- прорычал Баррески. Он снова включил огнеметы и, манипулируя буром, заставил его описать небольшой круг, расширяющий тоннель.

--- Есть толк, --- сообщил Грэйл. --- Но мы все равно идем медленнее, чем нужно.

--- И долго мы так не выдержим, --- добавил Баррески, полня о тающих запасах огнестеси.

--- Лег! --- крикнула Анакора. --- Лег проникает сюда!

Оглянувшись через плечо, Баррески увидел, что она была права. Слобно под действием какой-то внешней силы, раздробленный лег проталкивался сквозь отверстия для огнеметов, заполняя собой корпус «Термита». Пытаясь остановить проникновение льда, шестеро солдат бросились к огнеметам; Палинев с Михалевым сразу положили, что их огнеметы заклинило.

--- Как считаешь, Грэйл, --- гаркнул Стил, --- прорвется ли мы на ту сторону?

--- Нет, сэр, --- ответил Грэйл. --- Теперь уже вряд ли.

--- И вернуться мы точно не сможем, ---

сказал Гавотский. — Тут не хватит пространства, чтобы развернуть бур.

— Если мы изменим направление на ноль-семь-девять, — добавил Грэйл, — пройдем ледник гораздо быстрее. Хотя здорово собьется с курса.

Стил вывел на экран инфопланишет тактическую карту и, кивнув, произнес:

— Это наша единственная надежда. Изменить курс, рядовой.

Грэйл приступил к исполнению приказа, но тут снова раздался сильный треск, и десять пар обеспокоенных глаз устремили взгляды наверх. Корпус дал тонкую трещину глиной в половину десантного отделения.

— Видишь, Борщ, — нервно произнес Михалев, — тебе не стоило беспокоиться о том, что мы будем здесь заперты. Лед раздавит машину, как яичную скорлупу, и нас вместе с ней.

— Думаешь, трещина образовалась из-за льда? Нет, это Борщ проломил корпус своей башкой, — невесело пошутил Пожар.

— А если немного опустить задний конец бура и попытаться прикрыть ил

крышу? — спросил Гавотский у Баррески. —

Знаю, это замедлит бѹрение, но...

— Ничего не выходит, сержант, —
ответил Баррески. — Я и так пытаюсь, но
лег уже слишком плотно зажал бѹр под
этим углом.

— Значит, бѹдет гонка, — сказал
Стил. Несмотря на обстоятельства, его
голос оставался на удивление спокойным. —
Гонка между нами и льдом. Грэйл и
Баррески, я полагаюсь на вас двоих.
Делайте то, что должны, и выводите нас
отсюда как можно быстрее.

— Есть, сэр, — ответил Грэйл.
Затем, повернувшись к Баррески, чуть
громче добавил:

— Можно часть энергии двигателя
перенаправить на бѹр. Чем больше работы
выполняет бѹр, тем меньше усилий
требуется от двигателя.

— Еще один огнетет вышел из строя, —
докладывал Блонский из десантного
отделения.

— Передай-ка мне эту штѹковину, —
крикнул Баррески. — Выдери из
отверстия, если надо, — попробую

разобраться. — Он управлял огнемётами, установленными на буре. Нормально работали только три. Четвёртый то и дело заклинивало. Теперь на лобовую броню уже не сыпались осколки льда, а обрушивались, словно камни, огромные ледяные глыбы.

Под усилившимся давлением льда крыша «Термита» прогнулась, и вальхалльцы в десантном отделении оказались по щиколотку в ледяном крошеве. Баррески был настолько поглощён выполнением своей задачи, что едва расслышал, как Грэйл сообщил, что на текущей скорости они через минуту выйдут из ледника. Казалось, это была самая долгая минута в его жизни, особенно когда два исправных огнемёта затолчали, израсходовав остатки промета.

Обернувшись, Баррески увидел рядом Палинева с ручным огнемётом. Он тотчас вскочил с сиденья, выхватил у Палинева огнемёт, но в этот момент лобовая броня треснула, и на них обрушилась ледяная лавина.

У Грэйла не было выбора. Покинь он

своей пост — и всем конец. Он опустил голову, закрыл глаза, затаил дыхание и, вцепившись мертвой хваткой в рычаги, встретил надвигающуюся на него льдину. Чтобы сдержать напор льда, Баррески выпустил струю огня. На приборную панель хлынула талая вода, прогневав машинных духов, которые ответили серией небольших взрывов, — но теперь ему было не до них.

Борщ стоял, подпирая плечами крышу «Термита», но десантное отделение уже сдавливало с боков. Наконец левый борт треснул, и двигатель издал последний вздох.

Ныхтя и шня, «Термит» высунул свой нос из ледника и встал как вкопанный.

Гавотский отдал приказ всем покинуть машину, и солдаты, чуть ли не перепрыгивая через головы друг друга, поспешили его исполнить. Баррески ждал, что подверженный технофобии Борщ первым выскочит из машины, но могучий ледяной гвардеец продолжал удерживать крышу, грозившую обрушиться в любой момент, поскольку кормовая часть

«Термита» все еще оставалась в леднике.

Баррески не меньше удивился, когда увидел, что полковник, оказавшийся ближе всех к Грэйлу, вместо того, чтобы спасаться самому, стал выкапывать водителя из-под груды ледяных обломков. Баррески бросился помогать полковнику и вместе с ним освободил своего товарища-танкиста. Едва прыгнув в себя, Грэйл вытряхнул изо рта осколки льда и тихо произнес:

— Мы это сделали?

Вдруг что-то ударило в «Термит» сзади. Кормовая часть машины рухнула, и десантное отделение, к счастью, теперь уже пустое, превратилось в груды покоренной пластили.

Баррески и Стил, подхватив Грэйла с обеих сторон, выбрались из люка и с высоты двух метров нырнули в толщу серого снега. Стил приземлился на ноги, а Грэйл своим весом опрокинул Баррески на спину. В этот момент кто-то проревел: «Берегись!», и их сверху накрыла огромная туша Борища, заслонившая серое хмурое небо.

Удар был чувствителен для обоих, но Баррески досталось сильнее. Ощущение было такое, словно его ударил копытом в живот экваториальный як. На мгновение глаза заволокло красным туманом. Он лежал, опутанный руками Грэйла и придавленный сверху массивным корпусом Борща. Над головой раздавался треск и хруст ломающейся пластали. Баррески испугался, что обломки «Термита» сейчас обрушатся на него. Но слышался совсем другой звук, еще более неожиданный и пугающий, — это были лазерные выстрелы.

Оказывается, твари их ждали.

Анакора не знала, откуда они здесь взялись и кто предупредил их о приближении ледяных гвардейцев. Но стоило ей выпрыгнуть из «Термита» и встать на ноги, как три твари бросились на нее.

Они сильно походили на псов Хаоса, с которыми она сражалась в подполье, — сплошные зубы, когти и шипы. Их отличала белая шкура, покрытая светло-зелеными и коричневыми пятнами. От

такого снежного камуфляжа было бы больше пользы, если бы чудовища, предвкушавшие убийство, могли сдерживать свой алчный рык. И все равно было нелегко рассмотреть, где заканчивался расплывчатый силуэт зверя и начинался снег, и почти невозможно прицелиться.

Пальнув из лазгана в направлении каждого зверя, Анакора бросилась прочь — не из трусости, а в надежде увести их подальше от остальных воинов, которые, оторопев, выпрыгивали из раздавленного «Термита». Она не допустит гибели еще одного отряда...

Первый зверь прыгнул на Анакору сзади и, вцепившись когтями в плечи, повалил ее лицом в снег. Но она была к этому готова — успела развернуться боком, пока нагала, затем перекатилась на спину и придавила собой тварь к земле. Та визжала и царапала ей ноги когтями задних лап. Анакора чувствовала, как горячее дыхание касается шеи. Хотя она отчаянно читала литанию защиты, было ясно, что еще секунда, и тварь вонзит зубы

в незащищенную плоть тежгу шлемом и
воротником шинели.

Анакора развернула лазган и почти
вслепую затахнулась прикладом. И с
удовлетворением услышала хруст: удар
пришелся по огромным клыкам монстра.
Зверь взвыл, ослабив хватку. Но стоило
Анакоре вырваться из когтей одной твари,
как появилась другая.

Анакора успела увернуться. Второй
зверь с лету врезался своими выпущенными
когтями в первого, распотрошив его брюхо.
Это дало ей секунду, чтобы защититься
от третьего нападавшего. Пока монстр
летел на нее, она успела хорошо его
рассмотреть. Заметив кошачьи черты и
усы, Анакора поняла, что это за твари,
точнее, кем они были раньше.

Это были снежные леопарды, почти
такие же, что бродили по вальхалльской
тундре.

Анакора открыла огонь по
приближающемуся зверю и как минимум
три раза попала в него. Но эта тварь
оказалась куда живучее псов Хаоса и
продолжала нестись на нее. Всего один

прыжок, и звериные когти были почти возле ее горла. Пришлось использовать для защиты ствол лазгана, развернув его боком. Когти снежного леопарда ударились о ствол, и Анакора, упав на колени, подняла над собой лазган, словно штангу, и перекинула им зверя назад. Огромное тело леопарда проскочило над головой. Зверь среагировал быстро — быстрее, чем она рассчитывала. Когда Анакора снова стояла на ногах, закинув за плечо лазган, снежный леопард успел развернуться и снова броситься на нее.

Единственное, на что она надеялась, — убить его одним выстрелом, попав через глаз прямо в мозг.

Но это было невозможно.

За долю секунды, которая казалась вечностью, Анакора поняла, что не успеет вскинуть лазган и прицелиться, как и развернуть ствол, чтобы им защититься, — не успеет сделать ничего, прежде чем ее вытрошат. Она встречала свою смерть с гнетущим чувством стирания, отвернулась и почувствовала, как от удара в грудь упала.

и что на ее лицо вылилась струя горячей
липкой крови...

...И с удивлением поняла, что это не
ее кровь.

Леонард стоял над ней. Из раны на его
голове хлестала черная жидкость,
заливавшая глаза. Вместо одной из лап
торчал окровавленный обрубок: лапа была
оторвана ниже сустава. Зверь ничего не
видел и не мог бежать. Он корчился от
боли и стяжения и, казалось, совсем забыл
о своей жертве.

Тут по нему одновременно ударили
три лазерных луча. Из ран тежгу ребрами
хлынула кровь, посыпались потроха --- и
зверь рухнул замертво.

Товарищи снова спасли Анакору.

Стил еще раз усомнился в
правильности своего решения.

Он должен был ожидать, что при
выходе из «Термита» возникнут проблемы.
И он этого ждал. Вероятно, он должен был
оставить спасение Грэйла солдатам, а
сам выйти первым и готовым к бою. Но
думать об этом теперь не имело смысла.

Гавотский с остальными пока держали ситуацию под контролем.

Из всех леопардов-мутантов только один еще стоял на ногах, воя и корчась под перекрестным огнем пяти лазганов. «Откуда эти звери? — думал Стил. — Были ли они коренными обитателями планеты, жившими в полярных регионах еще до распространения холода, или успели так быстро эволюционировать, приспособиться к изменившемуся климату, с тех пор как на Крессиде настала вечная зима?»

Воспользовавшись короткой передышкой, полковник стал осматривать местность.

В двух метрах над ним из ледника выступала носовая часть их расплющенной машины. Стил наблюдал, как ледник с хрустом переталывает огромный роз «Термита», втягивая в себя его обломки. Всего секунда, и от «Термита» не осталось и следа. Ледник полностью поглотил его, образовав на месте тоннеля новый слой льда.

Борц, Баррески и Грэйл, выпрыгнув

из «Термита», кучей повалились рядом со Стилом. Теперь они пытались освободиться друг от друга и встать. Борщ поднялся первым и тут же с радостью потчался в бой, который был уже почти окончен.

Перед Стилом стоял лес. Его граница шла почти параллельно леднику, оставляя между ними лишь узкую полосу открытого пространства не более восьмидесяти метров шириной. Лес, как и ледник, очень далеко простирался по обе стороны от Стила, гораздо дальше, чем мог видеть его бионический глаз.

И лес этот был не из деревьев, а из льда. Вокруг стояли в чудовищных позах ледяные изваяния, являвшие собой пародию на настоящие деревья, которыми они, возможно, и были когда-то, --- с толстыми стволами и когтистыми ветвями, тянувшимися вверх. Ледяные деревья, разросшиеся вверх и вширь, роняли темные и зловещие тени, закрывая и без того скудный дневной свет. Деревья были покрыты все той же вездесущей фиолетовой плесенью. Стил морщился от

ее стойкого зловония.

Различил он и кое-что еще --- какое-то движение. В лесу явно кто-то был.

Полковник активировал в своем бионическом глазу функцию увеличения изображения --- аугментике потребовалась целая секунда, чтобы отреагировать на его мысленный приказ. Но когда его взгляд проник в темные глубины лесяного леса, то там...

Там он увидел... По крайней мере, перед его взором мелькнуло человекоподобное существо, покрытое светло-серой шерстью, или, может быть, просто одетое в меховую шубу. Стилу не удалось как следует разглядеть: он потерял его из виду, прежде чем успел настроить фокусировку. Несмотря на неуклюжую шаркающую походку, существо скрылось быстро --- видимо, спряталось за толстым деревом. Больше полковник его не видел.

«Если не отреагировать прямо сейчас...» --- размышлял он.

Впрочем, на обдумывание подсказанного интуицией решения времени

не оставалось. Существо могло быть разведчиком Хаоса, и нельзя было допустить, чтобы оно ушло и доложило своим хозяевам о появлении в этом районе ледяных гвардейцев. Стил схватил лазган и бросился за ним в погоню, приказав солдатам Блонскому, Палиневу и Пожару следовать за ним. Остальным велел присоединиться только после того, как будет убит последний снежный леопард.

Стил пересек линию деревьев и оказался в жуткой темноте. Апертура его бионического глаза расширилась, чтобы компенсировать плохую видимость. Последний снегопад почти не коснулся земли. Корни ледяных деревьев проступали из черной бесплодной почвы, словно тонкие растяжки, и все вокруг было опутано лохмотьями скользкой плесени. Стилу пришлось идти медленнее и смотреть под ноги. И все равно он споткнулся, почувствовал острую режущую боль в левом плече — загетый им ствол дерева оказался острым, как бритва. Ледяной пропорол шинель, прорезал слоистую пластфибра и термопласта, вонзился в

кожу. Полковник обернулся, чтобы предупредить солдат, но увидел, что они уже сами обнаружили эту опасность.

Теперь они старались двигаться как можно осторожнее. Стул разрубал силовым мечом самые запутанные ветви на своем пути. Его хорошо заточенный клинок даже без включенного силового поля с легкостью рубил лег. И все же понадобилось еще несколько минут, чтобы добраться до того места, где скрылось существо в серой шкуре. Полковник совсем не удивился, когда они там никого не обнаружили.

Блонский с Пожаром отстали. Но невысокий и легкий Палинев поспевал за полковником. Он шустро скользил через лес, словно все эти ловушки и западни были ему ни по чем.

— Тут кто-то был, сэр, — доложил он. — Видите, лег на этом дереве немного подтаял от дыхания. Я мог бы пойти по его следам, хотя их трудно разглядеть.

— Нет, — сказал Стул. — Спасибо, рядовой Палинев, но у нас нет времени.

— Да уж, трючные перспективы, если

позволите так выразиться. Мы потеряли «Термит». Наш путь к спасению через ледник закрыт, и даже если мы найдем исповедника Воллькенгена, не сможем вернуться с ним в улей Альфа. До места крушения его челнока еще километров двадцать, и, похоже, враги знают, что мы здесь.

Вряд ли даже сам Стил смог обрисовать ситуацию более лаконично.

--- Мы должны вернуться к остальным, --- сказал он. --- Нам предстоит тяжелая работа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

До уничтожения

Крессиды 40 часов 42

минуты 39 секунд

Пожар начал задумываться, что он вообще здесь делает.

Он не был разведчиком и привык сражаться на передовой. Способностью к тайным действиям не отличался, равно как и терпением. «Как плохо, что Стил приказал "Термиту" уходить от огня всего одной артиллерийской установки противника, — думал он. — Как плохо, что они позволили врагу считать это победой». Единственное, на что надеялся Пожар, — что когда они наконец достигнут цели и выберутся из машины, у него будет возможность поразмяться.

Снежные леопарды-мутанты оказались для Пожара приятной забавой. Он был уверен, что именно он прикончил

лазерными выстрелами парочку зверей, хотя никто не мог сказать этого наверняка. А потом Стул повел отряд через ледяной лес, предупредив о необходимости соблюдать крайнюю осторожность.

В ледяном лесу Пожар чувствовал почти такую же скованность и клаустрофобию, как в «Термите».

Чем больше они углублялись в лес, тем гуще становились злобеще кривые деревья. Пожар уже трижды оцарапался об их острые ветви, и ему надоело идти с прижатыми к бокам локтями и опущенной головой, на каждом шагу смотря себе под ноги, чтобы не наступить на коварную фиолетовую плесень.

Но как бы ни было тяжело ему, Пожар понимал: здоровенному Борщю, который тоже и дело угрученно стонал, протискивая меж деревьев свое массивное тело, приходится еще тяжелее. Шинель Борща была настолько изрезана ветвями, что, казалось, из нее вот-вот начнут вываливаться лоскутки.

Пожару очень хотелось найти еще

одного-двух снежных леопардов или хотя
кого-нибудь, по кому можно пострелять, но
ледяной лес казался стерильно-
безжизненным, лишенным даже птиц -- на
всей территории не осталось ничего
живого, не считая расползающейся гнили,
погубившей сей мир.

Эта мысль заставила Пожара
содрогнуться, и он даже подумал, что это
хуже, чем быть запертым в битком
набитой машине. Воздух здесь был
пропитан скверной Хаоса, которая
ощущалась ит как некая физическая сила,
она давила так, что, казалось, вот-вот
сожмет его в комок. Хотелось кричать и
сопротивляться ей, вырубить все и выжечь
в этом проклятом месте.

-- Дайте мне пару огнеметов, --
бұшевал Баррески, явно терзаемый той же
мыслью, -- и я вам гарантирую, что через
десять минут здесь ничего не останется.
Остаток пути до места крушения мы
прошли бы вброд по воде.

-- И силы Хаоса заметили бы наше
приближение за десять километров, --
сказал Борщ.

— Я просто высказываю соображения, —
ответил Баррески. — Я верю в
превосходство имперского оружия над всем,
что может задействовать против нас
Хаос, и не желаю спорить на эту тему.

— Забыл, что случилось с
«Термитом»? — спросил Михалев с
оттенком сухой иронии в голосе.

Как бы то ни было, сейчас у них не
было огнеметов, за исключением того,
который Баррески прихватил, покидая
«Термит», но в нем закончилась огнесеть.
Выбираясь из гибнущей машины, ледяные
гвардейцы успели взять с собой только то,
что держали в руках, несли на себе и в
вещешках. Михалев был особенно
подавлен потерей своего гранатомета.
ведь теперь он, специалист по тяжелому
оружию, остался без него.

Услышав шум впереди и заметив
движущийся силуэт, Пожар молниеносно
среагировал: молодой солдат уже смотрел
на силуэт сквозь прицел лазгана, когда
узнал в нем Палинева. Еще секунда, и
Пожар нажал бы спуск. Его злила
необходимость сдерживаться.

Палинев приспособился к окружающей обстановке с завидной легкостью: он двигался между ледяными деревьями словно призрак, будто знал, куда ступить, когда увернуться и где подпрыгнуть, чтобы не напороться на острый сучок или не споткнуться о корень, выступающий из земли.

--- Сэр, я обследовал территорию на два километра вперед, --- доложил он Стилу, --- но там вообще ничего нет, сплошной ледяной лес.

Гавотский разочарованно сжал губы:

--- Может, надо было попытаться пройти в обход? Если лес станет гуще...

Стил прервал его:

--- Значит, будем решать проблемы по мере их поступления, сержант. Но если предположить, что лес занимает всю территорию до места посадки челнока, и если мы продолжим идти с той же скоростью и не встретим противника... то мы доберемся...

Секунду он колебался, и оба его глаза --- настоящий и аугментический --- словно остекленели. Пожар устоялся на своего

командира. Наконец глаза Стिला
прояснились, и он договорил:

— Приблизительно за четыре часа
сорок семь минут.

Пожару хотелось кричать.

Палинев снова был один. И не
возражал. Он привык к одиночеству и даже
был этому рад. Много времени прошло с
тех пор, как он находился в таком тихом
месте, как этот лесной лес, вдали от
шума боя и рева двигателей. Но он знал,
что нужно быть осторожным и нельзя
позволить тишине себя обмануть. Он
внимательно осматривал каждое лесное
дерево, попадавшее в поле зрения, хотя
искривленные силуэты давно уже не
вызывали у него ни интереса, ни
отвращения — лишь чувство однообразия.

Палинев не мог здесь ничему
доверять, ни на секунду ослабить
бдительность. От него зависели жизни
других. Собранная им информация могла
оказаться жизненно важной для всех. Здесь
и был риск: если он попадет в засаду, если
враги поймают его и узнают, что здесь его

товарищи, будут готовы к бою.

Налинев знал, что одна его ошибка может стоить жизни всему отряду.

С тех пор как он оставил отряд, прошло около часа. Пора было возвращаться и доложить Стиллу, чтобы полковник знал, что его разведчик не попал в переделку и путь впереди пока безопасен. Положив на лагерь гвардейский котлас, Налинев определил свое местонахождение. Он был уверен, что заполнил путь обратно, но знал — дополнительная проверка не помешает. Стоит ему отклониться от курса хотя бы на полградуса, и он не сможет найти своих товарищей.

Он уже собрался в обратный путь, но какой-то звук заставил его застыть на месте.

Это был тишайший шорох или шуршание ткани, но неестественное. Налинев настроил свой слух на естественные звуки леса: легкий свист ветра между деревьями, время от времени раздававшийся хруст и треск, когда из-под снега образовывались или, возможно, росли

новые деревья.

Стараясь действовать как можно быстрее и тише, Палинев украдкой шагнул за ближайшее дерево и затаился, присев на корточки. Затем он достал из-за голенища боевой нож, прочел литанию скрытности и, убедившись, что его дыхание не громче дуновения ветерка, стал ждать.

И вскоре появился незнакомец. Это был человек такого же худощавого телосложения, как Палинев. Его шлем и бронежилет тоже были как у него, но другого цвета — не темно-зеленые, как у вальхалльцев, а ярко-красные с золотом. Несомненно лучший камуфляж.

Эти цвета показались знакомыми Палиневу, но вспомнить, у какого полка такая форма, он не смог. Вероятно, этот человек — имперский солдат или, по крайней мере, когда-то им был. Держась за ствол пистолета, он крался от одного дерева к другому — похоже, тоже разведчик. Вопрос в том, для кого он ведет разведку. Признаков мутации Хаоса у незнакомца не наблюдалось, но это еще

ничего не доказывало.

Палинев выжидал момент, когда незнакомец почти поравняется с ним и отвернется в другую сторону. Ему пришлось незаметно выскользнуть из-за дерева и спрятаться в тени другого. Потом он повторил этот маневр еще дважды, с каждым разом приближаясь к ничего не подозревавшей жертве и обходя ее сзади.

Наконец, приблизившись к чужому разведчику настолько, что можно было достать рукой до его затылка, Палинев прыгнул на него сзади. Жертва слишком поздно услышала его приближение и даже не успела обернуться. Запрыгнув незнакомцу на спину, Палинев левой рукой сжал его плечи, а правой приставил нож к горлу.

--- Дружеское предупреждение, --- прошипел он. --- Если попытаешься звать на помощь и не будешь отвечать по существу на мои вопросы, я перережу тебе голосовые связки. --- Он бы уже сделал это, если бы был уверен или увидел хоть какое-то доказательство, что человек --- предатель.

--- Кто ты такой? --- задал вопрос
Палинев. --- Отвечай!

--- Рядовой Гарровэй, --- с вызовом
ответил чужой разведчик, --- из 14-го
Королевского Валидуйского полка
Имперской Гвардии. Убей меня, если
хочешь. Убей нас всех, но это тебя не
спасет. Сюда пришлют еще сотни тысяч
таких, как я, еще миллион, и мы не
успокоимся, пока этот мир не будет
очищен от вашей скверны и возвращен
Золотому Трону!

--- Ты --- имперский гвардеец? ---
спросил Палинев. --- Что ты делаешь на
территории противника?

Удерживая пленника, он
почувствовал, как тот немного
расслабился, и это сказало Палиневу
больше любых слов. Гарровэй испытывал
облегчение, а не страх, узнав, что оказался
в плену у собрата --- имперского гвардейца.
Валидеец говорил правду.

--- От нашей роты осталось меньше
четырех сотен человек, --- сказал
Гарровэй. --- Мы помогли эвакуировать
гражданских из улья Ыота к северо-западу

отсюда. Когда враг его захватил, нам приказали возвращаться в улей Альфа, но ледники сошлись перед нами, преградив путь. У нас не осталось вокс-передатчиков, помощь не вызвать. У нас нет с собой карт. Мы пытались найти путь через ледник, но армия Хаоса стала нас преследовать. Мы были вынуждены укрыться в этом... лесу --- чем бы он там ни был.

Палинев отпустил его.

--- Рядовой Палинев, --- представился он. --- Вальхалльский триста девятнадцатый.

Гарровэй повернулся к нему, прищурив глаза.

--- Ты --- ледяной гвардеец?

--- То, что на мне нет шинели, ничего не значит. Просто без нее мне удобнее двигаться.

--- Правда? А вот я бы не отказался от дополнительной защиты. Когда мой полк впервые прибыл на Крессиду, уже было холодно, но не так, как сейчас. Может, вам, уроженцам ледяного мира, холод не страшен, но ты из-за него каждый час

теряет людей. Но... вы нас нашли, значит, нам наконец прислали помощь!

--- Нет, --- ответил Палинев. --- Боюсь, что нет. У нас свое задание, --- продолжил он, нахмурившись. --- И если враг преследует вас, это может обернуться проблемой для нас.

--- По крайней мере, вы можете вывести нас отсюда, --- сказал Гарровэй. --- Вы нашли путь сквозь ледники и можете рассказать нам, как отсюда выбраться?

--- Нужно сообщить нашим командирам, --- сказал Палинев. --- Думаю, они захотят поговорить.

Спустя некоторое время состоялась их встреча --- вальхалльцев в зеленой форме и валигийцев в красной. Их пути сошлись в сердце ледяного леса.

Они ждали друг друга и встретились благодаря разведчикам. Солдаты довольно натянато обменялись приветствиями, а полковник Стил с командиром валигийцев, молодой капитаном, отошли в сторону для конфиденциальной беседы.

Остальные гвардейцы использовали

это время, чтобы немного отдохнуть и
восстановить силы. Хотя условия к этому
совершенно не располагали. Почти
невозможно было сесть, не прикоснувшись к
стволу или корню смертоносного дерева.
После неоднократных попыток отдохнуть
в неестественных позах, от которых
болели все мышцы, многие оставили эту
затею и снова встали.

Из валидийцев вообще мало кто мог
сидеть. Они топали ногами, растирали
руки и делали все возможное, чтобы
побороть жуткий холод. Михалев
наблюдал за ними. Их яркая форма была
видна отовсюду. «Эти храбрые воины
сражались здесь за Императора, — думал
Михалев, вздыхая и качая головой, — а
вожди, пославшие их сюда, даже не
обеспечили людей соответствующей
одеждой».

Разумеется, в идеальном Империи
валидийцев, для которых такие условия
непривычны, на эту замерзшую планету
никто бы не послал. Какой-то толстый
клерк, взглянув на экран инфопаншета,
увидел, сколько гвардейцев на Крессиде

гибнет от переохлаждения и, прикинув, во что обойдутся несколько миллионов утепленных шинелей, решил ничего не делать.

Михалев стоял рядом с тремя своими товарищами -- Анакорой, Борщом и Пожаром.

-- Как думаете, о чем они говорят? -- спросил Борщ, кивнув в сторону Стила и капитана.

-- Собираются сражаться, -- ответил Пожар, скорее с надеждой, чем с уверенностью. -- Если верить Палиневу, войска Хаоса наступают валидийцам на пятки. Значит, они окажутся и на нашем пути, и придется прорываться.

-- Предполагалось, что это будет тайная операция, -- вступила в разговор Анакора, покачав головой. -- Если мы устроим бой, здесь соберутся все местные еретики. Даже вместе с валидийцами мы безнадежно уступаем в численности врагу.

-- Нужен молниеносный удар, -- сказал Пожар. -- Застать всю эту хаоситскую массу врасплох, ударить по ним и уйти до того, как придут подкрепления. Еретики

судят, что за этими ледяными стенами они в безопасности. Вот мы и докажем им, как они заблуждаются.

--- Как делали наши предки? ---
ухмыльнулся Борщ. --- Взять и ударить по врагу с тыла, как отважные герои, сражавшиеся против орков.

--- Мы научим их нас бояться! ---
воскликнул Пожар. Его глаза аж заблестели в предвкушении боя.

--- Да уж, --- сухо сказал Михалев. --- У этого урока они будут помнить целых полтора дня, пока на них не посыплются вирусные бомбы.

--- Михалев прав, --- сказала Анагора. --- Нет смысла сражаться и утирать, если это не поможет выполнению нашего задания.

--- Так что вы предлагаете? --- спросил Пожар. --- Бежать, поджав хвост?

--- Полковник Стил найдет способ, --- преданно заявил Борщ. --- Он завел нас так далеко не для того, чтобы провалить задание.

--- Наверное, не для того, --- ответил Михалев с напряженной улыбкой.

Он видел, что Анакора тоже начинает все понимать. Она смотрела на стоявших кучками солдат в красной с золотом форме и видела в их глазах надежду на спасение, которую они так давно потеряли, а теперь, возможно, обрели снова.

--- Они остались без вокс-связи несколько недель назад, --- сказала она. --- Им ничего не известно об эвакуации и о том, что скоро произойдет. Они не знают, что уже слишком поздно и без воздушного транспорта им не успеть добраться до улья Альфа, чтобы эвакуироваться.

--- Тогда они уже покойники, --- сказал Борщ, пожав плечами. --- Значит, у них больше причин умереть так, как умирают солдаты, --- с оружием в руках.

--- Кто-нибудь хочет поспорить, что валидийцы именно это и сделают? --- тихо спросил Михалев.

Трое других солдат уставились на него.

--- Анакора права, --- сказал он. --- Этих людей все равно не спасти. Даже если бы это было не так, для Империи что мы,

что они — пущечное мясо. Единственный человек на этой планете, чья жизнь имеет ценность, — Воллькенген. А мы можем его спасти. Значит, Империя есть смысл жертвовать четырьмя сотнями жизней ради спасения наших десяти. Цифры понятны?

— И как, мой друг, жертва этих четырех сотен поможет нам? — спросил Борщ.

— А ты подумай, — ответил Михалев. — Мы не можем идти ни вперед, ни назад. Не можем прорваться сквозь войска Хаоса. У нас есть одна возможность — попытаться их обойти. А для этого потребуется хороший отвлекающий маневр.

Потрясенная Анакора поблелела. Ее взгляд снова упал на бродивших вокруг валидийцев, пока один из них не заметил, что за ними наблюдают. Она отвернулась, было стыдно смотреть им в глаза. Пожар, наоборот, закрыл глаза и разочарованно вздохнул. Михалев даже подумал, что Пожар не заметил бы перейти в другую полк, представься ему возможность прямо

сейчас пойти в бой.

— Хочешь знать, о чем сейчас говорят наши командиры, Борщ? — трачно спросил Михалев. — Предлагаю парил. Спорил на дневной сухой паек, что Стил сейчас уговаривает валигийцев умереть за нас?

Конечно, Михалев был прав.

Анакора молилась, чтобы все оказалось не так и полковник Стил с валигийским капитаном нашли другой способ. Но чем больше она об этом думала, тем сильнее убеждалась, что предположение Михалева — единственное, что имело смысл.

Офицеры разошлись, и Стил созвал свой отряд для короткого инструктажа. Анакора едва вслушивалась в его тихие слова, поскольку знала, что он сейчас скажет. Ее взгляд упал на капитана, сообщавшего то же самое своим сержантам, которых было четырнадцать или пятнадцать человек. Анакора наблюдала, как они восприняли новость о том, что все испытания, выпавшие на их

долю за последние несколько недель, были напрасны, что домой уже не вернуться и Император требует от них последнюю жертву. Сержанты стоически восприняли новость, но Анакора видела, с какими печальными лицами они пошли сообщать ее своим солдатам.

Логика ей подсказывала, что у нее нет оснований чувствовать вину. Валигийцы жертвовали собой не ради нее и ее отряда, они отдавали свои жизни за исповедника Воллькенгена, Экклезиархия и Императора. И все же ее не переставало мучить вопрос: почему из всех этих храбрых солдат она снова оказалась среди тех немногих, у которых есть шанс остаться в живых? Почему все повторяется?

Если для Анакору уготована особая миссия -- а, видимо, так оно и было -- ей оставалось лишь догадываться, ради чего Император хочет сохранить ей жизнь.

Когда все было сказано, пути валигийцев и вальхалльцев разошлись.

Обескровленная рота валигийцев

возвращались к улью Альфа и его товарищам, которых он там оставил, к десяткам людей, рядом с которыми был горд сражаться. Он думал, сколько из них до сих пор в строю, сколько успеет попасть на последний эвакуационный корабль. Встретиться снова с кем-то из них Гавотский уже не надеялся.

Разве что Баррески был счастлив в тот момент. Каким-то образом он уговорил одного из валигийцев отдать ему новый ручной огнемёт, и теперь, позвав на помощь Грэйла, разбирал оружие прямо на ходу, старательно чистил его и стазывал.

Сначала отряд держал курс на север, затем повернул на северо-запад, пока, описав четверть круга, не вышел на путь, параллельный тому, которому следовали ранее. Вот уже час, как со стороны валигийцев не было ничего ни видно, ни слышно. Но вскоре тишину ледяного леса разрезали отдаленные звуки, которые давным-давно сопровождали жизнь Гавотского и других ледяных гвардейцев.

Выстрелы, взрывы, крики... Звуки войны.

Звѣки боя, въ которомъ погибали
четыре сотни отважныхъ солдатъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

До уничтожения

Крессиды 38 часов 24

минуты 44 секунды

Казалось, прошло много времени, прежде чем в ледяном лесу опять наступила тишина.

Конечно, для Стила с его усиленной аугментикой времени прошло еще больше. «Это хорошо», — отметил он про себя. Значит, валидийская кампания позволила выиграть больше времени, чем он ожидал. Они жили как герои и умерли героями. Ни один гвардеец не мог желать от жизни большего.

Следовательно, пожертвовав ими, полковник поступил правильно.

Стил в этом и не сомневался. Он шесть раз пересматривал свое решение и был удовлетворен тем, что ничего не упустил. К тому же он заручился

поддержкой сержанта Гавотского, который всегда был надежным советником.

Легяные гвардейцы обогнули поле боя, оставив позади войска Хаоса — точнее, то, что осталось от последних, и теперь снова держали путь к месту аварийной посадки челнока. Стил буквально молился, чтобы противник погольше зализывал свои раны, прежде чем вернуться. Его отряду был необходим запас времени, чтобы успеть уйти от врага на безопасное расстояние.

Полковник услышал приближающихся мутантов за шесть секунд до того, как увидел их.

Они не пытались сохранять тишину, а с воплем и визгом лопнули через легяной лес. Стил подумал, что это, наверно, дезертиры, бежавшие с поля боя. Откуда этим тварям знать, что легяные гвардейцы здесь? И все же, по странной случайности, они бежали прямо на них.

Полковник шепотом предупредил остальных бойцов и приказал найти укрытия. У бойцов, которые сами пока ничего не видели, сразу возникли вопросы, но они исполнили приказ Стила и

спрятались, как могли. Борща, в два раза более широкого, чем ледяное дерево, за которым он притаился, мог не заметить разве что слепой. Но полковник все-таки надеялся, что охваченные паникой слабые мутанты не увидят ловушку, пока она не захлопнется.

Наконец между деревьями стали вырисовываться жутковатые силуэты — всего около двух десятков. Уродства, вызванные мутацией, оскорбляли взор Стила. Он ждал, когда они подойдут ближе. Но тут один из мутантов остановился и вытаращил свои огромные розовые глаза на выступающий из-за дерева живот Борща. Только враг раскрыл свою пасть, готовясь издать предупреждающий визг, как Стил вышел из укрытия, спокойно достал лазерный пистолет и прострелил ему голову. Мутант даже взвизгнуть не успел.

Остальные солдаты быстро последовали примеру командира, и не удивительно, что первым среди них оказался Пожар. С широкой ухмылкой на лице он выпускал из лапгана заряд за

зарядом по охваченным паникой
мұтантам. Наконец и Баррески дождался
хорошей возможности пустить в ход свой
новый огнемёт, чтобы нанести
противнику максимальный урон. Плата
охватило сразу трех мұтантов. Воздух
наполнился страгом горящей плоти и их
дикими воплями.

— Не дайте ни одному из них уйти! —
крикнул Стил.

Он увидел, как четверо мұтантов,
бежавших по краям толпы, повернули
назад, решив, что меньшим из двух зол
будет укрыться за спинами остальных.
Одного — горбатого и покрытого
щупальцами урода — Стил уложил
метким выстрелом в спину. Трое других
скрылись из виду, прежде чем полковник
успел прицелиться. Но через секунду
раздался мощный взрыв, и легяные деревья,
за которыми скрылись мұтанты,
разлетелись на множество осколков.
Оказывается, Баррески бросил вслед и
осколочную гранату, и хотя Стил
вздрогнул от грохота, а его
аугментические усилители в правом ухе

чуть не зашкалили, он не мог отрицать, что это была эффективная тактика.

«Есть ли хотя бы слабая надежда на то, что никто из главной группировки хаоситов не услышал взрыва? — думал Стил. — Могли ли легяные деревья заглушить звук, прежде чем он достиг слуха противника? Может, взрыв слышит на кого-то из уцелевших валигийцев-стертников или на разборку между недисциплинированными мутантами?»

Как бы то ни было, ни один мутант, способный рассказать правду, не должен был остаться в живых.

Сосредоточив внимание на так называемых дезертирах, Стил упустил из виду угрозу, которая была совсем рядом. Услышав, как кто-то взводит курок, полковник обернулся и увидел, что некая тварь с желеобразной мордой, у которой глаза и нос словно стекали к подбородку, приставила к его голове дуло пистолета.

Мутант уже собирался выстрелить, как вовремя подоспевший Борщ оттолкнул монстра в сторону и сбил ему прицел. В ответ тот развернул пистолет и заехал

могучему ледяному воину рукояткой в челюсть. Послышался резонирующий треск, но Борщ, казалось, едва почувствовал удар. Он схватил незадачливого противника за плечи и вырнул его спиной прямо на острое как бритва ледяное дерево. Мутант вопил и метался, из ран на спине хлестала кровь. Борщ же, сверкая белоснежными зубами, с довольным смехом двинул ему кулаком под подбородок, и ледяное дерево, на которое повалился мутант, раскроило его бесформенную голову надвое.

Еще трое из его братьев дали деру: двое сразу попали под перекрестный огонь лазганов Гавотского и Анакоры. Палинев с ножом бросился за третьим. Баррески, снова пустив в ход свой огнемет, задел огнем Борща, и тот, уже приготовившись атаковать другого мутанта, крепко выругался, схватившись руками за опаленную бороду.

Дисциплина и фактор внезапности были главными преимуществами ледяных гвардейцев; многие враги не успевали даже вскрикнуть, как оказывались мертвыми.

Лучший стрелок среди всех — Михалев —
целился так, что одним лазерным
выстрелом убивал сразу двоих.

Мутанты, которые оказались к ним
ближе, решили продемонстрировать свою
слаженность и попытались вчетвером
атаковать Блонского. Одного из них Стил
успел прикончить из пистолета, но другие
трое набросились на солдата. Остальные
вальхалльцы пока воздерживались от
выстрелов, опасаясь попасть в товарища,
хотя Стил заметил, что Пожар является
исключением. Полковник вытащил силовую
ленту, нажал кнопку на его эфесе, и клинок
окружало потрескивающее энергетическое
поле. Стил подошел к одному из мутантов
сзади и, используя всю силу
акцентических мускулов, одним ударом
отделил его голову от позвоночника.

Бориц оторвал третьего мутанта
от жертвы. Грэйл попытался проглотить
то же самое с четвертым, но враг
оказался сильнее. И все же ему удалось
отвлечь противника, а Блонский тем
временем всадил штык мутанту в брюхо.

Бой закончился. Все мутанты

лежали мертвые. Вернулся Палинев и, вытирая нож куском ткани, доложил, что мутант, которого он преследовал, тоже убит. Вальхалльцы оказались на расчищенном участке леса, но лежащие деревья, растаявшие от огня Баррески, снова начали расти. Пожар подпрыгнул, почувствовав, как прямо под ним с невероятной скоростью потянулся вверх легяной росток, который чуть не пропорол ему ногу.

Прежде чем продолжить путь, Стилл пересчитал трупы: ему нужно было убедиться, что все мутанты, которых он видел, убиты. Затем он потратил еще секунду, чтобы перепроверить результат — для верности он пересчитывал их четыре раза.

Такой подход стал для него привычным делом, и отнюдь не без причины. Он делал так потому, что не доверял своему разуму.

Некоторые вещи Стилл помнил слишком хорошо.

Он помнил до мелочей все, что с ним

делали в госпитале. Медики восстановили
Стилу половину головы, вставили в череп
металлические пластины, вживили
инородные объекты в мозг. Раздробленные
кости правого плеча и предплечья
заменили пластью, мышцы ---
гидравлическими системами.

Стил помнил, как медики уверяли
его, что боль, которую он терпит, стоит
того, и что они делают для него все, что в
их силах. Но он им не верил. Думал, что
врачи просто испытывают на нем
аугментацию, чтобы понять, насколько
далеко продвинулись в этой области.

Стил помнил все, однако не мог
вспомнить, как оказался в том забытом
Императором месте, где все произошло. Не
помнил он и о Карнаке --- планете, на
которой, согласно его послужному списку,
он воевал больше двух лет. Он не помнил
ни своих товарищей по той кампании, ни
многочисленных врагов Империи, с
которыми сражался; даже какие приказы
выполнял в тот роковой день.

Понятия не имел, что это был за
взрыв, который лишил его половины лица.

Он не помнил ни глаз своего отца, ни объятий возлюбленной, которых оставил на Вальхалле в день, когда его призвали в Гвардию.

Иногда даже после возвращения в строй Стил жалел, что медики тогда не позволили ему умереть.

Он знал, что люди смотрят на него как на глубокого мыслителя, человека уравновешенного и хладнокровного. Некоторые завидовали аугментике и телесным способностям, которыми она его наделила. Эти люди не знали настоящего полковника Станислава Стила. Они не знали о постоянном чувстве разочарования, жившем в его сердце.

Сейчас он мог расслышать, как порхает бабочка, на расстоянии сорока шагов и воспринять тепловое излучение на расстоянии ста. Мог с молниеносной скоростью выполнять сложные вычисления, точнее, чем человек. Их выполнял небольшой искусственный участок мозга и выдавал ему результат. У него была почти идеальная память, поскольку этот же небольшой инородный участок мозга хранил в себе множество

тактических карт и схем маневров войск.

Кое-кто поговаривал, что он может пересчитать все снежинки во время метели, хотя сам Стил никогда не тратил на это время.

И еще в его правой руке была сила трех человек, а этого, как известно, достаточно, чтобы одним взмахом силового меча разрубить пополам пару огетых в броню еретиков.

Но и все, все это должно было выглядеть потрясающе. Новообретенные способности, безусловно, помогли Стилу продвигаться по службе. Но, как не преминул бы заметить рядовой Борщ, имперские технологии не всегда надежны, тем более на таких ледяных планетах, какой была Вальхалла и какой стала Крессига. Глаз Стила, его акустические усилители и обонятельные сенсоры, даже правое плечо — все было подвержено неисправностям и могло подвести Стила в любой момент.

И сейчас, спустя девять лет после своего «перерождения», Стил все еще пытался разобраться в том, о чем медики

ему не сказали. Он до сих пор не знал, какие мысли действительно его, а какие порождены влиянием аугментики, незаметно проникающим в его сознание. Он подвергал сомнению и перепроверял каждое свое решение, опасаясь, не основано ли оно на неверной информации.

Полковник не мог сказать, где проходит граница между настоящим Станиславом Стилом и его аугментикой.

Они приближались к обочине ледяного леса.

Стил понял это благодаря аугментике, которая сообщила ему, что расстояние между ледяными деревьями увеличилось по сравнению с тем, что было некоторое время назад. Полковник ускорил шаг, зная, что его бойцы и без приказа будут поспевать за ним. Никаких признаков того, что кто-то выслеживает их, он не видел, но все же не мог исключить такую возможность.

Наконец они вышли на открытое пространство, и Стил увидел, как все этому рады. Вздохнув с облегчением,

Борщ воспользовался возможностью потянуться и размять мышцы рук, ног и шеи.

Перед ними простиралось огромная, покрытая снегом равнина, и Стил разглядел вдалеке шпили и башни улья Цота. Все говорило о том, что они укладываются в срок. Место крушения находилось всего в нескольких километрах отсюда, и путь до него теперь казался гораздо легче. Однако открытое пространство создавало другие проблемы. Для тех, кто обозревал эту равнину с близлежащих холмов, темно-зеленые шинели ледяных гвардейцев были отличными мишенями. Да и следы, с которыми ничего нельзя было поделать, оставались на снегу.

К счастью, уже начали сгущаться сумерки, и Стил подумал: не дождаться ли ночи? Но затем решил, что риск ожидания перевешивает преимущества. Его внутренний хронометр неумолительно отсчитывал время, оставшееся до конца этого мира, полковник четко осознавал каждую уходящую секунду.

Только когда Гавотский тихо шепнул ему на ухо, Стил понял, как сильно он поронит своих бойцов, изнуренных трудным переходом через ледяной лес. Полковник согласился устроить короткий привал, надеясь, что сумерки обеспечат им хоть какое-то прикрытие. Ледяные гвардейцы уселись, достали пайки и фляги с водой. Впервые за долгие часы они могли отдохнуть.

Отдых поднял боевой дух. Михалев с Грэйлом увлеченно обсуждали достоинства истребителей «Молния» и «Гром». Грэйл с энтузиазмом рассказывал, как во время короткой командировки в Имперский флот ему довелось посидеть за штурвалом «Грома».

Гавотский тем временем травил старые военные анекдоты, Палинев и Пожар внимательно слушали, а Баррески с Борщом возобновили свой дружеский спор.

— Предлагаю пари, — сказал Баррески, — когда выполним задание, устроим с тобой состязание: ты с голыми руками против меня с огнеметом. Посмотрим, какое оружие окажется

беспощаднее.

--- Тогда молись, чтобы твой огнемет не заклинило, --- оживился Борщ, --- или чтобы у него не кончилась огнесеть, или чтобы тебе сразу не промазать. Иначе, когда мои руки сдавят твою глотку, исход состязания будет решен.

--- Я никогда не промахиваюсь, --- сказал Баррески, --- и не надеюсь.

Валигийский капитан предупреждал Стила об озере.

Он вел свою роту в обход него, но на это ушла большая часть дня, и по пути ит несколько раз пришлось столкнуться с небольшими группами противника. Поэтому Стил решил пересечь озеро по льду. По словам валигийцев, в ширину оно было гораздо меньше, чем в длину.

После недолгого и не отмеченного событиями перехода от края леса до берега озера ледяные гвардейцы остановились. Стил достал глиняный нож и, опустившись на одно колено, воткнул острие в поверхность льда. Медленно вдавливая лезвие в лед, полковник

оценивал его толщину. Наконец он почувствовал, как острое пронзило лед насквозь и оказалось в воде. Стул остался доволен, увидев, что нож погрузился почти по рукоятку: лед был достаточно толстый, чтобы выдержать десятерых.

Здоровяк Борщ, понятное дело, волновался. Он ступил на лед только после того, как остальные достаточно далеко ушли вперед. Сделав четыре-пять осторожных шагов, он пошел увереннее и вскоре догнал товарищей.

Ледяные гвардейцы рассредоточились, чтобы равномерно распределить свой вес по поверхности льда. Они двигались медленно, следя за каждым шагом и помня о том, какие всех ждут последствия, если кто-то поскользнется и упадет. Стул прислушивался к малейшему скрипу и треску, который мог бы предупредить об опасности, прежде чем под их тяжестью проломится лед.

Как ему сказали, озеро было шириной в километр, но за полчаса отряд прошел только половину пути. Стул уже мог разглядеть противоположный берег ---

темные очертания в сгущающемся сумраке.

Вскоре, когда ледяные гвардейцы стали наиболее уязвимы, раздался первый выстрел.

— Снайпер! — крикнул Палинев, и лед справа от него разлетелся на куски.

Стил мысленно воспроизвел последнюю секунду, и его бионический глаз теперь увидел то, чего он сам не успел заметить, — вспышку выстрела, блеснувшую на фоне темного покатого холма к северо-востоку от них. Полковник сообщил об этом солдатам и рассмотрел изображение крупным планом.

На встроеном в его бионический глаз дисплее показались очертания головы и плеч человека, вооруженного длинноствольным снайперским лазганом.

К счастью, снайпер стрелял не слишком метко, но крайней мере, с такого расстояния. Впрочем, в ледяных гвардейцев попадать было не обязательно — достаточно просто расколоть лед под их ногами. Еще два лазерных выстрела — и из-под пробитого льда брызнули струи

воды. Бойцы пригнулись, поскольку укрыться было негде, и ответили огнем. Их лазганы, за исключением того, что держал Палинев, не облагали дальностью снайперского оружия, и даже если бы их лучи попали в цель, это были бы лучи половинной мощности. И все же они не позволяли снайперу слишком высовываться.

Палинев очень удивился, когда Стилл взял у него снайперский лазган.

— Не в обиду, солдат, — буркнул он, — но, думаю, я смогу прицелиться лучше.

Видя, что делает Стилл, Гавотский приказал остальным отойти. И они, жертвуя осторожностью ради скорости и поддерживая огневое прикрытие, продолжили путь к дальнему берегу озера.

Стилл стал целиться в снайпера, но тут прямо перед ним блеснул лазерный луч. Лег треснул, и разлетевшиеся осколки сбили полковника с ног. Он тяжело упал на спину и едва не выронил оружие. Лег под ним треснул, и в какой-то момент Стилл подумал, что провалится в воду. Облегчение, которое он испытал, когда этого не произошло, длилось недолго. Еще

два лазерных выстрела, и лег вокруг
ледяного гвардейца начал быстро
трескаться. Стил слышал, как трещины
во льду становятся глубже и шире.

Другие бойцы отряда видели, что
вокруг Стила появляются огромные
разломы, образуя плавающие ледяные
островки.

Стил не мог встать. Лег держал его
лишь потому, что вес был ровно
распределен по поверхности, но этого
хватило ненадолго. Товарищи не могли
подойти к полковнику, не разделив с ним
его участь. К тому же у них хватало своих
проблем.

Понимая, что самому не спастись,
Стил сделал единственно возможное,
чтобы спасти их, приставил к плечу
лазган, поднял голову и, используя свой
бионический глаз, прицелился. Увидев, как
на дисплее появился силуэт снайпера,
полковник улыбнулся и нажал на спуск --- и
почувствовал, как отдача отбрасывает
его вниз, все ниже и ниже...

«Есть в жизни вещи, --- думал Стил, ---

которых лучше не знать».

Ему ни к чему было знать ни температуру ледяной воды, в которую он погрузился, ни вес утепленной шинели и тяжелого рюкзака, тянувших его на дно озера. Лучше бы ему не слышать, как лед наг ним снова замерзает, затуровывая его в наполненной до краев водой могиле.

И все же его аугментика продолжала собирать информацию и передавать ее, будто он еще мог, основываясь на ней, сделать какое-то полезное заключение, хотя оно могло быть лишь одно.

Любой другой человек уже ничего бы не чувствовал, потому что мозг его давно бы отключился от холода. Любой другой успокоился бы с миром. Но не Стил.

В его голове кружились цифры. Они переполняли мозг, требуя внимания к мельчайшим деталям неминущей участи. Но хуже всего было то, что проклятый внутренний хронометр, тикавший в висках, безостановочно отсчитывал последние секунды жизни полковника Стила.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

До уничтожения

Крессиды 35 часов 14

минут 56 секунд

Когда Гавотский увидел, как Стилл провалился под лед, первым его побуждением было нырнуть за ним. Гавотский с трудом сдерживал себя, понимая, что погружения в ледяное озеро ему не вынести. Единственное, что он мог сделать для полковника, — возглавить вместо него отряд и почтить его память, выполнив последнее задание.

Через несколько секунд шум, сопровождавший это безумие, утих и воцарилась неестественно жуткая тишина. Снайперский огонь с холма прекратился. Вероятно, Стилл последним выстрелом убил снайпера, но сейчас никто об этом не думал. Ледяные гвардейцы стояли и смотрели на зияющий пролом во

льды, поглотивший их командира. Пролом быстро затягивался новой ледяной коркой, и вскоре ни от него, ни от Стила не осталось и следа.

Эти солдаты давно привыкли к смерти. Всю свою жизнь они жили в ее тени и знали, что смерть может прийти за ними в любой момент и откуда угодно. Но они считали, что полковник Стил — самый сильный из них, не такой, как простые смертные, и его гибель стала для них потрясением.

— Все назад! — крикнул Баррески. Из его огнемета вырвалась огненная струя, и над растопленным льдом поднялось облако пара. Если Стил подо льдом все еще был в сознании и пытался выбраться, у него появился шанс, еще несколько секунд. Каким бы невероятным это ни казалось, ледяные гвардейцы цеплялись за последнюю надежду — смотрели, ждали, уповали...

И тут, к изумлению Гавотского, над поверхностью воды высунулась рука в перчатке и стала нащупывать опору. Наконец полковник Станислав Стил подтянулся, высунулся из воды по пояс и

обессиленный, упал лицом на лед. Его ноги оставались в воде.

Все бросились к полковнику, но Гавотский остановил их предупредительным жестом и позвал к себе только Палинева. Они вдвоем направились к полковнику по хрупкому льду. Подхватив Стила за плечи, оттащили его от опасного места и принесли к остальным. Лицо Стила было синее-серым.

Анакора первой заметила, что он не дышит.

Гавотский, опустившись на колени рядом со Стилом, стал делать ему искусственное дыхание и массаж сердца, пока полковник не вернулся к жизни. Все вздрогнули от неожиданности, когда Стил вдруг сел перед ними и выплюнул воду из рта. Медленно поворачивая голову, он оглядывал встревоженные лица собравшихся вокруг товарищей. С такого близкого расстояния Гавотский мог разглядеть, как поворачиваются линзы в бионическом правом глазу Стила. Левый же глаз, настоящий, хоть и был открыт,

но взгляд его казался безжизненным и
безучастным.

--- Как он остался жив? --- выдохнув,
произнес Блонский.

--- Он не должен был выжить, --- сказал
Гавотский. --- Его мозг должен был
отключиться в такой воде. Думаю, какие-
то его части отключились, но... мозг
полковника не полностью органический.

--- Видишь? Его аргументика, машины
в голове спасли ему жизнь! --- с ухмылкой
произнес Баррески, слегка поддев Борща
под ребра.

Оба глаза Стила закатились в
глазницы. Гавотский поддержал его голову,
не дав упасть, и осторожно опустил его на
лед.

--- Надо переодеть его в сухую одежду, ---
сказала Анагора. --- И отнести в какое-
нибудь теплое место.

--- Посмотри вокруг, --- возразил
Михалев. --- Где ты здесь найдешь такое
место?

Тем не менее он начал копаться в
своем рюкзаке в поисках запасной одежды.
Все остальные ледяные гвардейцы

последовали его примеру. Поскольку Михалев был почти одного телосложения со Стилом, он отдал полковнику свою шинель, а себе взял его, промокшую.

Больше солдаты ничего не могли сделать для своего командира.

— С полковником все будет в порядке, — сказал Гавотский, пытаясь убедить в этом самого себя, а заодно и поднять боевой дух солдат. — Он находился в воде всего пару минут, а я видел, как люди выживали, пробыв там раз в десять дольше. Придет время, и он сам очнется.

С другой стороны холма доносились голоса.

Палинев лег на живот и остаток пути прополз по-пластунски. Он осторожно поднял голову и почувствовал, как затерлось его сердце.

Ночь наступила более часа назад. Луны в небе не было видно, лишь мерцало несколько звезд. Палинев едва различал свою руку, держа ее перед глазами. Тем не менее Гавотский настаивал на том, чтобы они продолжали выполнять

задание. Это было то, чего хотел Стил.

Гавотский приказал солдатам распределиться по двое и по очереди нести полковника. Но Борщ вызвался выполнять эту работу один. Он взвалил бесчувственное тело Стила на плечи и без особых усилий понес его.

Наконец они достигли своей цели.

По крайней мере, ее достиг разведчик. Корабль исповедника был перед ними. Красные крылья челнока «Аквила» гордо развернуты, как у двуглавого имперского орла, по образу и подобию которого он был создан и именем которого назван. Но спина этого орла оказалась проломлена, а ноги просели. Корпус челнока прогнулся посередине и накренился, и Палиневу потребовалась минута, чтобы разглядеть в снегу сквозь очки ночного видения оторвавшийся хвостовой стабилизатор.

Это был челнок исповедника Воллькенгена — сбитый корабль, на поиски которого отправили отряд ледяных гвардейцев во главе с полковником Стилом. Опасения пославшего их руководителя подтвердились: здесь был бой.

который Император проиграл.

Снег устилал обожженные и искалеченные тела в красной с золотом форме. Палинев, на котором были очки ночного видения, стал рассматривать тела, ожидая увидеть одеяние слугителя Экклезиархии. Был шанс, что Воллькенген бежал во время кровавой расправы, пока его верные телохранители жертвовали ради него своими жизнями. Но без подробного осмотра местности ничего нельзя было сказать наверняка.

Сейчас Палинева больше беспокоили живые.

Культисты Хаоса. Пространство перед челноком кишело ими. Когда-то они были обычными людьми, скорее всего, уроженцами самой Крессиды. Возможно, работали на ее рудниках, служили Императору в обмен на Его покровительство и защиту — пока их души не были сломлены, и они не поддались скверне, проникшей в этот мир. Теперь они носили черные одежды и молились другим богам. На лицах некоторых присутствовала татуировка в виде

нечестивой восьмиконечной звезды богов Хаоса.

Культисты разожгли костер и собрались вокруг него греться. Яркое оранжевое пламя мешало Палиневу смотреть сквозь очки ночного видения, зато хорошо освещало его врагов, которыми, наоборот, тьма вокруг него казалась гуще.

Культисты грабили сбитый челнок, точнее, заслали туда кучку презренных рабов-мүтантов выполнять за них эту работу. Два особенно уродливых экземпляра стояли в люке и пытались вскрыть ящик с оборудованием. Ящик вырвался у них из рук и с грохотом упал на землю. Разъяренный культист заорал на мүтантов и двинул одному из них прикладом лазгана.

Палиневу было ясно одно: если исповедник Воллькенген жив, то он уже далеко отсюда.

Гавотский согласился с такой оценкой ситуации.

--- Нам нужно захватить нескольких еретиков живьем и заставить говорить, ---

размышлял он. -- Спросим, видели ли они исповедника. Где они его держат? -- он говорил шепотом, так как лагерь противника находился всего в нескольких сотнях метров от них.

-- Сколько ты их там насчитал, Палинев? -- нетерпеливо спросил Пожар.

-- Трудно сказать, -- ответил разведчик. -- Темно, и они спят тут-сяуда. Как минимум десяток культистов, мутантов четверо или пятеро и, возможно, кто-то есть в челноке. Похоже, они не очень хорошо вооружены.

-- Судя по твоему описанию, -- сказал Михалев, -- в этот раз преимущественно для нас будет холмистый рельеф. Если мы найдем укрытие на вершине холма и начнем стрелять оттуда, перебьем половину. Они даже не успеют понять, что мы здесь.

Палинев кивнул.

-- Ум будет куда бежать.

Гавотский был встревожен тем, что сегодня ему во второй раз придется вести отряд в бой. Солдаты были изнурены, хотя никто из них не признавался в этом.

Гавотский и сам чувствовал страшную усталость. Но Михалев прав: этот бой может обернуться для них легкой победой, а это как раз то, что сейчас нужно.

И, разумеется, челнок. Если легяные гвардейцы смогут его отбить, они получат кров на ночь и хоть какое-то тепло. Это было бы благом для всех, особенно для Стила. Пока они разговаривали, Бориц положил полковника на землю. Стил, казалось, крепко спал: дыхание ровное, цвет лица становился лучше.

— Хорошо, — наконец произнес Гавотский. — Так и поступим. Баррески, Михалев — пойдете первыми. Палинев, если прокрадешься к лагерю с другой стороны и подойдешь как можно ближе, сможешь прижать культистов огнем, если те начнут разбегаться. И постарайтесь не задеть челнок — я не хочу, чтобы вы его совсем угробили. Стало быть, никаких взрывчатых веществ, Баррески. Есть небольшая вероятность, что двигатели еще...

Сержант не договорил.

В этот момент глаза Стила открылись, и полковник издал громкий протяжный крик. Крик, который культисты не могли не услышать.

Пожар не стал ждать приказов и даже когда затихнет эхо. Теперь враг знал, что они здесь. Культисты в любую секунду могли появиться на вершине разделявшего их холма и начать палить по ним, как по мишеням на стрельбище, если только ледяные гвардейцы не займут эту выгодную позицию первыми.

Пожар быстро добежал до вершины холма, упал на живот и начал стрелять, не видя, в кого стреляет. В ответ раздался рев и визг. Культисты послали вперед мутантов, и прежде чем Пожар понял, что происходит, один из них, уклоняясь от его лазерных выстрелов, взобрался на вершину и прыгнул на него.

Покрытая серой шерстью неуклюжая тварь толкнула Пожара изо всех сил и попыталась вырвать у него лазган. Пожар стал отбиваться, и они вместе покатились по склону. Когда они достигли

подножия холма, на помощь Пожару бросился Борщ. Вступив с мутантом в рукопашный бой, он зажал его череп в руках, словно хотел раздавить, но череп оказался слишком крепкий даже для Борща. Вырвавшись из захвата, монстр с диким ревом бросился на вальхалльца.

Борщ не успел увернуться от резкого удара, который мутант нанес ему своими кривыми когтями. Три параллельных раны разорвали грудь, и могучий ледяной гвардеец упал.

Пока Пожар поднимался на ноги и собирал свое оружие, мутант снова прыгнул на него. Вальхаллец четыре раза выстрелил ему в живот, но этого было недостаточно, чтобы остановить монстра. Мутант повалил Пожара и теперь стоял над ним, истекая кровью. Узкие безумные глаза, смотревшие исподлобья, буквально впивались в Пожара, пока тот прикладом лазгана отмахивался от его окровавленных когтей.

Но Борщ снова пришел на помощь. То, что он сумел не потерять сознание и благодаря силе воли и мощи своих рук

подняться с земли, казалось невероятным. Ледяной гвардеец навалился на мутанта сзади всей тяжестью тела, сжал его ребра между коленями и стал обрушивать свои могучие кулаки ему на голову, пока демонстр не отключился. Пожар выскользнул из-под его туши, но в эту секунду мутант пришел в себя и попытался стряхнуть Борца. Но у него ничего не вышло: Борец вцепился в него мертвой хваткой.

Снова взявшись за оружие, Пожар сделал три выстрела в упор — прямо в зияющую рану в животе мутанта. Должно быть, он задел жизненно важные органы, поскольку мутант на сей раз упал — на спину, пригавив Борец. Для ледяного гвардейца это стало последней каплей: его веки затрепетали и закрылись. Пожар видел, что товарищ еще дышит, но из ран на груди хлестала кровь. Нужна была синт-кожа и кто-то, кто бы срочно закрыл раны. Пожар мог бы помочь, но поисковые аптечки в рюкзаке во время боя стоил бы ему нескольких драгоценных секунд.

Пожар оглядел поле боя. На вершине появилось еще четверо мутантов — такие

же крупные и в таких же серых шкурах, как и первый. Двое из них горели -- работа Баррески и его огнемета, -- но продолжали сражаться. Один схватил Гавотского своей медвежьей хваткой, понятное дело, рассчитывая поджечь его об себя. Уже поняв, насколько устойчивы эти твари к лазерному огню, Анагора и Блонский стали атаковать монстра штыками, пытаясь заставить его выпустить сержанта из своих лап. Вторым мутантом попробовал таким же образом схватить Палинева, но ловкость помогла разведчику увернуться от когтей.

Пожар наблюдал, как еще одна тварь корчилась под огнем лазганов Грэйла и Михалева -- шаталась, но не падала. Мутанты хорошо выполняли свою работу по отвлечению противника. Ледяные гвардейцы оставили надежду удержаться на позиции на склоне холма, и тут на вершине появился первый культист в черном одеянии. Он поднял лазган и стал выбирать цель.

Пожару этого было достаточно, чтобы оставить истекающего кровью

Борща и снова броситься в бой.

Горящий мутант больше не мог игнорировать Блонского и Анакору.

Он отпустил Гавотского. Сержант упал и начал кататься по снегу, пытаясь потушить пламя, перекинувшееся на его шинель. Мутант ударил когтями Анакору, но она отразила его удар лезвием. Монстр на секунду опешил, и Блонский, воспользовавшись этим, с большим удовольствием всадил штык ему в глаз. Мутант дернулся и взвыл, но Блонский продолжал вгонять штык в голову, вкручивая его, как штопор, и одновременно обдавая обезьянью морду твари лазерным огнем.

От одного прикосновения к этому уроду, клочьев шерсти, попавших на руки, и капель крови, брызнувших в лицо, Блонский чувствовал себя оскверненным. Как культисты на той стороне холма и все безумные поклонники Хаоса, этот мутант когда-то был человеком. Он должен был знать, какое будущее его ждет, и понимать, чем закончится выбранный

м путь.

Блонский не испытывал к нему ни малейшего сочувствия. Мутант заслуживал того, что с ним сотворили его боги.

Наконец мутант умер. Был прикончен и второй — очередным выстрелом из огнемёта. Остались ещё двое. Одного отвлек на себя ловкий Палинев. Другой, только что потеряв лану под непрерывным огнём лазганов Михалева и Грэйла, свалился на колени. Блонский прицелился в дравшегося с Палиневым, но его из всех сил толкнула Анакора. Падая на снег, Блонский на секунду подумал, что, наверное, душа Анакору тоже сломалась, и она перешла на сторону предателей. Но когда лазерный выстрел рассек над его головой воздух, Блонский понял, что ему только что спасли жизнь.

Культистский снайпер занял выгодную позицию на вершине холма, и если бы он выстрелил ещё раз, точно убил бы Блонского или Анакору, даже когда они лежали на снегу. Но как только культист увидел, что на него наводит ствол Пожар,

он тотчас переключил огонь на молодого солдата. Пожар получил скользящее попадание в плечо. Сбитый силой удара с ног, он уже во второй раз за эти минуты катился вниз по склону.

Воодушевленный своим успехом, культист потерял осторожность. Стоило ему подняться на ноги, чтобы лучше прицелиться и добить упавшего врага, как его тело пронзили два лазерных луча. Прикончив неудачливого снайпера, Блонский и Анагора бросились вперед. Теперь к ним снова присоединился Гавотский. Другие культисты опоздали воспользоваться своим преимуществом: должно быть, слишком долго прятались за спинами пушечного мяса — мутантов. Противники поджигали их на вершине холма. Легяные гвардейцы стали стрелять первыми, и трое врагов были убиты, не успев открыть ответный огонь.

Несмотря на свое численное превосходство, культисты уступали легяным гвардейцам. Они были не обучены, не защищены броней и даже не все вооружены. Когда Пожар снова

присоединился к товарищам, исход боя уже не вызывал сомнений. Поскольку его правая рука бессильно свисала вдоль тела, он держал лазган в левой и в основном промахивался.

Один культист, проскользнув между выстрелами ледяных гвардейцев, кинулся на Блонского, пытаясь пробить ножом его бронированную шинель.

— Ты опоздал, гвардеец, — прошипел грязный еретик. — Мангеллан властвует над этим миром, и если ты хочешь жить, отвергнешь своего прогнившего Императора и обратишься...

Он не успел закончить свою тираду, как Блонский схватил его за руку и вывернул ее так, что кости захрустели. Культист взвыл от боли, выронив клинок из онемевших пальцев.

Блонский приставил к горлу грешника штык, но вспомнил, что Гавотский хотел взять пленного. Он сопротивлялся тому, что подсказывал ему инстинкт, развернул лазган и ударил культиста прикладом по черепу. Еретик отключился.

Баррески обогнул последнего мутанта, пытаясь понять, под каким углом в него стрелять, чтобы не задеть огнем Палинева, который в тот момент самыми изощренными способами уворачивался от вражьих когтей. Мутант не собирался отступать, а, наоборот, пытался довести разведчика до полного изнеможения.

Баррески подошел еще ближе. Он думал, что мутант слишком занят Палиневым и не заметит его. Но он ошибался. Враг внезапно развернулся, и теперь объектом его внимания стал Баррески. Сильным ударом монстр выбил из его рук огнемет. Сообразив, что второй удар когтями разорвет ему горло, Баррески успел увернуться. Отбиваться ему было нечем. Он понимал, что не успеет снять с плеча лазган и что он далеко не такой ловкий, как Палинев, и не сможет долго уворачиваться от ударов.

Ему на помощь пришли Михалев с Грэйлом. Они прикончили своего противника и теперь направили огонь на

противника Баррески. Мутант вздрогнул, когда лазерные лучи прожгли его спину, но, к ужасу Баррески, продолжал пялиться на него своими красными глазами. Где-то в глубине потупленного убогого разума мутант понимал, что ему конец, и был намерен не отвлекаться от своей жертвы, чтобы забрать с собой хотя бы одного врага.

Палинев увидел, что происходит и, рискуя попасть под огонь лазганов, бросился на мутанта. Он выиграл для товарища не больше секунды — тварь небрежно отбросила его и кинулась на Баррески. И хотя тот был готов выдержать ее вес, все равно упал на одно колено и принялся отталкивать от себя вонючего противника. Мутант поднял когти, и Баррески понял, что удар будет смертельным.

Но вдруг что-то взорвалось в воздухе. Мутант на мгновение застыл и рухнул. Баррески изумленно смотрел на его почерневший труп, не понимая, что произошло.

Его ноздри наполнились запахом гари

и озона. Он взглянул на небо, на секунду подумав, что, видимо, по иронии судьбы или даже благодаря божественному вмешательству его спасла молния.

Потом он увидел Стула, который стоял на ногах и с трагическим удовлетворением смотрел на мертвого мутанта. Баррески заметил, что правый глаз полковника почернел и немного вытиснется.

— Небольшое усовершенствование. Я сделал его на Пирите несколько лет назад, — хрипловатым голосом произнес Стул, увидев изумленные лица Баррески, Михалева и Грэйла. — Электрический разряд — оружие, применяемое в исключительных случаях. Для его перезарядки потребуются около двадцати часов. Все это время мой правый глаз будет бесполезен.

Он снова посмотрел на мертвого мутанта и улыбнулся.

— Все же некоторые вещи стоят того, чтобы терпеть это небольшое неудобство.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

До уничтожения

Крессиды 33 часа 16

минут 4 секунды

Бориц был мертв.

Вальхалльцы поняли это не сразу. Они утонул в крови — не только в своей, но и в крови мутанта, которого они с Пожаром убили. Чтобы поговорить к Борицу, ледяными гвардейцам пришлось сдвинуть труп врага. И лишь тогда они увидели, что их товарищ не дышит.

Анакора хотела похоронить его, но Гавотский напомнил, что им нечем копать протерзшую землю. Конечно, они могли как-то выкопать могилу, но это заняло бы большую часть ночи.

— И это не то же самое, что рыть могилу обычного размера, — проворчал Грэйл.

Так или иначе, все согласились, что в

данной ситуации особой разницы не будет. После вирусной бомбардировки тело Борща, будь оно погребено или оставлено лежать на снегу, все равно превратится в жидкость -- в протоплазменную слизь. У все-таки последнее, чего ждал любой гвардеец, отправляясь на войну, это приличные похороны, каждый знал, что его трун, скорее всего, останется лежать на поле брани и будет втоптан в грязь.

Все собрались вокруг погибшего товарища, Гавотский произнес короткую молитву об его душе -- и на этом завершили. Анагора все же настаивала, чтобы тело Борща занесли в «Аквилу» и закрыли в грузовом отсеке -- по крайней мере, так оно не станет добычей хищников.

-- Лучше бы он стрелял... -- произнес Баррески, покачав головой. -- Лучше бы не спешил броситься в рукопашную с этой тварью...

-- Тогда бы здесь вместо него лежал Пожар, -- сухо подметила Анагора. -- Ты ведь видел, что этих мутантов не берет лазерный огонь.

За исключением смерти Борща, остальные потери были незначительными. Палинев получил легкую контузию, когда последний мутант отшвырнул его, Гавотский — пару ожогов второй степени, на которые наложил повязку. Правую руку Пожара пришлось повесить на перевязи, и это сильно огорчало молодого солдата.

Стил снова был на ногах, но выглядел очень уставшим и даже производил впечатление слегка помешавшегося, хотя об этом никто не осмеливался сказать ему в лицо. Гавотский продолжал командовать отрядом. Сержант послал Анакору, Баррески и Грэйла к челноку, чтобы те убедились, что внутри никого нет. Кроме того, Грэйл должен был проверить двигатели и доложить об их состоянии. Двоих культистов взяли живыми, и Блонскому с Михалевым было приказано связать их веревками от рюкзаков.

Стил оттапчивал труп одного из мутантов.

— Тот был похож на этого, — сказал он Гавотскому. Сержант удивленно

посмотрел на полковника. --- Тварь, которую я видел в лесу, --- объяснил полковник. --- У нее была серая шкура, как у этой. Видимо, приспособились к холоду. Но если тот был такой же мутант, куда он ушелся? Культисты не знали, что мы идем, пока я... пока они не услышали нас.

--- Пошел кому-то докладывать? --- закончил мысль Гавотский. --- Значит, кто-то еще знает, что мы здесь? У скольких еще таких мутантов здесь бродит?

Стилу не нужно было спрашивать, что произошло, пока он был без сознания после того, как провалился под лед. Его бионический глаз записал и сохранил в памяти все подробности --- по крайней мере, все визуальные подробности --- и теперь полковник мог все посмотреть.

То, что он увидел, глубоко его обеспокоило. Органические, то есть настоящие части его мозга отключились в ледяной воде, но аугментические продолжали функционировать и поддерживать жизнь. Конечно, Стил

благодарил судьбу за то, что остался жив, но мысль о том, что его аугментика может функционировать без него, пусть даже не в полную силу, заставила содрогнуться.

Двое пленников начали приходить в себя. Михалев с Блонским поволокли их к костру и взяли под стражу. Несмотря на страшную усталость, Стил решил сам вести допрос. Он намеревался начать с того, который выглядел покрепче и вряд ли расколется. Здоровенный культист с татуировками на лице и сломанным запястьем — за последнее надо сказать спасибо Блонскому, — молчал и смотрел на полковника вызывающе.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал Стил. — Ты думаешь, что ничего для себя не выгадаешь, отвечая на мои вопросы, потому что я все равно не оставлю тебя в живых. Ты прав. Но у тебя есть шанс умереть быстро и легко. Или я заставляю тебя страдать.

Культист плюнул ему в лицо.

Стил кивнул Блонскому, и тот снова принялся выкручивать еретику сломанную

руку. Культист, испытывающий невыносимую боль от переталывания осколков костей, почти секунду сдерживал крик. Когда ледяной гвардеец закончил с ним, из глаз еретика полились слезы, но он не сказал ни слова.

И все же этот прием возымел действие — на его дружка. Вторым пленник, который был моложе и ниже ростом, весь трепетал в ужасе от увиденного.

— Очень хорошо, — спокойно сказал Стил. — Похоже, этот сделал свой выбор. Можешь избавиться от него, Блонский. Поговорим с его приятелем.

Блонский знал, что от него требовалось. Он приставил ногу к спине старшего культиста и толкнул его лицом в костер. Еретик вопил, пытаясь встать, но нога Блонского толкала его обратно в огонь.

Культист утирал голову и плачущим голосом говорил. Наконец он умер, и воздух наполнился страдом горящей плоти. Его младший товарищ был так напуган, что сбил слюну от страха прямо себе на колени.

Его затрясло, и к горлу подкатила тошнота, когда Стил повернулся к нему со своим волчьим оскалом.

--- Клянусь, я... я не хотел присоединяться к ним, --- проблеял культист. --- Просто... когда все это началось, и стало распространяться, и...

--- Мангеллан? --- напомнил Блонский.

Культист кивнул. Казалось, он был рад тому, что ледяному гвардейцу известно это имя и что ему не придется выдвигать его самому.

--- Никто не знает, откуда он пришел, просто... везде появились его сторонники, на всех улицах. Никто не мог остановить их. Моя семья, мои друзья... они все говорили, что Мангеллан прав и что мы не обязаны служить Императору, что Он не может нас защитить... Они вломились в наш дом, выволокли нас на улицу и, приставив дуло к виску, заставили поклясться в верности Мангеллану... У нас не было выбора.

--- Выбор есть всегда, --- прорычал Блонский.

--- Когда здесь сел этот корабль, ---

сказал Стил, указывая на «Аквилу», — на его борту находился важный представитель Агентус Министорум. Этот человек хотел помочь вашему народу вернуться на путь праведности.

Культист кивнул.

— Я слышал, кого-то там нашли... какого-то исповедника... Вы поэтому здесь? Вы его ищете?

— Ты знаешь, где он? — спросил Стил.

— Он... он мертв, — произнес культист.

Стил заметил, как Блонский с Михалевым обменялись взглядами, но продолжал пристально смотреть на пленника. Обычно бионический глаз Стила фиксировал каждую каплю пота на лице и в лагوناх, акустические сенсоры улавливали каждое изменение ритмов сердца, и Стил мог сказать, лжет его пленник или нет. Но сейчас, когда глаз не функционировал и полковник только слышал сердцебиение, ему было труднее судить. Но несмотря на это неудобство Стил чувствовал себя странно свободным.

— Ты видел, как он умер? — спросил

полковник.

--- Я просто подумал, --- сказал культист. --- Я имел в виду, что сейчас он, наверное, уже мертв. Исповедника отвели в улей Ыота три дня назад. Я видел, как его вели по ступеням Ледяного дворца. Мангеллан забрал его.

--- Где он, этот Ледяной дворец? --- спросил Стил. --- Сможешь привести нас туда?

От такой перспективы пленник побледнел.

--- Пожалуйста, --- бормотал он. --- Я сказал вам все, что знал. Не вынуждайте меня... Я не могу идти против него, он слишком... слишком силен. Вам не победить его. Мангеллан меньше чем за месяц выбил Имперскую Гвардию из улья Ыота. Сотни тысяч... погибли, а вас всего горстка...

Стил уже принял решение относительно этого культиста, но все равно посмотрел на Блонского и Михалева, желая заручиться мнением еще двоих.

--- Вы верите ему? --- спросил Стил, и

солдаты подтвердили. — Хорошо, — сказал полковник. — Я тоже.

Он достал лазерный пистолет и прострелил молодому культуисту голову.

«Аквила» была вся выпотрошена. Даже роскошные кресла, предназначавшиеся для сановников Министорума, выгранные, и все выпачкано слюной мутантов. Но когда в пассажирском отсеке немного прибрались и расстелили одеяла, он стал вполне сносным убежищем для девяти устывших солдат.

Во всем остальном корабль оказался бесполезен. Грэйлу не удалось запустить двигатели, и это ни для кого не стало неожиданностью. Связь тоже не работала. Но Баррески нашел портативный вокс-передатчик, вроде не слишком поврежденный. Единственное, чего в нем не было, это энергии, но несколько часов на солнечном свете, даже несмотря на серые тучи, покрывавшие небо Крессиды, должны были компенсировать заряд. Баррески надеялся, что к девяти утра вокс-

передатчик заработает, и это позволит
Стилу связаться с кораблями флота,
сообщить о потере «Термита» и
запросить воздушный транспорт — после
того как они найдут Воллькенгена.

Впервые за все это время Грэйл
увидел возможность выбраться с
обреченной планеты, и эта перспектива
настолько его воодушевила, что он почти
забыл, что ледяных гвардейцев отделяет
от их цели огромная армия поклонников
Хаоса.

Поскольку Грэйл и Баррески были в
лучшем состоянии, чем остальные, они
вызвались первыми нести караул этой
ночью. Грэйл, охранявший входной люк
«Аквилы», был готов поднять тревогу при
первых признаках появления противника,
но пока он слышал только глубокое
дыхание спящих товарищей. Баррески
остался снаружи и рассматривал в свете
потухающего костра обломки
оборудования «Аквилы». Вряд ли можно
было найти что-то пригодное, но он хотел
в этом убедиться.

Грэйл первым заметил опасность —

движение за холмом, на котором легяные
гвардейцы сражались с культистами. Он
краем глаза увидел, как что-то мелькнуло,
и не был уверен, что там вообще что-то
есть. Однако Баррески, заметив в позе
Грэйла настороженность, оставил свою
возню с запчастями.

Они оба наблюдали некоторое время
за темными очертаниями холма, но
ничего особенного не увидели и не
услышали. В конце концов Грэйл жестами
просигналил товарищу-танкисту, что
надо бы взглянуть поближе.

Грэйл пригнулся и начал осторожно
красться к холму, Баррески с лазганом
наготове обеспечивал ему прикрытие.
Поднявшись на холм, Грэйл упал на живот
и последние метры преодолел ползком.
Несколько минут он лежал, не двигаясь, и
обозревал поле, по которому недавно шел
его отряд. Он чувствовал, как мокрый снег
впитывается в его шинель, и подолгу
вспатривался в каждую тень, пока он не
убеждался, что это не враг.

И оно появилось снова!

Появилось — и опять исчезло.

Существо, покрытое серой шерстью, передвигавшееся странной неуклюжей походкой. Грэйл быстро обдумал возможные варианты. Если это в самом деле мутант, и он здесь один, тогда Грэйл и Баррески с ним справятся. Будить остальных нет необходимости. К тому же, пока они возвращаются к челноку, мутант успеет уйти и привести толпу себе подобных. А если он не один, и его послали, чтобы заманить их в засаду?

Грэйл подумал, что второе маловероятно. Мутант явно старался двигаться незаметно.

Быстро предупредив Баррески жестом, чтобы тот оставался на месте, Грэйл пополз за тварью вниз.

— Полковник Стил! Полковник Стил, сэр!

Стил поднялся, еще не успев открыть глаза: внутреннее чувство опасности предупредило его об угрозе. Сразу сверился с внутренним хронометром, судя по показаниям которого он спал около трех часов. Его правый глаз был все еще слеп.

Рядом с полковником стоял Палинев, который его и разбудил. Остальные тоже начали просыпаться.

Что-то явно горело, но Стил не мог определить источник запаха.

— Я слышал выстрел, — доложил Палинев. Стил обратил внимание, что Гавотский, Блонский и Анакора тоже были разбужены выстрелом, хотя сам почему-то выстрела не слышал. Этот момент неприятно удивил полковника. Видимо, акустические сенсоры снова его подвели.

— Стреляли близко, — сказала Анакора, — возможно, совсем рядом, снаружи.

— Не вижу Баррески и Грэйла, — добавил Палинев.

Взяв лазганы, Гавотский с Пожаром подошли к открытому люку, но там никого не было. Выглянув из люка, Пожар доложил, что снаружи тоже никого нет, но секунду спустя добавил:

— Нет, подождите... Вижу, как кто-то к нам бежит. Вроде... Баррески, а за ним Грэйл. Похоже, с ними все в порядке.

--- Может, они решили пострелять по крысам, --- предположил Михалев.

--- Бряд ли, --- сказал Блонский. --- Думаю, Анакора ошибается. Стреляли не снаружи.

Все посмотрели на Блонского, и Стил увидел у него в руках дымящийся вокс-передатчик, точнее, его оплавленные детали, от которых шел запах гари.

--- Ты думаешь?.. --- недоверчиво начал Палинев.

--- Я думаю, --- сказал Блонский, --- что стреляли по этому аппарату, причем из салона челнока.

Заглянув во входной люк, Баррески увидел, как на него уставились семь пар глаз.

--- Что, черт побери, здесь происходит? --- спросил он. --- Кто-то пальнул из лазгана?

--- Мы хотели задать тебе тот же вопрос, --- сказал Стил.

--- Ведь это ты должен был стоять на посту, --- добавил Пожар. --- Ты и Грэйл.

--- Ты никого не видел? --- спросила Анакора.

Из-за спины Баррески появился Грэйл.

--- Там что-то было, --- сообщил он. ---

Думаю, еще один мутант. Я пытался преследовать его, но потерял из виду. Не знаю, как он ушел, но двигался словно толня.

--- Значит, вы позволили мутанту увести вас от корабля? --- спросил Стил.

Баррески решительно покачал головой:

--- За мутантом пошел Грэйл. Я последовал за ним на вершину холма, чтобы прикрыть, но челнок я не упускал из виду ни на секунду. Никто бы не смог подойти к люку незамеченным.

--- Ты уверен? --- спросил Стил, указывая на остатки вокс-передатчика в руках Блонского. Увидев нанесенный ущерб, Баррески изменился в лице. --- Если ты хочешь сказать, что это сделал не чужак, значит...

--- Значит, один из нас --- предатель, --- закончил мысль Блонский.

--- погоди, --- сказал Гавотский, --- давай не будем спешить с выводами.

--- Факты говорят сами за себя, ---

настаивал Блонский. -- Один из нас проснулся и, увидев, что остальные спят, воспользовался возможностью уничтожить вокс-передатчик -- нашу главную надежду выполнить это задание.

-- Почему ты смотришь на меня? -- закричал Пожар. -- Я видел, как ты смотрел на меня, когда это говорил! С тех пор, как мы сели в «Термит», ты только и делаешь, что критикуешь меня и сомневаешься в моей верности.

-- Я думаю, личная слава интересует тебя больше, чем служение Императору, -- изрек Блонский. -- Такую позицию я считаю опасной.

-- Даже если все так, -- возразил Гавотский, -- это не доказывает вину Пожара.

-- Ты обвиняешь меня, -- резко отреагировал Пожар, -- потому что тебе самому есть что скрывать. Что скажешь, Блонский? Что-то я не видел тебя, когда мутант набросился на меня. Что ты сделал, когда погибал Борщ?

-- Он сражался рядом со мной, -- сказала Анагора. -- И делал то, что от

него требовалось.

--- Да-а? --- недоверчиво протянул Пожар. --- Тогда, возможно, следовало бы пристотреться к тебе. Как ты ухитрилась выжить на Астарот Прил, когда вся твоя рота погибла? Мне все известно о том случае, Анагора. И о тебе самой я порядком наслышан.

--- Сержант Гавотский прав, --- вмешался Стил. --- Никто из нас не может быть вне подозрений.

--- Разве что мы с Грэйлом можем поручиться друг за друга, --- сказал Баррески.

--- Можете? --- спросил Палинев. --- Нет, я ни на что не намекаю... Понятно, ты знаешь, что Грэйл не мог здесь оказаться, но может ли Грэйл то же самое сказать про тебя? Он же не видел тебя, пока выслеживал лутанта.

--- Я знаю Баррески с первых дней службы, --- сказал Грэйл. --- Кроме того, я знаю: самое последнее, что он мог сделать, --- причинить вред своей любимой технике. Помните, он нашел вокс-передатчик.

--- Тогда остается наш товарищ Михалев, --- продолжил Блонский, который пока еще ничего не сказал в свою защиту. --- Он вообще редко высказывает свои мысли вслух, но уж если начнет говорить, расскажет больше, чем надо.

--- Я всегда следовал приказам, --- прошипел Михалев, покраснев.

--- Но не всегда был с ними согласен, не так ли? А теперь скажи мне, Михалев, тебя правда очень волнует то, что Император считает твою жизнь менее ценной, чем жизнь исповедника Волькенгена?

--- Есть еще одна возможность, которую никто из вас не рассматривал, --- сказал Стил. --- Предателем могу быть я. --- Как он и рассчитывал, после его негромких слов наступила гнетущая тишина.

--- Все вы знаете об аугментике в моем мозге, --- продолжал он. --- Скверна Хаоса не затронула мое сердце, но что, если она проникла в мой разум?

Едва придя в себя от потрясения, ледяные гвардейцы принялись уверять

командира, что этого не может быть и
что Император не позволил бы такому
случиться. Но полковник, подняв руку,
приказал им замолчать.

— Я просто высказал предположение, —
произнес он. — Мы не можем быть в этом
уверены. И пока мы этого не знаем, ничего
не добьется, бросаясь друг в друга
обвинениями.

— Полковник прав, — сказал
Гавотский. — Я был рад видеть наш отряд
сплоченным. И мы должны ценить эту
сплоченность. Завтра нам снова в бой, и
как боевые товарищи мы должны доверять
друг другу.

— Как бы то ни было, я предлагаю,
чтобы полковник проверил каждого из нас
на предмет лжесвидетельств, — сказал Блонский.
— И еще: на остаток ночи нужно
поставить одного часового снаружи
корабля и двоих внутри.

Пожар притворялся спящим.

Анакора и Михалев сидели рядом.
Стил согласился с предложением
Блонского усилить охрану. Пожар не

хотел, чтобы они увидели, что он не спит, и нашли бы повод заподозрить, что его мучает совесть. Тыльная сторона его правой руки чесалась, но он не решался ее почесать.

Он не знал, почему сделал это...

Он пробудился от яркого беспокойного сна, точнее, наполовину пробудился. Ему понадобилась целая минута, чтобы понять, где он находится, узнать в спящих людях своих товарищей, увидеть на полу рядом с люком вокс-передатчик, вспомнить...

Он видел во сне, как Стимм связывается по этому передатчику с Имперским флотом. Там ему сказали, что поиск исповедника становится слишком опасным, что за его отрядом вышлют другой челнок и что Крессиду нужно оставить новым хозяевам. Подробности сна Пожар помнил смутно, но помнил, как целая армия культистов и мутантов остиивала ледяных гвардейцев, которые спасались бегством, не выполнив свое задание.

Он действовал инстинктивно: видел,

что Грэйл оставил свой пост и что теперь за ним никто не следит. Все было именно так, как предположил Блонский, — один лазерный выстрел, одно нажатие на спуск. Пожар даже не думал, что звук выстрела услышат остальные. Когда лежащие гвардейцы проснулись, Пожар быстро улегся на одеяло и сделал вид, что тоже едва проснулся, хотя его сердце колотилось в груди и по спине тек холодный пот.

Теперь его правая рука чесалась невыносимо. Он осторожно повернулся, чтобы до нее можно было дотянуться левой. Как и предлагал Блонский, Стул с Гавотским проверили всех на предмет мутаций. Пожар был уверен, что пройдет проверку, и все же испытал огромное облегчение, когда действительно ее прошел. Вердикт заставил его вновь поверить в себя, убедил в том, что хоть он и не мог объяснить своих действий, но поступил правильно. Сделал это ради Императора.

Почесав правую руку, Пожар застыл в ужасе, когда почувствовал на ней что-то

незнакомое и странное, чего не было еще
час назад, -- выросший клок шерсти.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

До уничтожения

Крессиды 23 часа 53

минуты 42 секунды

Первая лавина была небольшой.

Легяные гвардейцы ее ждали. Но все, что они могли сделать, — приготовиться к моменту, когда снег заскользит под их ногами, и надеяться, что вслед за маленькой лавиной не сойдет большая.

Этим утром перед ними встал выбор: идти в крепость Мангеллана, бывший улей Цота, по проторенной дороге, где вероятность встречи с противником была гораздо выше, либо попытаться пройти туда по коварным снежным холмам. Стил поступил не так, как поступает большинство командиров: он вынес вопрос на открытое обсуждение. Все это время солдаты почти не разговаривали между собой, разве что

обмолвились парой фраз.

Обвинения, прозвучавшие прошлой ночью, продолжали довлеть над ними. Даже Палинев, который вел разведку впереди, докладывался гораздо чаще, чем вчера, словно думал, что его длительное отсутствие может возбудить подозрения. Возможно, он был прав. Все следили друг за другом, и Стил вряд ли мог их в этом упрекнуть. Он тоже следил за ними.

Они подождали, пока уляжется снег, и толча отправились в путь.

Когда обогнули холм, на горизонте показались очертания улья. Уйти до него оставалось несколько километров. От открывшегося зрелища у Стила скрутился желудок. Все крыши в городе были покрыты толстым слоем снега, стены — коркой льда. Казалось, это не настоящий город, а его ледяная модель, вырезанная в натуральную величину. Не оставалось сомнений в том, что распространившаяся на Крессиде зараза Хаоса крепко удерживает улей Цота в своих тисках. Город был осквернен ею настолько, что сама мысль о его восстановлении казалась

безнадежной.

Этим утром бойцы отряда Стула сошлись во мнении, что безопаснее противостоять стихии, нежели последователям Мангеллана. Даже Пожар не слишком настаивал на том, чтобы идти к улью по главной дороге, и вообще был какой-то апатичный — то ли из-за событий прошлой ночи, то ли из-за раненой руки. Стул не мог точно сказать.

Полковник уже начинал сомневаться, правильный ли они сделали выбор.

Все его солдаты выросли на Вальхалле, и здешние природные условия были привычны для них. Им казалось, что они знают, какие опасности таят в себе снег и лед, и оставались бдительны в отношении признаков угрозы. А если случится худшее, как, например, на замерзшем озере, они думали, что знают, как минимизировать последствия. Будь это отряд с любой другой планеты, все давнo уже были бы покойниками, но для ледяных гвардейцев Вальхаллы это как утренняя прогулка.

Но, как заметил Гавотский, когда они

проходили сквозь ледник, вода на этой планете тоже заражена скверной Хаоса, и поэтому снег и лед здесь не всегда ведут себя так, как должны.

Вторая лавина оказалась гораздо больше.

В том, что кто-то ее вызвал, Стилленикого из отряда винить не мог. Лавина начала сходить высоко над ними и обрушилась как цунами. Возможно, она была естественным следствием сильного снегопада — недавно выпавший снег просто соскользнул с обледенелой поверхности. Но то, что лавина сошла именно в этот момент, выглядело подозрительно.

Ледяные гвардейцы, за исключением Палинева, рассредоточились по склонам горы, но на всякий случай далеко друг от друга не отходили. Лавина шла прямо на них, и была достаточно широкой, чтобы накрыть всех восьмерых.

Максимальному риску подвергались Баррески и Грэйл, которые находились ближе остальных к центру лавины, где скорость движения снежной массы была

максимальной. Они знали, что от лавины, скорость которой достигала двухсот километров в час, не убежать, и в последние секунды перед тем, как она их настигла, лишь успели рвануть к ее краю.

Гавотскому и Стулу — один из них шел первым, другим — замыкающим, — бежать было почти нигде. Стул бежал изо всех сил, но напрасно. Когда лавина настигла его, полковник повернулся к ней спиной и приготовился к столкновению. Ощущение было такое, словно ковер вытаскивают из-под ног. Некоторое время полковник удерживал равновесие, но вскоре лавина стела его. Стул усиленно греб руками и ногами, словно плыл в снегу. Он знал, что сопротивляться потоку бесполезно, и просто пытался скользить на нем. С обеих сторон мелькали скалистые выступы, и ему оставалось лишь надеяться, что он не врежется во что-то твердое.

Стул сознавал, что где-то рядом с ним лавина несет Блонского, а позади осталась Анагора, которая сумела схватиться за крепкое дерево и держалась

за него из всех сил. Полковник отчаянно пытался не упустить их обоих из виду и знал, что солдаты также стараются следить за своими товарищами с обеих сторон.

Несколько раз лавина накрывала Стила с головой, и он снова возвращался в воспоминаниях к замерзшему озеру. Но теперь он был полон решимости не потерять сознание и не оказаться похороненным заживо. Всякий раз, когда его накрывало, он отчаянно боролся и прикладывал усилия, чтобы вынырнуть на поверхность.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем все закончилось. Оказавшись погребенным под лавиной, Стил едва мог дышать, но все же нашел в себе силы выбраться из-под снега и встать на ноги. Несмотря на то, что его протащило на небольшое расстояние, он заметил, что местность сильно изменилась. Снег, образовавший новые очертания, скрыл старые ориентиры. Закрыв зрячий глаз, полковник стал ориентироваться по внутреннему компасу.

Первой он обнаружил Анакору — на склоне в трехстах метрах выше. Утопая по грудь в снегу, она по-прежнему держалась за дерево. «Она сильнее, чем кажется, — подумал Стил. — И с ней все в порядке».

А вот о Блонском он не мог этого сказать. Тот бесследно исчез. Должно быть, он находился глубоко под снегом. Стил поспешил к тому месту, где видел его в последний раз, и вскоре заметил, как из снега вылезает рука в перчатке и, слабо шевеля пальцами, пытается звать на помощь. К счастью, снег здесь был довольно рыхлый. Стил неторопливо разгреб его и освободил голову Блонского. Спустя минуту он освободил из снега его руку, затем поднялся, зная, что теперь солдат выберется сам.

— Г-Грэйл... — произнес Блонский, хватая ртом воздух и куда-то указывая поднятой рукой. И Стил, к которому присоединилась успевшая освободиться от снежного плена Анакора, пошел откапывать четвертого ледяного гвардейца. К счастью, Грэйл смог

проделать в снегу отверстие для дыхания, иначе задохнулся бы.

Когда лавина обрушилась, Пожар находился в нескольких метрах позади сержанта Гавотского. Но, будучи молодым и быстрым, он легко обогнал сержанта, который был старше его. Оказавшись на самом краю лавины, где было относительно безопасно, он скользил по снегу с непревзойденным мастерством, и, казалось, наслаждался скоростью. Он слишком поздно заметил, что потерял из виду сержанта.

Взбираясь на огромный снежный занос, Пожар звал Гавотского. От одной мысли, что он подвел такого человека, своего наставника и покровителя, ему уже стало не по себе. Рука под перчаткой снова зачесалась, и Пожар мог поклясться, что чувствует, как серая шерсть разрастается по всей руке.

Наконец обнаружив Гавотского, Пожар забеспокоился, что слишком надолго оставил своего сержанта погребенным под снегом. Пожар попытался

откопать его, но из-за раненой руки работа шла медленно. К счастью, подоспел Палинев, который видел лавину издалека и вернулся, чтобы помочь товарищам.

Гавотский не стал расспрашивать Пожара, где он был так долго, ибо считал, что у того своих проблем хватает. Не говоря ни слова, он отправился на помощь следующему ледяному гвардейцу, и теперь они с Палиневым откапывали Михалева. Пожар стоял сзади, боясь им помешать. Он чувствовал себя бесполезным и опозоренным. И впервые подумал, что, возможно, заслуживает того, что с ним происходит, и что шерсть на руке — предупреждение: он служит Императору не с полной самоотдачей и мог бы получше исполнять свой долг. И, конечно, мог бы спасти Борца...

Он поклялся, что с этого момента будет служить еще лучше и усерднее исполнять свой долг. Пойдет одной рукой очищать улей Цота от скверны Хаоса, и если потребует, отдаст свою жизнь.

Вдруг сзади раздался мягкий хруст шагов по снегу. Обернувшись, Пожар увидел

мүтанта, покрытого серой шерстью, но тот сразу исчез из виду. Солдат с улыбкой на лице вознес благодарственную молитву Императору за то, что Он так быстро предоставил ему шанс доказать свою верность.

Его товарищи, продолжавшие освобождать друг друга из снежного плена, ничего не заметили. К тому же что-то остановило Пожара, и он решил не звать их на помощь. Это испытание было для него, а не для них. Он незаметно отполз в сторону, и только когда убедился, что остальные его не видят, стал быстро спускаться по склону холма, с которого сошла лавина.

Возможно, это был тот самый мутант, выследивший ледяных гвардейцев у «Аквины» и в ледяном лесу. Его не смогли убить ни Баррески с Грэйлом, ни даже Стил. А Пожар стожен.

Его противник совершил ошибку. Снег, оставленный лавиной, был глубокий и гладкий, словно только что выпавший, и мутант, пытавшийся скрыться, оставлял на нем четкие следы. На сей раз ему не

йти!

Все ледяные гвардейцы нашлись, кроме одного.

Они собрались на том месте, где Михалев и Грэйл в последний раз видели Баррески. Его накрыло лавиной где-то здесь, в радиусе ста метров от этого места, но предварительный поиск не дал результатов. «Плохо дело», — подумал Стил. Это значило, что солдат был полностью погребен под снегом и уже вряд ли мог дышать.

— Начинайте копать, — приказал он. — Вот отсюда. Пусть каждый исследует квадрат в пять метров. — Его аугментика уже проанализировала, с какой скоростью двигался снег в середине лавины, и соотнесла эту скорость с предполагаемой траекторией движения Баррески и расстоянием от того места, где лавина его накрыла. Это позволило прийти к заключению, что они не могут сузить зону поиска более, чем подсказала интуиция товарищей.

Вдруг Стил уловил прямо под ногами

звук, в котором спустя секунду распознал приглушенный хлопок от осечки огнемета. Он схватил Анакору за воротник шинели и дернул назад — на том месте, где она только что стояла, из-под снега вырвался кипящий гейзер. Остывающая вода фонтаном хлынула на лежащих гвардейцев. Когда ливень прекратился, они подошли и увидели в снегу большую круглую яму, на дне которой находился Баррески.

— Простите, сэр, — еле внятно пробормотал он, обращаясь к Стилу. — Дышать было нечем, я не мог ждать. Знаю, это было рискованно, но...

Он прижимал огнемет к груди.

Всrug все услышали, как на другой стороне холма кто-то палит из лазгана. В тот же момент Стил заметил, что один из его солдат отсутствует.

Пожар бежал, стреляя в удирающего мутанта. Каким бы быстрым ни был этот монстр, Пожар оказался быстрее. Когда первый лазерный выстрел попал в цель, мутант, взревев от боли и повернувшись к Пожару, поднял руки.

Казалось, он пытался сдаться, но Пожар в этом сомневался. В любом случае воин не собирался сохранять ему жизнь.

--- Не то... что ты... думаешь...

Пожара очень удивило, что с ним говорит существо, которое он считал животным во всех смыслах этого слова. Голос мутанта был хриплый и грубый и звучал, как гравий, перекатывавшийся по каменной поверхности. Мутант произносил слова медленно --- будто, человеческая речь стоила ему огромных усилий.

--- Будто я не вижу, кто ты такой, --- сплюнув, ответил Пожар и снова выстрелил.

Следующие два выстрела прошли мимо цели. Он еще не привык стрелять левой рукой, и это дало мутанту шанс. Видя, что обмануть вальхалльца ему не удастся, мутант решил взяться за старое --- по крайней мере, так показалось Пожару.

Монстр присел на корточки, растопырил когти, и Пожар, соскользнув с сугроба, приготовился к схватке. Когда мутант метнулся к нему и был уже

достаточно близко, Пожар смог прицелиться и сделать два лазерных выстрела. Шкура мутанта задымилась, и на груди остались зиять две кровавые раны. Монстр рванул к Пожару, пытаясь вцепиться когтями в горло, но на сей раз вальхаллец не позволил твари повалить себя. Заняв оборонительную позицию, он устоял на ногах и нырнул его в брюхо штыком.

--- Слушай... --- прохрипела тварь, отводя лазган Пожара в сторону. --- Я... пытаюсь... поточь. Я знаю, где исповедник... Исповедник Воллькенген! Могу... провести вас...

Зловонное дыхание мутанта, ударившее Пожару в лицо, заставило вальхалльца отшатнуться и выронить лазган. Пожара охватила паника: он подумал, что недостаточно силен, чтобы пройти это испытание.

--- Думаешь, я тебе поверю? --- кричал он. --- Ведь ты --- грязный вонючий мутант, и я не хочу тебя слушать, не хочу быть оскверненным. Нет!

Откуда-то у него взялись силы

отшвырнуть врага, и он бросился
собирать лежавший на снегу лазган.
Мутант тоже прыгнул за лазганом, но
Пожар оказался проворнее. Он схватил
оружие, перекатился на спину и открыл
огонь. Лазерные выстрелы попадали
мутанту в грудь и живот, расширяя рану
от штыка.

Мутант потерял слишком много
крови. Он не мог выжить после таких ран,
и тем не менее еще сражался. Сверкая
красными глазами, монстр с яростным
ревом бросился на Пожара, и солдат понял,
что на этот раз не сможет отразить
атаку. Он знал, что тварь убьет его, но
это уже ничего не значило, поскольку
Пожар почти прикончил его. Теперь и
самому можно умереть с чистой совестью.
Мутант повалил вальхалльца, прижал его
здоровую руку к земле и выпустил когти,
собираясь разорвать горло. Но замешкался,
огонь в его глазах потух, и когда он снова
заговорил, слова звучали более четко.

--- Несколько месяцев назад, ---
печально сказал мутант, --- я бы тоже
пытался убить такое существо.

— Не смей так говорить! — прошипел Пожар. — Не смей говорить, что у тебя есть что-то общее со мной! Чего ты ждешь? Мне не нужна твоя... жалость. Убей меня!

Но мутант рухнул прямо на него и умер. Издав вопль разочарования, Пожар принялся сталкивать с себя труп, и когда наконец выбрался из-под него, сразу встал на ноги, схватил лазган и стал гробить прикладом его кости.

Полностью лишившись сил, Пожар остановился. Заглянув в красные глаза мутанта, в которых, как казалось, и сейчас присутствовал обвиняющий взгляд, Пожар почувствовал, что зуд усиливается и распространяется на всю правую руку. Правый рукав задрался, и Пожара чуть не стошнило, когда он увидел, как из-под отогнутой перчатки вылезает серая шерсть. Он быстро поправил перчатку и спрятал руку в повязку. Молодой воин едва не расплакался. Разве он не сделал того, что от него хотел Император? Он не виноват в том, что мутант прекратил сражаться и не убил его. Пожар ждал

искупления, но вместо этого чувствовал
пустоту.

Здесь и застали его чуть позже Стил
и остальные: Пожар стоял, приковав свой
взгляд к мертвому мутанту, и не мог
найти ответ на мучивший его
нелогичный вопрос: «Это мое будущее?»

Хотя улей Уота был несколько
меньше улья Альфа, сошедшие с холмов
ледяные гвардейцы выглядели карликами
на фоне отбрасываемой им тени.
Гигантские размеры улья ввели Михалева
в заблуждение, и ему показалось, что
отряд подошел к улью гораздо ближе, чем
на самом деле. Но чем ближе они
подходили, тем больше и дальше казался
улей. Даже отсюда ощущалось зловоние
фиолетовой плесени, покрывавшей его
обледенелые поверхности.

Казалось, улей давно покинули,
оставили на произвол судьбы. «Если бы это
было так», — подумал Михалев.

В базальтовой внешней стене улья
они заметили брешь. Но когда Палинев
разглядел в полевой бинокль что-то

силуэты среди развалин, Стил приказал отряду обойти ее.

Наконец улей перестал увеличиваться в размерах, и все поле зрения Михалева заполнила огромная стена. Легяные гвардейцы затаились возле нее, стараясь не соприкасаться со злобонным льдом, и Стил повел отряд вдоль ее гладкой черной поверхности. Скоро Михалеву стало ясно, что им прежде всего нужно найти брешь в стене.

Спустя некоторое время полковник жестом приказал всем соблюдать тишину. Как он сказал, они приближаются к цели, хотя Михалев пока еще ничего не видел. Вероятно, аугментика Стила потогла ему рассчитать расстояние до пробойны в стене.

--- Мы не знаем, сколько у них часовых на посту, --- сказал полковник, --- но, как обычно, чтобы поднять тревогу, хватит и одного.

--- К счастью, мы еще можем использовать фактор внезапности, --- заметил Гавотский. --- Если бы кто-то нас заметил, уверен, мы бы уже знали об этом.

--- Мы находимся глубоко в тылу противника, --- сказал Блонский. --- Здесь их часовые могут позволить себе расслабиться и не проявлять особую бдительность. Да и все мы знаем, что слугам Хаоса не хватает самодисциплины.

Кто-то из солдат выразил свое согласие, чуть позже к ним присоединился Михалев. После того, что Блонский говорил о нем прошлой ночью, после множества подозрительных взглядов со стороны других солдат Михалев подумал, что было бы разумно проявлять больше энтузиазма.

--- Что нам сейчас нужно, --- сказал Гавотский, --- так это послать вперед пару солдат, провести разведку и постараться снять часовых, пока они нас не заметили. Пойдут Палинев и еще один.

--- Я могу пойти! --- воскликнул Пожарский, видя, как недоверчиво смотрит на него Гавотский, добавил: --- Это будет разумно, сержант. После Палинева я --- самый легкий. Знаю, что вы думаете, что мне помешает повязка, но я к ней уже привык.

Одной левой рукой трудно стрелять, но
орудовать ножом я могу. Давайте покажу!

По выражению лица Пожара было
видно, что он почти отчаялся и буквально
утолял взять его в разведку. Гавотский
долго оценивающе смотрел на Пожара,
затем, прежде чем принять решение,
переглянулся со Стилом и коротко кивнул,
давая согласие.

Мухалев подумал, что сержант
делает ошибку. Пожар был слишком
нетерпелив для такой работы. Он и
добровольцем вызвался потому, что рвался
в бой. Гавотский не впервые проявлял
снисхождение к молодому солдату.
Последнее, что Мухалев мог себе
позволить сейчас, — усомниться в выборе
сержанта.

В данном случае его пессимизм
оказался беспочвенным. Не прошло и
нескольких минут с тех пор, как Палинев с
Пожаром проскользнули в пробоину, а
Пожар уже вернулся с улыбкой до ушей и
сложил, что четверо еретиков,
охранявших проход, уложены. Стил отдал
отряду приказ двигаться вперед. Вскоре

перед ними появился пролом в черной стене, и они принялись перелезать через развалины.

Там действительно было четыре трупа в черных одеждах. Похоже, культисты резались в карты, когда Палинев и Пожаром на них набросились. Двум еретикам они перерезали глотки. Третий сопротивлялся, и ему сломали шею. Четвертый попытался бежать, но был убит ножом, брошенным в спину.

— Надо спрятать трупы, — сказала Анакора. — Пусть проходящий мимо думает, что часовые дезертировали со своего поста.

Наконец они оказались внутри улья Мангеллана.

И Михалев трачно отметил, что это место куда опаснее, чем он думал.

ГЛАВА

ОДИННАДЦАТАЯ

До уничтожения

Крессиды 20 часов 32

минуты 13 секунд

Казалось, что снару́жи у́лей Альфа не пострадал. Внутри же все было иначе — не осталось почти ни одного строения без следов отгревевшей войны: мосты взорваны, смотровые площадки разрушены, резервуары для воды уничтожены. В кабине лежавшей вверх дном обгоревшей «Хитеры» гнили тела двух стрелков и водителя. Трупы были повсюду: куски человеческих тел устилали улицы и торчали из-под обломков рухнувших зданий. Кое-где встречались остатки баррикад, построенных из подручных средств.

Естественный свет не проникал глубоко в улей, а электрический горел не

безде и с переборами, оставляя между фонарями большие темные пространства. Грэйл вел машину по узким улицам, некогда заполненным людьми. Теперь улицы опустели, поскольку большинство людей погибли, а выжившие присоединились к еретикам и ушли с ними в новый кровавый бой.

Даже сейчас в улье был слышен шум двигателей боевых машин и работающих механизмов. Иногда раздавались и человеческие голоса — безумный смех или душераздирающие крики.

Все это являло собой скорбное зрелище, особенно для солдат, которые еще вчера защищали такой же улей. Разница была лишь в том, что стены улья Альфа разрушены вторжением снаружи, а стены улья Цота уцелели, потому что его постигла гораздо худшая участь — атака изнутри.

Когда Грэйл попытался завести двигатель найденного грузовика, тот взревел, как раненый зверь. Отраженный от стен и потолка неестественный звук был настолько громким, что все чуть не

попадали с мест. Гавотский выдал Грэйлу
рванный черный плащ, снятый с мертвого
культиста, и точно таким же снабдил
Баррески, севшего в кабину грузовика
рядом с Грэйлом. Никто не хотел даже
прикасаться к одежде еретиков, не говоря
уже о том, чтобы ее надевать, но
пришлось.

--- Культист, которого я допрашивал,
говорил о Ледяном дворце, --- сказал Стил, ---
--- цитадели вождя хаоситов. Где этот
дворец находится, он не сказал, но понятно
то, что это должно быть самое
защищенное здание в городе. А это значит,
что оно находится в центре и, вероятно,
на одном из верхних уровней улья. Прежде
чем враг узнает о нашем прибытии, мы
должны продвинуться к центру и как
можно ближе подойти к цели.

Враги на пути пока не попадались,
лишь в переулках изредка мелькали чьи-то
силуэты, и однажды увидели тина в
черном плаще, который свалился в
водосточную канаву, что-то напевая себе
под нос. Но когда грузовик в очередной раз
свернул за угол, там оказалось порядка

двух десятков культистов.

Похоже, они устроили пирюшку на развалинах — кругом валялись пустые бутылки. Сейчас кутеж утих, и большинство его участников лежали пьяные, но, заметив новоприбывших, сразу очухались. Приняв вальхалльцев за своих товарищей, приехавших праздновать победу, пьяные культисты встретились с ним с радостными воплями, окружили грузовик, стали его раскачивать и стучать по бортам.

С трудом преодолевая естественное отвращение к еретикам, Грэйл заставил себя изобразить улыбку и показал через окно поднятый большой палец. Сидевший рядом с ним Баррески тоже попытался изобразить приветственный жест, но заставить себя улыбнуться не смог. Впрочем, культисты были настолько пьяны, что вряд ли это заметили. Однако если они заберутся в кузов грузовика и увидят отряд вальхалльских ледяных гвардейцев, начнутся проблемы.

Следовало поскорее выбираться отсюда, но впереди тоже было полно

культистов, и Грэйл понимал, что ему придется либо еле ползти, преодолевая невероятное искушение кого-нибудь раздавить, либо именно это и сделать. Все же Грэйл сумел, сохраняя хладнокровие, аккуратно проехать сквозь толпу.

Спустя мгновение Баррески крикнул, вскакивая с сидения:

--- Стой! Останови здесь!

Не понимая, что случилось, водитель резко нажал на тормоз.

Баррески выскочил из кабины и подбежал к трупу офицера Имперской Гвардии. Грэйл, увидев эту картину, чуть не расстелся от облегчения. Опасности не было, просто его товарищ-танкист заметил ценное снаряжение, которое можно было снять с мертвеца, и не смог проехать мимо. Баррески снял металлическую перчатку с руки мертвого гвардейца и, сияя от счастья, возвращался со своей добычей в кабину.

--- Классная перчатка, --- сказал Грэйл. --- Для чего она?

--- Силовой кулак, будто не знаешь, ---

ответил Баррески, слегка удивленный вопросом товарища. -- Надеваешь его на руку, он создает силовое поле, и ты бьешь с силой десяти человек. Вроде не поврежден, разве что обшивка слегка обгорела. Никогда не приходилось пользоваться такой штукой, но я видел, как она действует в бою. Уверен, разберусь, как включить.

-- Включить? -- удивился Грэйл. -- Да ты ее еле поднял!

-- Когда эта штука включена, -- сказал Баррески, -- она сама себя поднимает.

В этот момент раздался стук по задней стенке кабины: полковник напотинал, что время не ждет. Грэйл снова нажал на газ, и вскоре они выехали на улицы, относительно незатронутые боевыми действиями. Ехать здесь было немого легче, и укрытий больше. Вокруг располагались дома обитателей нижних уровней улья. Ряды крошечных окон тянулись до самых крыш.

За пару часов им удалось проехать довольно большое расстояние, но потом,

как и следовало ожидать, культистов на
мүти стало больше. Чем глубже они
забирались, тем больше врагов попадалось,
как ни старался Грэйл их объезжать.
Казалось, все передвижения противника
сосредоточились вокруг большого черного
здания. Очевидно, это был мануфактурм,
и, судя по дыму из его огромных труб, он
работал.

Сделав полный разворот, Грэйл повел
грузовик обратно, в темный жилой сектор.
Он остановил машину в тени, куда не
доходил свет фонарей, и когда Баррески
поинтересовался, в чем дело, объяснил:

--- Там полно еретиков. Кто-нибудь из
них обязательно нас заметит и начнет
задавать вопросы.

Грэйл хотел посоветоваться с
полковником Стилом и попросить
разрешения покинуть грузовик. Он очень
удивился, когда увидел, что его товарищи
начали высаживаться из кузова.

--- Думаю, ты прав, Грэйл, --- сказал
Стил. И тут Грэйл понял, что благодаря
аугментике полковник прекрасно знал, что
происходит снаружи, и наверняка слышал

каждое слово водителя. — Слишком рискованно ехать через толпу. Пора двигаться наверх.

Палинев первым нашел лифт.

Следуя приказам Гавотского, ледяные гвардейцы разошлись искать пути, ведущие к верхним уровням улья. Палинев крадся вдоль темной улицы, пока не обнаружил, что приблизился на слишком опасное расстояние к мануфактурному, о котором говорил Грэйл. Он видел, что на освещенной территории толпятся культисты, и старался держаться вплотную к стене, чтобы они его не заметили. Перед ним была лестница. Палинев осторожно поднялся по ней и с разочарованием обнаружил, что она ведет лишь на высокий мост. Он решил разведать путь дальше, но вдруг его внимание переключилось на то, что происходило прямо под ним.

У мануфактурма не было крыши. Похоже, ее отсутствие не являлось результатом военных действий, потому что все шесть стен остались целы.

Видимо, это здание было так задумано с самого начала. Внутри него Палинев увидел огромный круглый бак, наполненный чем-то, напоминавшим жидкий огонь. Над ним свисали толстые цепи, закрепленные на полиспастах. Многие из них спускались прямо к баку, вокруг которого с громкими возгласами и песнями бегали сотни культистов. Кое-кто из них работал с рычагами серых приземистых механизмов, нажимая на них в какой-то загадочной последовательности.

От жара огня у Палинева пересохло в горле — и не только от этого.

Военная машина Хаоса работала, производя, как и некогда Империям, железо из богатой руды Крессиды. Теперь хаоситы, используя свои грязные технологии, делали из этого железа оружие, броню и боевую технику. Крессиданала, и ее захватчики вооружались для новых завоеваний.

Двери лифта оказались за углом узкого коридора, вдали от вражьих глаз. Нажав на светящуюся руну вызова, Палинев бросился в укрытие. Послышался лязг и

скрежет механизмов кабины, которая поднималась с самого нижнего уровня подполья. Лифт был пуст и, как выяснилось, работал. Палинев, осторожно перейдя по лестнице, направился обратно, чтобы сообщить о находке.

Через несколько минут девять молодых гвардейцев набились в тесную кабину лифта, и Стил нажал одну из самых верхних кнопок на стене.

Путь вверх, казалось, занял целую вечность. Кнопки на стене последовательно загорались, отмечая каждый из ста сорока уровней подполья. Палинев, как и все остальные, был начеку, опасаясь, что, если кто-то услышит шум поднимающегося лифта, сможет его остановить, и солдаты, находящиеся в кабине, станут легкой добычей.

У него дрогнуло сердце, когда лифт вдруг остановился, но двери не открылись, и в кабине раздался негромкий, но настойчивый звуковой сигнал.

Гавотский вздохнул.

--- Этого я и боялся. Без кода невозможно подняться выше. Это сделано,

чтобы жители подполья не попадали на верхние уровни.

— Дайте-ка, я посмотрю, — сказал Баррески. Он достал нож, вставил лезвие в вертикальный шов рядом с рунатами и со знанием дела отколупнул из панели в стене. За ней обнаружилось переплетение множества проводов. Палинев затаял дыхание, когда его товарищ бесцеремонно запустил в них руки.

Не обращая внимания на искры и треск, которыми машинные духи выражали свое недовольство, Баррески оборвал несколько проводов, звуковой сигнал прекратился, и лифт снова поехал наверх.

— Маленький фокус, которому я научился в детстве, — с ухмылкой произнес Баррески.

Наконец они достигли своей цели. Двери с грохотом открылись, и девять солдат вышли на широкую пустую улицу.

Контраст с нижними уровнями был огромный. Хотя вокруг по-прежнему стояли здания, здесь их разделяли широкие аллеи и площади. Через прозрачные панели

В крыше улья, находившейся на десять
уровней выше, сюда проникал солнечный
свет. Внизу архитектура была строго
утилитарной, а здесь имелись статуи,
резные колонны, фонтаны и гаргульи.
Административные здания отличались
гербом в виде орла над входом. Увидел
Баррески и жилые дома с широкими
окнами и балконами.

Хаос везде оставил свои следы.
Многие стены были осквернены
нечестивыми знаками, большинство
помещений разграблены, некоторые
сгорели. И очень холодный воздух, гораздо
холоднее, чем внизу, — почти как снаружи.

Стил обнаружил и еще кое-что —
инфопанель с белым прямоугольным
корпусом на вращающейся подставке.
Полковник позвал к себе Баррески, и
тот подтвердил, что это общественный
терминал. Его интерфейс был
максимально доступен. Встроенные руны
читались легко. Вскоре Баррески вывел на
экран инфопанели план улья и показал
Стилу, как получить подробный план
каждого уровня и сектора. Потом он с

восхищением наблюдал, как полковник быстро просматривает карту за картой, казалось, даже не прочитывая названия, но Баррески был уверен, что все подробности каждой карты оставались в аугментической памяти Стила.

--- Костюпорт, --- пробормотал Стил, задержавшись на секунду у карты. --- Полезная информация. Значит, мы сможем выбратья отсюда, если повезет.

--- И ни одного упоминания о Ледяном дворце, сэр? --- спросил Баррески.

--- Я и не ожидал найти его на картах. Думаю, Ледяной дворец появился в городе недавно, Мангеллан построил его для себя.

Гавотский предложил послать кого-нибудь на разведку на крышу одного из самых высоких зданий.

--- Мы уже близко к центру, --- сказал он. --- Если дворец здесь, на этом уровне, он должен быть виден. Если нет, --- очевидно, мы зря тратим время.

Разумеется, первым вызвался идти на разведку Палинев. И все удивились, когда Стил послал вместо него Грэйла.

--- Поднитайся наверх, --- приказал он, ---
быстро осмотри местность и бегом вниз.
На тебе до сих пор плащ культиста, так
что если еретики тебя заметят,
возможно, прилут за своего. Но я бы на это
не слишком рассчитывал.

Грэйл скрылся в жилом здании и через
несколько минут вышел на один из верхних
балконов. Обнаружив крюки в кирпичной
кладке, он, цепляясь за них, стал
карабкаться по стене на крышу. Лишь
тогда Баррески понял, почему задание
поручили его товарищу-танкисту: из всех
бойцов только у Грэйла есть железное
алиби непричастности к уничтожению
вокс-передатчика, и обеспечил его он,
Баррески. Таким образом, Грэйл был
единственным, кому Стил мог позволить
так далеко уйти от отряда в одиночку.

Через несколько минут Грэйл
вернулся, покрасневший и запыхавшийся.

--- Ледяной дворец на этом уровне, ---
сложил он. --- Он на всех уровнях, которые
выше. Фундамент находится на пару
уровней ниже, а сам дворец уходит далеко
вверх. Будто живой, словно его не

построили, а он... сам вырос.

--- Как те деревья в лесу, --- сказал Михалев.

--- Да, как они, --- подтвердил Грэйл. --- Дворец огромный, площадью не меньше километра, и все пространство вокруг в развалинах, будто он пробивался вверх, разрушая все на своем пути. Я видел огромные ледяные мосты, ведущие к нему с улиц.

--- И далеко он? --- спросил Стил.

--- Трудно сказать, учитывая его размеры, --- ответил Грэйл. --- Наверное, пешком часа три-четыре. Но на улицах кругом патрули гвардейцев-предателей, и тут заполонен весь путь к дворцу. Думаю, ехать туда на машине опасно.

--- Мангеллан хорошо себя защитил, --- сказал Стил. --- Меньшего я и не ждал. Шум мотора непременно услышат, и вряд ли кого обманут одеяния культистов.

Это было приятной новостью для Баррески, у которого от соприкосновения с воротником культистского плаща сильно чесалась шея. Он немедленно сбросил его с плеч, скоткал и швырнул в ближайшую

канаву.

— Следует принять как факт, — сказал Гавотский, — что так далеко проникнуть в тыл противника нам помогла скрытность и маскировка. Когда мы отправлялись на задание, думаю, все знали, что наши шансы на выживание невелики. А когда мы узнали, что Воллькенгена доставили сюда, в улей Цота... задание превратилось в настоящее самоубийство. Сегодня многие из нас погибли, но помните: если хотя бы один сделает невозможное и спасет исповедника, это будет победа, которую восславят в веках. Мы сохраним память о Вальхалльском триста девятнадцатом на тысячелетия. Думаю, за это стоит сражаться.

Они услышали, как приближается первый патруль.

Вальхалльцы укрылись в галерее огромного либрариума, присев за колоннами, пока по прилежавшей к ней площади маршировал взвод гвардейцев-предателей. Ледяные гвардейцы наблюдали

за нити, а Блонский в это время приставивал за своими товарищами. Он думал, не настал ли момент, когда тайный предатель среди них проявит себя и выдаст их врагу? Или, возможно, потеряет самообладание от страха и убежит?

Когда взвод предателей прошел мимо, лежаные гвардейцы вздохнули с облегчением и двинулись дальше — все, кроме Пожара, который, как всегда, рвался в бой.

Блонскому казалось, что, вопреки всякой логике, чем глубже они заходили в улей, тем холоднее становилось. Это был долгий и тяжелый день, но Стил продолжал уверенно шагать вперед, Гавотский уже начал слабеть, хотя из всех сил старался не показывать этого.

Наконец это случилось — момент, которого они все боялись.

Стил, услышав, увидев или почувствовав неладное, бросился к Палиневу и буквально за секунду до того, как все услышали треск лагана, отшвырнул разведчика в сторону с того

места, куда попал выстрел. Снайпер, должно быть, прятался на крыше в близости, но Блонский не успел его обнаружить. Стилл бросился бежать, крича солдатам, чтобы они следовали за ним. Вскоре по улице ударили, словно молнии, еще два лазерных выстрела, но вальхалльцы успели свернуть за угол и скрыться из поля зрения снайпера.

--- Мы не можем оставить это просто так, --- возмущался Пожар. --- Не позволим безнаказанно стрелять по солдатам Императора! Мы должны...

--- Мы не можем убивать здесь каждого еретика, как бы нам ни хотелось, --- решительно прервал его Гавотский, --- а должны сосредоточиться на том, чтобы добраться до Ледяного дворца. Это значит, надо убираться отсюда, пока снайпер не вызвал подкрепление.

Они перебежали еще одну площадь, прошли через богато украшенную арку и направились дальше по широкой улице. Стилл шел впереди, но вдруг его что-то остановило, и он, прислушавшись на

секунду, повел отряд в другом направлении. Они обогнули с угла ретрансляционную станцию генератора, и теперь уже Блонский услышал топот шагов впереди, заставивший вальхалльцев снова сменить направление.

Они подошли к широкой лестнице, ведущей на другой уровень улья, но появившиеся впереди четверо гвардейцев-предателей сразу открыли огонь. Легкие гвардейцы скрылись в лабиринте переулков, пробежав столько поворотов, что Блонский окончательно потерял чувство направления. Тут Стил снова остановился, прислушался, крикнул: «Сюда!» и повел своих солдат через зияющий вход в жилой блок. В этот момент Блонский услышал направленный вой ранцевого двигателя и заметил, как сзади мелькнула серая тень.

Он чуть не вздрогнул. За ними кто-то... или что-то охотилось с прыжковыми ранцем. Все понимали, что ни один имперский гвардеец, неважно, предатель он или нет, не способен носить на себе такую тяжесть.

Они бежали по коридору, покрытому ковром. С обеих сторон двери в некогда роскошные комнаты были выломаны, а мебель превращена в груды обломков, среди которых валялись тела убитых «Имперские граждане, — подумал Блонский. — Они прятались в своих домах, когда начались бои, и в них же погибли. Подлые трусы — все до одного! Они получили то, что заслужили».

Воины снова вышли на улицу, и теперь топот шагов неся отовсюду.

— Они везде! — вздохнула Анагора.

— Не совсем, — сказал Стил. — Мы имеем дело с одним взводом предателей. Возможно, это человек сорок, максимум пятьдесят, но они знают местность и куда мы направляемся. Поэтому отрезали нам путь к Ледяному дворцу и следуют позади, чтобы не дать нам пойти в обход.

— Тогда мы пройдем по их трунам! — воскликнул Пожар.

Стил вздохнул и кивнул, посмотрев на него.

— Дворец в том направлении, — указал он. — Только не забывайте, что

наша цель — добраться до дворца и спасти
исповедника Воллькенгена. А это значит,
что если нам не удастся убить всех
еретиков, пусть будет так. Об этом
вместо нас позаботятся вирусные бомбы.

— Да, сэр, — хором ответили ледяные
гвардейцы.

— Мы ударим по врагу жестко и
быстро, — сказал Гавотский. — Прорвется
сквозь его оцепление и пойдет дальше, не
останавливаясь ни на секунду.

— Товарищи, — сказал Стил, —
приготовьтесь к самому важному бою в
вашей жизни.

Блонский стоял достаточно близко к
Пожару, чтобы услышать, как молодой
солдат прошептал: «Чертовски вовремя!»

ГЛАВА

ДВЕНАДЦАТАЯ

До уничтожения

Крессиды 17 часов 12

минут 41 секунда

Они захватили врага врасплох.

Предатели, вероятно, ждали, что легяные гвардейцы попытаются скрыться или занять оборону, найдя для этого какое-нибудь прочное здание, и тогда их жизни обошлись бы врагу дороже. Но никто не думал, что вальхалльцы атакуют сами.

Кто-то из предателей даже не успел глазом моргнуть, как был сражен первой очередью лазерных выстрелов. Другие развернулись и побежали прочь. Анакора этому ничуть не удивилась: разве стали бы бывшие гвардейцы предателями, будь у них достаточно храбрости?

Остальные враги оживились и начали отстреливаться, одновременно пытаясь

найти укрытие. Осколочная граната, брошенная Стилом, разорвала на куски еще двоих, оставшиеся в панике расступились. Едва успели разлететься осколки от взрыва, как ледяные гвардейцы ринулись в атаку. Они знали, что этим подставляют себя под огонь противника, но в то же время понимали, что оставаться на месте подобно смерти от рук предателей, идущих за ними по пятам и сжимающих кольцо.

Ледяные гвардейцы не теряли самообладания. Они пробивались сквозь ряды противника, полагаясь на скорость и внезапность. А еще на огонь лазганов, которыми они отстреливались с обеих сторон. Перешагивая через трупы предателей, Анакора вдруг увидела, что один из них жив, и тут же почувствовала, как рука в перчатке схватила ее за ногу. Она споткнулась и, вытянув руки, чтобы сохранить равновесие, ударила по руке еретика другой ногой. К счастью, враг был ранен и терял силы. Застонав от удара, он отпустил ее.

Анакора увидела, как Палинев

остановился и повернулся в ее сторону, готовясь прийти на помощь. Она решительно встряхнула головой, показывая, что не нуждается в ней и не хочет, чтобы он рисковал из-за нее жизнью. Именно этого она боялась после того, как Пожар открыл ее секрет остальным, — ее волновало не столько то, что другие подозревают ее в предательстве, сколько то, что ее считают слабой.

Палинев, казалось, понял намек и, остановившись на секунду, чтобы выхватить лазган из рук мертвого предателя, побежал дальше. Анакора догадалась, что ему нужен источник энергоснабжения, и решила последовать его примеру — подобрать пару лазганов с трупов врагов, прежде чем догонять товарищей. Вынув из одного аккумулятор, Анакора бросила его Пожару, который, похоже, нуждался в нем больше, чем другие.

И тут их накрыла вторая волна предателей: враги атаковали вальхалльцев с обеих сторон, захватив в

клещи. Пожар отреагировал первым: он
ворвался в ряды предателей с левого
фланга, бешено размахивая лазганом,
который держал в одной руке, и за ним
последовали почти все остальные бойцы.
Анакора, оказавшись в гуще рукопашного
боя, встала спиной к спине с Михалевым, и
они вместе били врагов ножами,
штыками, даже кулаками. Но врагов с
каждой секундой прибавлялось, и вскоре они
почти задавили вальхалльцев своей
численностью.

Из всех воинов только Палинев не
бросился в атаку. Не дожидаясь, когда
новоприбывшие предатели заметят его, он
скользнул в темный коридор, поднял свой
снайперский лазган и старательно
выбирал цели, пока восемь его товарищей
сражались с более чем двумя десятками
гвардейцев-предателей. Ледяные гвардейцы
действовали сплоченной группой,
распределившись так, чтобы каждого за
раз могли атаковать не более чем двое
предателей. Еретики толкались и
метали друг друга; стреляя в ледяных

зваргейцев, они иногда попадали в своих.
Палинев в этом не участвовал.

Один предатель сильно ударил
Гавотского в подбородок. Сержант
пошатнулся, но выстрел Палинева пробил
еретикү голову, прежде чем тот успел
воспользоваться своим преимуществом.
Враги даже не успели понять, что в них
кто-то стреляет из укрытия, как Палинев
сразил выстрелом еще одного предателя
на периферии боя, а потом еще двоих,
пытавшихся в замешательстве найти
невидимого снайпера. Наконец еретики
обнаружили, где он скрывается, и открыли
огонь по коридору. От попадания лазерных
лучей над головой Палинева посыпались
осколки каменной кладки, но он, по крайней
мере, знал, что четверо или пятеро
предателей теперь отвлечены от боя с
товарищами.

Он толкнул плечом находившуюся
рядом дверь и проскользнул в другой жилой
комплекс. В этот момент в коридор, где
он был секунду назад, влетела осколочная
граната. Взрывная волна сорвала с петель
дверь и прокатилась по коридору, едва не

сбив Палинева с ног. Леганой гвардеец, установившись у окна, занял новую позицию, уложил несколькими выстрелами еще одного предателя и, не ожидая, пока противник прижмет его огнем, бросился к другому окну.

Из другого окна Палинев увидел, что ряды врагов поредели. Их превосходство уже не было подавляющим. Некоторые еретики оторвались от противника, решив, что выгоднее вести обстрел из лазганов с отдаленной позиции.

Баррески бросился сразу на двоих. Они направили на него свои штыки, но танкист, включив силовой кулак на правой руке, одним точным ударом выбил оружие сразу у обоих. Следующий удар силовым кулаком пришелся предателю в живот, и тот рухнул, корчась от боли и кашляя кровью. Второй вцепился в Баррески и стал срывать с него силовой кулак, но вальхаллец схватил врага за бронежилет и небрежно швырнул его через плечо. Предатель, неуклюже растопырив конечности, описал дугу и с грохотом врезался в стену.

Пожара, порядком отстававшего от остальных, — из-за раненой руки он не успел вовремя поднять лезвие — два предателя прижали спиной к балконным перилам, угрожая сбросить с высоты десяти этажей. Палинев открыл по ним огонь и уткнулся сразить одного наповал, упав между лопаток.

У Палинева сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда он увидел, что Пожар опрокинулся через перила, прихватив с собой оставшегося предателя. Палинев выскочил из окна и побежал по улице, боясь не успеть. Он знал, что здесь укрыться негде, но понимал, что остальные товарищи слишком заняты боем с предателями, и он — единственная надежда Пожара.

Его внезапное появление застало еретиков врасплох. Они, как и товарищи Палинева, были слишком заняты боем. Добежав до балкона, Палинев увидел, что Пожар ухватился здоровой рукой за перекладину, а предатель все еще висит у него на поясе и пытается стащить его вниз.

Палинев понимал, что стрелять рискованно, и все же аккуратно прицелился, стараясь не вспотеть от жара, какой опасности подвергается сам. Лазерный луч поразил гвардейца-предателя в лицо, тот отпустил пояс Пожара и с истошным воплем полетел вниз.

Обернувшись, Палинев увидел, как один из врагов двинулся на него с ножом. Ледяной гвардеец успел шагнуть в сторону и перебросил противника через плечо. Предатель полетел с балкона туда же, куда только что свалился его приятель.

Гавотский долгое время не имел понятия, где находится. Кроме полковника Стила рядом слева и Блонского справа, других товарищей он не видел, сколько перед ним гвардейцев-предателей не считал и даже не думал, как отсюда выбраться.

Все, что он мог делать, — это продолжать сражаться: размахивая плазганом и орудуя штыком, уворачиваться от направленных в него ударов. Гавотский

всегда гордился тем, что несмотря на свой возраст оставался почти таким же сильным, каким был в молодости, и участь врагов, попадавших под его удары, подтверждала это наилучшим образом. Поверженные предатели падали один за другим, пополняя груды трупов, скопившуюся возле ног вальхалльца. Остальным врагам становилось все труднее добраться до него.

И вдруг, к его удивлению, не осталось никого. Остановившись вокруг, Гавотский понял, что они это сделали — ледяные гвардейцы прорвались через оцепление, и хотя позади, несомненно, оставалось еще очень много врагов, путь вперед на данный момент был расчищен. Гавотский приказал остальным следовать за ним.

Они снова бежали по улицам, и Гавотский снова чувствовал надежду, зная, что каждый шаг приближает их к цели. Он знал, что путь недолго будет оставаться свободным. Но это закончилось быстрее, чем хотелось надеяться.

Стул, снова первым услышавший приближение солдат противника,

попытался провести отряд в обход. Но на сей раз возможности обхода были ограничены, поскольку остатки первого взвода гвардейцев-предателей продолжали их преследовать.

Воины оказались перед цензориумом, и Гавотский был разочарован, когда Стиллвел вальхалльцев прямо в здание. Они перелезали через опрокинутые шкафы, поднимая ногами пенел, в который превратились сотни тысяч имперских документов. Некоторые ледяные гвардейцы заняли снайперские позиции у разбитых окон первого этажа, а Палиневу с Блонским Гавотский приказал подняться этажом выше и найти более выгодную позицию.

Снова выглянув на улицу, Гавотский увидел, что на нее с обоих концов вышли два отряда гвардейцев-предателей. И снова Стиллвел, благодаря своим аугментическим чувствам, спас ледяных гвардейцев, вовремя предупредив их, что они окружены.

До предателей не сразу дошло, куда скрылись те, за кем они охотились. И к тому времени, когда еретики разобрались

в ситуации, больше половины из них были мертвы. Высунувшись из окна, Гавотский выпускал заряд за зарядом в разбегающихся предателей и, видя, как падает запертый очередной сраженный им враг, каждый раз испытывал кратковременное чувство облегчения. Но этого было недостаточно, чтобы заглушить мучительное чувство разочарования.

Последнее, чего хотели ледяные гвардейцы, — это оказаться в осаде. Последнее, что они могли себе позволить, — это попасть в ловушку.

Гавотский заметил предателя с осколочной гранатой в руке и выстрелил в него, прежде чем тот успел ее метнуть. Вслед за его выстрелом раздалась еще два из окон снизу. Через секунду еще один еретик попытался проглотить тот же трюк, но Палинев и Блонский быстро его прикончили.

Однако пользы от этого было мало — время работало на врага. Сведения о появлении здесь ледяных гвардейцев уже распространились, и на место каждого убитого предателя вставало десять новых.

Вальхалльцам требовалось найти выход, и как можно скорее.

Стоило Гавотскому об этом подумать, как здание цензориума сотрясло мощный взрыв. На сержанта, которого чуть не сбilo с ног взрывной волной, посыпалась извештка с потолка. В голове у него мелькнула мысль, что, должно быть, кто-то из предателей ухитрился незаметно проскочить под огнем лазганов ледяных гвардейцев и бросить в здание гранату. Но в этот момент раздался голос Стила.

--- Все вниз! --- крикнул полковник.

Они пробежали вниз десять пролетов по винтовой металлической лестнице, которая гребезжала и тряслась под ударами восьми пар тяжелых ботинок.

Михалев принес подрывной заряд. Баррески помог ему установить заряд в подвале цензориума, поставив цилиндрический корпус на торец, чтобы направить взрывную волну вниз. У Грэйла до сих пор звенело в ушах от взрыва, но желаемый результат был достигнут.

взрыв пробил брешь в фундаменте здания, и Грэйл, заглянув в нее, увидел остатки жилого помещения. Ледяные гвардейцы один за другим спустились в эту комнату и наконец выбрались на улицу, расположенную уровнем ниже.

Их встретил лазерный огонь. Предатели, догадавшись, куда скрылись их враги, заняли балконы над улицей. Стил продолжал вести отряд: не останавливаясь ни на секунду, они обходили открытые площади, прижимаясь к стенам, проскальзывая под арками и мостами.

Эта стратегия оказалась успешной. Огонь сверху прекратился. Предателям было трудно отслеживать быстрое передвижение противника, и они просто не успевали прицелиться. Чтобы добрать еще до ледяных гвардейцев, некоторые еретики решились спуститься по лестницам и в результате стали удобными мишенями для вальхалльских лазганов.

Ледяные гвардейцы двигались вперед, оставляя врага позади. Они приближались к Ледяному дворцу. В какой-то момент Грэйл решил, что они смогут выполнить

это задание. Но громкий рев двигателя возвестил о появлении новой угрозы.

Стил, должно быть, услышал, что приближается мотоцикл, но враг ехал слишком быстро, и избежать столкновения у вальхалльцев не было шансов. Мотоцикл вылетел из узкого переулка — черный и приземистый; его стальные болтеры изрыгали смертоносный металл.

Даже если бы мотоциклом управлял культист или гвардеец-предатель, он все равно представлял бы для ледяных гвардейцев довольно серьезную угрозу. Но за рулем был не просто предатель: глаза безжизненные, лицо изрезано шрамами от плохо зашитых ран, черты искажены настолько, что губы, казалось, навечно искривились в презрительной устешке. Из-за черной как сталь силовой брони тусклостая фигура мотоциклиста выглядела еще более громоподобной. На броне виднелись багровые символы Хаоса и шины с насаженными на них пустыми глазницами расколотых черепов.

Костогесантник Хаоса!

Он привстал в своем широком седле и, перегнувшись через руль, стал неистово рассекать воздух лязгающим цепным мечом. Не успел Стил отдать приказ всем бежать, как Грэйл уже неся со всех ног, а рядом с ним Гавотский, Блонский и Пожар. Добежав до ближайшего угла, Грэйл оглянулся на секунду и увидел, что Палинев бежит навстречу гнавшимися за ним монстру. Костогесантник Хаоса взмахнул цепным мечом, и Палинев ловко уклонился, едва избежав удара. Это был один из самых храбрых поступков, которые Грэйл когда-либо видел, хотя отчетливое выражение страха на лице Палинева слегка портило впечатление. Похоже, разведчик, не ожидая, что меч пройдет так близко, несколько переоценил свою скорость и ловкость.

Палинев проскользнул позади мотоцикла и исчез в переулке, из которого тот появился. Костогесантник Хаоса попытался развернуть мотоцикл и последовать за ним, но вместо этого сам вылетел из седла, на что Палинев и рассчитывал. Костогесантник тяжело

упал на плечо, а мотоцикл врезался в стену, но спустя секунду мотоциклист уже был на ногах.

Грэйл не стал ждать его дальнейших действий: он понимал, что за кем бы из легяных гвардейцев мотоциклист ни погнался, тот, считай, покойник, и единственный шанс для них — бежать. Грэйл с Пожаром побежали в одну сторону, Гавотский с Блонским — в другую. Грэйл был настолько обеспокоен приближением противника сзади, что не видел, что его ждет впереди.

Два гвардейца-предателя атаковали с обеих сторон. От удара первого Грэйл упал, второй двинул прикладом в челюсть. Предатель зашатался, и Грэйл, схватив его за плечо, толкнул на дружка. Когда оба еретика упали, Грэйл шагнул назад и поднял лазган, но, подумав, что выстрел привлечет к ним внимание, бонзил штык одному из предателей в бок. Тот начал захлебываться кровью.

Второй еретик пустился в бегство. Пожар, следуя примеру Грэйла, не стал стрелять в него из лазгана, но свалил

захватом за обе ноги. Предатель едва
разинул рот, чтобы закричать, как Пожар
заткнул его кулаком и принялся колотить
по голове, пока не убедился, что тот
мертв.

--- Быстрее, сюда!

Грэйл развернулся с лазганом
наготове и увидел, что перед ним стоит
худощавый светловолосый парень. Он был
одет в синий рабочий комбинезон и никак
не походил на гвардейца-предателя или
культиста, но почти всем ледяным
гвардейцам показался подозрительным.
Молодой человек сильно побледнел, увидев
два нацеленных на него лазгана.

Он поднял руки, показывая, что
безоружен.

--- Я могу вам помочь, --- сказал
парень, --- но вы должны пойти со мной
прямо сейчас. Медлить нельзя.

--- Откуда нам знать, что это не
обман? --- спросил Пожар.

--- Я не знаю, как вас убедить, ---
сказал человек, --- но я храню верность
Императору, да восславится имя Его. Я ---
один из немногих в этом городе, кто

остался верен Емү. Гвардейцы-предатели снова окружают вас. Если вы останетесь здесь, наверняка погибнете. Ваш единственный шанс -- пойти со мной.

Взглянув на Пожара, Грэйл понял, что они думают об одном и том же: незнакомец прав. Он их последняя надежда. Повернувшись к нему, Грэйл кивнул и сказал:

-- Ладно, показывай дорогу.

-- Но если ты лжешь нам, -- прошипел Пожар, -- то, сколько бы твоих дружков не поджидало нас в засаде и в какую бы ловушку ты нас ни завел, я все равно успею перерезать тебе глотку, прежде чем сам умру.

Стил бежал вместе с Анакорой, Баррески и Михалевым, и вдруг позади снова раздался рев мотоцикла. Затормозив на полпути, он с грохотом приблизился к ледяным гвардейцам. Костодесантник Хаоса бросился на вальхалльцев.

Они встретили его огнем, но лазерные лучи были для него как свет

карманного фонарика. Стул поднырнул под цепной меч космогесантника Хаоса, и в ту же секунду Анагора нанесла ему удар штыком. Она целилась в сочленение силовой брони, но промахнулась, и штык сломался. Космогесантник схватил ее за шинель, поднял и небрежным жестом швырнул в сторону.

Баррески воспользовался моментом, пока противник отвлекся, и направил свой силовой кулак ему в живот. Космогесантник Хаоса перехватил руку Баррески и сжал ее с такой силой, что перчатка треснула, брызнув искрами. Баррески едва успел выдернуть из нее руку, иначе и она не избежала бы той же участи.

Стул целился из лазерного пистолета, пытаясь найти уязвимые места в силовой броне, но тут космогесантник снова взмахнул цепным мечом. Уклонившись от удара, полковник ощутил запах машинного масла на его жужжащих зубьях.

Космогесантник Хаоса сосредоточил все свои силы на полковнике. Должно быть,

он заметил знаки различия на шинели
Стила и понял, что это командир. Его он
и выбрал своей жертвой, остальные трое
легких гвардейцев были для него слабой
помехой. Стил мысленно вознес молитву
Императору — не за свою жизнь, потому
что он знал: ему в этой битве все равно не
выжить. Он молился о том, чтобы
солдаты успели уйти, пока он отвлекает
этого монстра.

Стил бежал. И хотя он понимал, что
далеко не убежать, все же надеялся, что
удастся достаточно долго отвлекать
врага на себя. За его спиной слышался
грохот тяжелых шагов костогесантника
Хаоса, которому потребовалось меньше
секунды, чтобы отбросить Баррески и
Михалева и пуститься в погоню за самой
ценной добычей. А потом Стил услышал
вой прыжкового ранца.

Полковник упал на живот.
Пролетевший над ним костогесантник
Хаоса явно не ожидал такой быстрой
реакции от гвардейца. Вскочив на ноги,
Стил бросился в усыпанный обломками
переулок, проскользнул в ворота, пролез

через окно в обгоревшее здание и выбежал в переднюю дверь.

Полковник присел за статуей известного имперского генерала и попытался отдышаться, не производя лишнего шума.

Вдруг статуя разлетелась на осколки от выстрелов болт-пистолета. Костогесантник Хаоса, возникший из облака пыли и гряды обломков, снова бросился на Стила. Полковник в третий раз едва успел увернуться от ценного меча, который мог разрубить его пополам. Теперь бежать было некуда. Между ним и чудовищем в силовой броне не осталось ни одного укрытия, а победить костогесантника Хаоса в открытом бою — дело безнадежное.

И все же Стил достал силовую меч и активировал его энергетическое поле. Он знал, что погибнет в неравном бою, он был намерен сражаться до конца. Прежде чем погибнуть, полковник Станислав Стил сделает все, чтобы его убийца надолго запомнил, что значит сражаться с легендарным гвардейцем.

ГЛАВА

ТРИНАДЦАТАЯ

До уничтожения

Крессиды 16 часов 24

минут 39 секунд

--- Поклонников Хаоса сюда не спускают, --- сказал человек в одежде рабочего.

--- Теперь понятно, почему, --- проворчал Грэйл.

Они шли по темному сырому тоннелю, освещенному лишь желтым светом их карманных фонарей. Проводник, назвавшийся Толленбергом, провел Грэйла и Пожара через замаскированный лаз в подвале административного здания. Первое, что насторожило Грэйла, --- отвратительный запах. Когда они зашли по щиколотку в холодную зловонную воду, Грэйл понял, куда они попали: это была канализация.

— Они пытались раз или два, — продолжал Толленберг. — Мангеллан знает, что мы здесь, хотя и недооценивает нашу численность и стойкость. Он посылал сюда своих культистов, но вряд ли знает, как далеко ведут эти тоннели и какой огромный лабиринт внизу. Здесь легко заблудиться, а еще легче попасть в засаду.

Они поднялись на осыпающийся выступ и проскользнули в проржавевшую полукруглую дверь. Потом Толленберг повел их вниз по глиняной лестнице. Её ступени были скользкими от постоянно капавшей на них грязной воды. Спустившись по лестнице, они увидели еще один тоннель, такой же, как и наверху.

— Мы провели тут достаточно времени. У нас — тех, кто еще свободен и верен Императору, — было время исследовать тоннели, нарисовать карты и найти места, где лучше прятаться. Мы можем пройти весь улей сверху донизу, с одной стороны до другой, выходя из этих труб разве что на несколько шагов. Мы

можем...

Толленберг внезапно остановился и замолчал, жестом дав знать ледяным гвардейцам, чтобы они последовали его примеру. Они погасили фонари и стали молча ждать в темноте. И вдруг услышали хлюпающие шаги, приближавшиеся к ним со стороны другого тоннеля в кирпичной стене. Неожиданно шаги затихли, словно те, кто шел, тоже поняли, что они здесь не одни, остановились и стали ждать.

Толленберг осторожно стукнул фонарем по стене три раза, подождал, затем стукнул еще дважды. Стук разнесся эхом по всему тоннелю. Через секунду раздался ответный стук, в четыре раза более быстрой последовательности, и Толленберг снова включил фонарь.

--- Все в порядке, --- сказал он, --- это грузья.

Они встретились на пересечении тоннелей. Толленберг обнял женщину средних лет с пучком рыжих волос на затылке и в точно такой же синей рабочей одежде. Грэйл же с Пожаром были рады

тому, что вместе с ней сюда пришли двое
их товарищей -- Гавотский и Блонский.

-- Наши люди могут обыскать весь
этот сектор, -- объяснил Толленберг. --
Если повезет, они найдут и других ваших
воинов.

-- Но к чему все это? -- нетерпеливо
спросил Пожар. -- Что вы от нас хотите?

-- Куда вы нас ведете? -- задал вопрос
Блонский.

-- В безопасное место, -- ответил
Толленберг.

Анакора была жива.

Ее столкновение с космогесантником
Хаоса длилось не более трех секунд, и то,
что с ней происходило, она помнила
стлтно. Знала только то, что сильно
ударилась о землю, и теперь едва дышала.
Анакора и сейчас слышала гл цепного
меча. Он заполнял ее слух и, казалось, был
совсем рядом. Она подняла голову,
огляделась и увидела, что лежит в
восточной канаве совсем одна.

Она слышала, как кто-то
отстреливается -- вроде из лазерного

пистолета.

Полковник Стил!

Она не стала медлить ни секунды и побежала по улице, не думая об опасности, которой подвергалась, и забыв о предателях, которые могли затаиться среди зданий. Анакора бежала не погальше от звуков сражения, как сделали Баррески с Михалевым и как было бы разумнее и правильнее. Нет, она бежала навстречу этому звуку, понимая, что они давно должны были затихнуть и что простому смертному не продержаться так долго в бою против космогесантника Хаоса. Это просто невозможно.

Свернув за угол, Анакора увидела, что происходит невозможное.

На фоне космогесантника Хаоса в черной силовой броне Стил выглядел маленьким и беспомощным. И все же он как-то ухитрялся противостоять страшному врагу: успевал либо уворачиваться от ударов до того, как они обрушивались на него, либо отражать их своим сверкающим силовым мечом, отчего противник казался неуклюжим и

неповоротливый. В основном Стил метил в костогесантника Хаоса в лицо, и иногда ему это удавалось. Прямо на глазах у Анакеры полковник пустил кровь врагу: красная линия рассекла его переносицу, добавив к коллекции шрамов еще один, свежий.

Костогесантник Хаоса даже не вздрогнул — видно, был изрядно накачан болеутоляющими средствами и не почувствовал легкой раны. Анакора знала, что одного его точного удара будет достаточно, чтобы сломать Стил у шеи, и хватит одного взмаха цепного меча, чтобы снести ему голову. Полковнику не выжить, если его хотя бы раз подведут рефлексы или аугментика.

Первый лазерный выстрел Анакеры скользнул по силовой броне костогесантника Хаоса, не оставив и царапины. Чтобы пробить броню, требовалось попасть в сочленение доспехов, но Стил все время заслонял цель, и она боялась задеть его выстрелом. Костогесантник, не отрывавший взгляд от Стила, даже не посмотрел в ее сторону.

Он достал левой рукой болт-пистолет и не глядя выстрелил в направлении Анакору. Выстрел вслепую оказался невероятно точным: Анакора едва успела отскочить за угол, как позади нее отвалился кусок стены.

Сделав еще два выстрела, Анакора снова получила ответный огонь из болтера и поняла, что здесь огнем лазганом не обойтись. На улице в нескольких метрах от нее стоял большой зеленый грузовик. Дверь кабины едва держалась, и Анакора, сильно дернув за ручку, сорвала ее с петель. Она не водила машину со времени основного курса боевой подготовки и не была опытным водителем, но основы помнила и видела, как работает Грэйл.

Анакора села на водительское сиденье, закрыла глаза, от всего сердца вознесла молитву машинным духам двигателя и, поняв, что они услышали ее, преисполнилась к ним глубокой благодарности.

Кузов задрожал, и грузовик тронулся с места. Машина буксовала, мотор едва не заглох, но Анакора, быстро разобравшись в

управлении, увеличила скорость и резко повернула руль. Теперь Стил и костогесантник Хаоса были прямо перед ней.

Как и рассчитывала Анагора, сражающиеся услышали, что на них несется грузовик, и она надеялась, что Стил успеет сойти с дороги. Когда костогесантник Хаоса снова занес над полковником свой ценной меч, тот выполнил отвлекающий маневр: вместо того, чтобы пригнуться и увернуться от его зубьев, бросился навстречу противнику, схватил за локоть, выкрутил руку и толкнул изо всех сил.

Стил не смог вывести противника из равновесия — костогесантник был слишком силен и тяжел, — но заставил его сменить опорную ногу, и это дало крошечный шанс, точнее, время, чтобы прервать бой и отскочить назад. Увидев, что задумал полковник, костогесантник Хаоса попытался схватить его и использовать как живой щит, но Стил оказался на долю секунды быстрее. Анагора вела грузовик точно на цель, вдавив до упора педаль газа.

Костюгосантник Хаоса развернулся к Анакоре и, пружиня мощными мышцами ног, стал готовиться к прыжку. В какой-то момент она подумала, что враг прыгнет на канот, выбьет ветровое стекло и схватит ее за горло, но врезавшийся во врага грузовик протащил его метров десять и с лязгом, скрежетом впечатал в каменную стену.

Анакору швырнуло вперед, и она ударилась головой о ветровое стекло, расколов плексиглас. Каска защитила ее, но удар все равно оглушил. Ей показалось, что весь мир перевернулся вверх дном, и тошнота подкатила к горлу. Вдруг чьи-то сильные руки схватили девушку за плечи: Стил забрался в кабину и вытащил ее оттуда.

Но даже сейчас цепной меч подбирался к сердцу полковника, забывая, словно в предвкушении момента, когда вонзит свои зубья в его легкую броню.

Анакора подняла лязган, но Стил крикнул:

--- Нет! Оставь меня! Найди других! Выполняйте задание! Я задержу эту

тварь, насколько смогу!

Анакора стояла как вкопанная, будучи в полной растерянности. «Если бы мне только дали шанс умереть вместо него!» — думала она. Анакора не могла себе позволить стать тем, кто сообщит остальным о смерти полковника Стила и о том, что она убежала с поля боя, не сделав ничего, чтобы спасти ему жизнь. Это было недопустимо.

Анакора обошла костюмодесантника со спины — теперь его огромная фигура возвышалась между ней и Стилом — и, переключив лазер на огонь очередями, стала обстреливать противника, до тех пор, пока аккумулятор лазера полностью не разрядился. Лазерный огонь все-таки прожег силовую броню и сдвинул наплечник. Но Стил уже упал на одно колено и был больше не в силах отражать удары противника.

— Уходи! — прохрипел полковник сквозь сжатые зубы. — Это приказ, рядовой Анакора. Беги!

У нее не было выбора. Анакора побежала, потому что всем солдатам

Имперской Гвардии прежде всего вносили
одну вещь, одну мантру, с которой они
жили: приказ нужно исполнять немедленно
и без размышлений.

Анакора побежала, понимая, что
Стил прав и что она не могла бы ему,
если бы осталась и погибла рядом. Она
знала, что Император не одобрил бы то,
что она напрасно отдала свою жизнь,
найдя для себя такой легкий выход.

Анакора бежала, и призраки Астарот
Прим забывали в ее ушах.

Зубья цепного меча издали за ее
спиной последний пронзительный вой, и
наступила тишина.

Проклятый зум распространился по
всей руке и перешел на плечо.

Пожар почти желал, чтобы
костогесантник Хаоса погнался за ним, а
не за Стилом. И он снова мечтал сойтись
в схватке с гвардейцами-предателями. Не
только потому, что хотел служить
Императору, сражаясь во славу Его, но
теперь было и нечто большее. Сражаясь,
Пожар не чувствовал, что с ним

происходит. Он почти верил, что, когда бой закончится, все снова будет в порядке, и что, тратя силы на праведное дело, он сможет очиститься, повернуть вспять процесс этой...

Пожар не мог произнести это слово даже мысленно.

Он отрубил бы себе руку, чтобы серая шерсть гальше не разрасталась, если бы у него была возможность сделать это так, чтобы другие не узнали о его позоре.

Сейчас он пытался об этом не думать и сосредоточился на окружающей его мрачной обстановке канализационных тоннелей и на своих товарищах. Сержант Гавотский вместе с Толленбергом возглавляли группу из шести человек. Остальные ледяные гвардейцы шли за ними, а рыжеволосая женщина была замыкающей.

— Сколько вас здесь? — спросил Гавотский.

— Пара сотен, — сказал проводник. — До войны мы были гражданскими шахтерами, администраторами, учителями. Когда Хаос стоял на пороге,

мы собрались в часовнях и молили Императора, чтобы Он указал нам путь. Когда часовни разрушили, Он привел нас в эти тоннели.

--- Вы должны были остаться и сражаться, --- проворчал Блонский.

--- Мы сражаемся сейчас, --- заверил его Толленберг. --- Сражается за наши души, чтобы сохранить их чистыми, учимся пользоваться оружием, которое нам удастся поглотить, и готовимся к дню, когда армия Императора вновь сюда придет, чтобы освободить наш мир. Настанет день, и мы снова выйдем на улицы и ударим по врагу с тыла, будем сражаться и утирать за славное дело Императора.

Его слова что-то всколыхнули в сердце Пожара. Ему так хотелось сказать этому жаждущему спасения молодому человеку, что спасение близко и легкие гвардейцы --- лишь авангард колоссальной освободительной армии; что верных граждан Крессиды не оставят в беде. Пожару хотелось присоединиться к этим людям и сражаться за их освобождение ---

воистину славное дело.

--- Мы выполняем задание, --- сказал Гавотский, переходя к делу. --- У нас особая миссия. Мы здесь, чтобы спасти одного человека.

--- Исповедника Воллькенгена, да, --- кивнул Толленберг. --- Мы знаем о нем.

--- Тогда вы знаете, что нам нужно попасть в Ледяной дворец.

--- А вы, наоборот, вводите нас от него, --- внезапно вмешался Грэйл. Он сверялся с компасом в желтом свете фонаря, но так как в отличие от Палинева не был большим специалистом в этом деле, ему понадобилось некоторое время, чтобы подтвердить свои подозрения.

Они шли друг за другом по узкому кирпичному выступу, но вскоре выступ стал слишком узким, и пришлось сойти в воду. Пожар почувствовал, как по его ноге скользнуло что-то холодное и извивающееся.

--- Идти прямо к дворцу опасно, --- сказал Толленберг. --- Хотя здесь, внизу, и нет солдат Мангеллана, есть другие

твари, страшные чужовища, скрывающиеся
во тьме. И чем ближе к Ледяному дворцу,
тем страшнее скверна.

--- Мы не боимся вонючих мутантов, ---
проворчал Пожар.

Толленберг долго смотрел на него
хитро и прищурившись, а потом тихо
сказал:

--- Я знаю, что вы не боитесь. Просто
мы можем помочь вам избежать
страшных опасностей --- если вы поверите
нам.

Что-то здесь было не так...

Как только они вошли в освещенную
свечами часовню, Блонскому сразу стало
все понятно. Он выпрямился, и его рука
скользнула к лазгану.

Они поднялись еще по одной лестнице,
на этот раз короткой, и Толленберг
постучал по нижней стороне крышки люка
в потолке: тот же сигнал, что и раньше,
три стука, пауза и еще два. Крышка
отодвинулась, и в люке на фоне яркого
света появился силуэт еще одного
человека в рабочей одежде. Человек

протянул ил руку.

Блонский пролез через люк вторым из
легяных гвардейцев, после Пожара, -- и
мгновенно почувствовал зловоние Хаоса.
Но поскольку после долгого пути по
канализации воняло от всех, обнаружить
источник вони было невозможно.
Оглядевшись вокруг, Блонский нигде не
заметил явной угрозы.

Он подумал, что, возможно, так его
чувства отреагировали на осквернение
этого некогда святого места. Местные
лоялисты предприняли некоторые усилия,
чтобы вернуть себе эту часовню,
восстановить алтарь и стереть с ее стен
отвратительные руны Хаоса, -- но все же
Блонский чувствовал, что дух Бога-
Императора покинул это место, и ничто
не вернет его сюда.

В одном конце часовни две
украшенных колонны были расколоты, из-за
чего частично обвалился потолок. Сквозь
разбитое окно проникали слабые лучи
дневного света, среди развалин блестели
осколки цветного стекла. Настенные
гобелены сорваны и сожжены.

Здесь были еще люди — тридцать или сорок человек, в таких же синих рабочих костюмах, напоянавших униформу. Они то ли скребли полы, то ли пытались собрать остатки разбитых сокровищ, то ли просто стояли на коленях перед алтарем и тихо молились. Заметив четырех пришельцев, они с надеждой и трепетом в глазах стали подниматься на ноги и приближаться к ледяным гвардейцам.

И в этот момент Блонский, заметив их странную волочащуюся походку и ключья серой шерсти, торчавшие из синих рукавов, понял, что происходит. Он схватил лазган, развернулся и выстрелил в голову рыжеволосой женщине, которая в этот момент помогала Гавотскому подняться по лестнице. Она упала, на лице ее застыло удивленное выражение, а Блонский повернулся, чтобы разделаться с Толленбергом.

Но он опоздал: молодой светловолосый проводник уже лежал возле ног Пожара, который сдавливал руками его горло так, что между пальцами текла кровь.

— Я тебя предупреждал! — прорычал Пожар. — Я говорил, что это сделаю. — Когда Толленберг утирал, синяя роба соскользнула с его плеча, и Блонский заметил на его коже ярко-зеленую бородавку — доказательство того, что он не ошибался.

Грэйл тоже схватился за оружие. Гавотский поднялся на ноги, окинув всех таким же изумленным взглядом, какой был той женщины.

— Это засада, сержант! Они — мутанты! Все они — вонючие мутанты!

«Это уже становится привычкой, — думал Стил. — Ты встречаешь свою смерть и притираешься с ней ради того, чтобы потом испытывать страшные муки возвращения к жизни».

На этот раз даже механические части мозга отключились. В его воспоминаниях остался лишь бой — тот момент, когда цепной меч разорвал бронированную шинель и плоть под ней. Устекая кровью, Стил упал лицом вниз и потерял сознание. Космогесантник Хаоса

мозг и должен был добить его. Почему он этого не сделал?

Стил не чувствовал ног. Окружившие его гвардейцы-предатели схватили полковника за руки и куда-то потащили. Ноги волочились по земле, от шинели остались свисающие лохмотья пластфибра. Грудь и живот были стянуты синт-кожей.

— Он очнулся! — прохрипел голос возле его уха.

— Да? Тогда почему ты его до сих пор не несем? — Стил почувствовал, как ствол пистолета уперся в его спину, и второй голос проорывал: «А ну пошел, императорский прихвостень!»

Ответ Стила был предельно краток, но выражал все, что полковник думал о еретиках и их приказах.

Еретик в ярости затахнулся было прикладом, но один из дружков удержал его руку.

— Лучше не рискуй, — сказал он. — Он и так едва живой. Если ты проломишь ему череп и разбрызгаешь по улице мозги, что скажет он, когда узнает?

Стил едва заметно улыбнулся. Предатели подтвердили то, о чем он и так догадывался: их вождь в улье Цота хотел заполучить Стила живым. Вероятно, Мангеллан натеревался спросить его о группе: их численность, намерения и текущее местонахождение. Но это ему не поможет.

Враги отобрали у Стила оружие, полевой рюкзак и даже меховую шапку, вывернули все карманы. Они думали, что полковник беспомощен. Но они ошибались.

Самое сильное оружие Стила было внутри: механическое плечо исправно, а бионический глаз почти закончил цикл восстановления и перезарядки. Стил уже мог им видеть, хотя пока расплывчато. Он активировал индикатор, указывавший на то, что глаз целиком восстановится через пятьдесят восемь минут.

Тем временем предатели окажут ему услугу. Пусть сейчас он пленник, но враги несут его туда, куда нужно попасть, — в Ледяной дворец, к исповеднику Воллькенгену.

ГЛАВА

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

До уничтожения Крессиды 14 часов 33 минуты 4 секунды

Они попали в ловушку.

Гавотский проклинал себя за то, что доверил рыжей, которая подговаривала его и Блонского на улице. Несмотря на опасения товарища, он доверился своей интуиции и не стал подробно ее расспрашивать. Ведь за нити гнались предатели, а интуиция еще никогда не подводила сержанта.

Интуиция и сейчас что-то ему подсказывала.

Часовня наполнилась треском лазганов. Звук эхом отражался от сводчатого потолка и бил по ушам с оглушительной силой. Но стреляли только лазганы ледяных гвардейцев. Мутанты не сопротивлялись, у них и оружия почти не

было. Скуля и хныча, они прятались за каменными колоннами, обломками церковных скамей и алтарем.

--- Прекратить огонь! --- крикнул Гавотский. --- Я сказал --- прекратить огонь, это приказ!

Грэйл посмотрел на сержанта, озадаченно нахмутив брови, но все же первым подчинился. Пожар был готов взбунтоваться, а Блонский...

Хотя Блонский и не нацелил лазер прямо на Гавотского --- ствол был направлен вниз под углом, --- сержант ощущал на себе испытующий взгляд его черных глаз и видел, как напряжены мышцы его рук в готовности открыть огонь.

--- При всем к вам уважении, --- начал он, --- могу я узнать основания для такого приказа?

--- Посмотрите на них! --- сказал Гавотский. --- Разве это похоже на засаду? Никто из них на нас не нападал. Они только оборонялись.

--- Они мутанты! --- выпалил Блонский. --- Само их существование

оскорбительно для нас!

Гавотский спокойно отреагировал на его яростный выпад. Сержанта было нелегко испугать.

--- Обычно --- да, --- сказал он. --- Но сейчас у нас необычная ситуация. Я не думаю, что наши проводники лгали. У этих... скажем, «людей», есть информация, которая может быть полезной. Они знают путь в Ледяной дворец и на что способен Мангеллан.

--- В таком случае, сержант, --- сказал Блонский, --- я считаю своим долгом спросить вас, не защищаете ли вы этих мерзких тварей по причине некоего странного сочувствия? Можете ли вы поклясться, что верны Богу-Императору?

В ответ Гавотский двинул ему прикладом лазгана в подбородок. И хотя Блонский пристально следил за каждым движением сержанта, удар был таким сильным и неожиданным, что повалил его на пол.

--- Если сможешь доказать свое обвинение, --- прорычал Гавотский, стоя над ним, --- я буду готов к тому, что ты

меня пристрелишь. А пока заткнись и
сделай то, что говорю тебе я. Понятно?

— Они молились, — еле слышно
произнес Пожар. — Они молились
Императору... — Все его негодование
иссякло, и теперь Пожар казался
растерянным, даже испуганным. Гавотский
такого не ожидал. Он думал, что Пожар
будет сопротивляться приказу так же
яростно, как Блонский.

Наконец мутанты — те из них, кто
еще был похож на людей, — успокоенные
тем, что в них больше не стреляют,
начали понемногу выходить из своих
укрытий и приближаться к ледяным
гвардейцам. Гавотский поднял ладан и
направил его на ближайшего мутанта.

— Стоять! — приказал он. Мутант
остановился, подняв руки.

— Мы понимаем ваши... подозрения.
Понимаем, что мы вам...
отвратительны, — раздался хриплый голос
за спиной Гавотского. Сержант обернулся,
и у него перехватило дыхание, когда
говоривший выступил из тени. Это был
неуклюжий монстр, весь покрытый серой

шерстью: вместо рук — когтистые лапы, неестественно выдающийся вперед лоб, сверкающие красные глаза.

— Мы сами себе отвратительны, — сказала существо. — Но никто из нас... не выбирал эту участь. Никто не хотел стать таким. Хаос силен... в воде, в воздухе... Он завладел... нашими телами, — мутант мучительно сглотнул.

Гавотский вспомнил, что говорил Толленберг.

— Но вы боретесь с этим и пытаетесь сохранить свои души в чистоте.

— Если вы так преданы Императору, — проворчал Блонский, поднимаясь на ноги и массируя ушибленную челюсть, — то вы знаете, что должны делать. Указ Императора о скверне Хаоса не оставляет сомнений, и для вас есть только один способ очиститься.

— Мы знаем, что должны... умереть, — сказал мутант. — Но хотим, чтобы наша смерть... не была бесполезной. Мы хотим... напасть... на еретиков. Они... сделали это с нами. Они... сотворили это с нашим...

тиром, с Крессидой, -- казалось, существу
было трудно дышать, и оно то и дело
прерывало свою речь, со стоном и
присвистом втягивая воздух в легкие.

-- Вы знали, что мы идем сюда! --
вдруг понял Грэйл. -- И вы посылали за
нами своих шпионов в горы и в лес. Я там
увидел одного. Вы следили за нами!

-- Жаль... только, -- сказал мутант, --
что мы не смогли... подойти к вам
раньше... До снайпера на озере... до того,
как вы потеряли... своего товарища у
места посадки челнока... до того, как вас
нашли... гвардейцы-предатели. Нам
пришлось осторожно выбирать момент...
чтобы вы поняли нас. Сейчас так трудно...
понять, кому можно верить...

Гавотский проследил за печальным
взглядом мутанта, смотревшего на тела
убитых, среди которых были проводники,
приведшие сюда ледяных гвардейцев, и
шестеро других, погибших под огнем
лазганов до того, как сержант отдал
приказ не стрелять.

-- Мы не можем спасти ваш мир, --
тихо сказал Гавотский. -- Мы не гля

этого сюда пришли. Но с вашей помощью
мы можем спасти одного человека.
Важного человека.

--- Тогда мы поможем вам... Сделаем
все, что в наших силах, --- пообещал
мунтант. --- Мы будем сражаться, служа...
Императору, и молить Его... чтобы, когда
мы уйдем из этой жизни, Он посмотрел...
на наши оскверненные души... с
пониманием.

Ледяной дворец и вправду оказался
огромным, как описывал Грэйл. Он
поднялся так высоко, что Стил не мог
разглядеть его верхние этажи. Полковник
чувствовал, что силы возвращаются к
нему, хотя скрывал этот факт от
взявших его в плен врагов: пусть тащат
его, думая, что он слаб.

Предатели долго волокли Стिला по
каменной лестнице, пролет за пролетом,
и все время вниз, видно, на нижний
уровень улья. Выйдя на очередную улицу,
конвоиры решили потеняться и на секунду
отпустили Стила. Полковник упал,
притворившись, что не может стоять на

ногах, и заодно успел украдкой глянуть
наверх, где увидел огромные башни,
укрепления и широкие ледяные мосты.

Воздух был не просто холодным.
Стилу казалось, что невидимые ледяные
кинжалы пронзают его до мозга костей.
Полковник жалел, что его шинель вся
изорвана, хотя подозревал, что и она не
защитила бы его от холода. Он знал, что
такое естественный холод, но здесь было
что-то другое.

Предатели же в своих бронекуртках,
казалось, чувствовали себя прекрасно. Они
потащили Стила к сводчатому проходу у
основания фасада дворца, и когда подошли
ближе, полковник увидел, что белая
поверхность стен полупрозрачная и во льду
есть прожилки все той же фиолетовой
плесени.

Ворота дворца охраняли четверо
гвардейцев-предателей, вход закрывала
тяжелая опускаемая решетка, которая тоже
была из льда. Стил вспомнил, как
Баррески самоуверенно сказал в лесу:
«Дайте мне пару огнеметов, и я
гарантирую вам, через десять минут здесь

ничего не останется». Если бы все было так просто...

По пути сюда Стилл встретил не менее двух сотен предателей, многие из которых присоединились к его конвоирам, желая разделить с ними победу. Полковник понимал, что у его товарищей нет шансов здесь прорваться. В лучшем случае они смогут отвлечь внимание предателей снаружи двorca.

Он опасался, что все остальное ему придется делать самому.

Впервые за все долгое время Пожару предоставили такие комфортные условия.

Мутанты предложили ему и троим его товарищам место для отдыха и принесли еду, от которой те отказались. Гавотский предложил Грэйлу и Пожару немного поспать, пока они с Блонским будут их охранять. Грэйл кивнул и сразу задремал, а Пожар не мог уснуть.

Большинство мутантов держались поодаль от гостей — то ли из уважения к их чувствам, то ли опасаясь снова вызвать гнев. Однако самый мутировавший, тот,

который говорил, снова подошел к ним своей шаркающей походкой и сообщил, что у него плохие новости.

--- Ваш командир... захвачен в плен, --- прохрипел мутант. --- Он храбро сражался... но... был побежден костогесантником Хаоса. Зато мы нашли остальных ваших товарищей... Ведет их сюда.

Кроме Толленберга, никто из мутантов не называл своего имени. Пожар сомневался, есть ли у них вообще имена. Вероятно, они думают, что недостойны их носить, и уже привыкли воспринимать себя как монстров.

--- Значит, полковник Стил не убит? --- уточнил Гавотский.

--- Они несут его... в Ледяной дворец, --- сказал мутант. --- К Мангеллану.

--- Тогда мы еще можем его спасти, --- ответил Гавотский. --- Если вы сделаете то, о чем говорили, и проведете нас в Ледяной дворец, мы спасем и полковника, и исповедника Воллькенгена. Но надо спешить. У нас осталось меньше четырнадцати часов.

Мутант снисходительно кивнул своей лохматой головой и удалился.

Блонский наблюдал за ним, и его передергивало от отвращения.

--- Они обманывают сами себя, --- прошептал он, --- или лгут. Если вера человека сильна, он может сопротивляться скверне Хаоса --- так учит нас Император. Если эти несчастные лгутировали...

--- Но они борются со скверной! --- воскликнул Пожар.

--- Слишком поздно. --- Блонский повернулся к Гавотскому. --- Мы не можем доверять им, сержант. Мы не знаем, что они сделали, чтобы заслужить такое, не знаем, предатели они, трусы или просто слабаки. Но что бы это ни было, они уже потеряны. Даже если они искренни в своих намерениях, им уже не очиститься от грехов. Рано или поздно Хаос возьмет их души --- и когда это случится, они обратятся против нас.

Гавотский лишь кивнул.

--- Я знаю, --- сказал он.

Его слова были для Пожара как удар

ножом в сердце.

Внутренние помещения Ледяного дворца были не менее впечатляющими, чем фасады, и так же хорошо охранялись. Стила провели сквозь целый легион гвардейцев-предателей, охранявших огромный коридор, разумеется, тоже ледяной, но богато украшенный бархатными коврами и гобеленами.

Коридор был увешан гирляндами из замысловатых ледяных фигурок, излучавших мягкий чарующий свет, которые, как показалось Стиле, даже создавали некоторое подобие красоты, — пока полковник не разглядел их искаженные демонические формы. Ледяная лестница мягко изгибалась, поднимаясь к балконам и балюстрадам следующего этажа. Стила протащили мимо, в темленький темный закоулок, и втолкнули в какую-то неприметную дверь.

За дверью ждали ступени — каменные и ведущие вниз, в гнетущий трак. Там едва хватало пространства, чтобы пройти по одному. Предатели, один

из которых шел впереди, а другой сзади, поставили Стула на ноги и, толкая в спину стволот лазгана, заставляли идти вперед.

Вокруг были стены из неотесанного камня, которые освещали только фонари предателей. Стул слышал, как эхом разносится звук непрерывно падающих капель, но откуда капало, определить не мог. Если бы полковник не знал, что они до сих пор находятся над поверхностью планеты, ему показалось бы, что он попал в самые глубины пещеры. Пещера выглядела почти как естественная, но Стул подозревал, что если бы он осмотрел ее бионическим глазом, нашел бы явные признаки рукотворства.

Казалось, Мангеллан решил дополнить великоление своего затка традиционными темницами под ним.

Ступени покрылись ледяной плесенью, сделавшей их коварными и скользкими. Стул намеренно поскользнулся и упал назад, опрокинув по очереди шедших за ним предателей, как ряд готино. Трое из них, сорвавшись с лестницы, с воплем полетели

вниз и разбились о каменный пол. Пусть это не облегчило участь полковника --- новые предатели, вставшие на место погибших, тут же вцепились в Стила и принялись толкать вперед, --- но вызвало у него улыбку.

В стенах пещеры были толстые железные двери. Они располагались в закутках и были накрепко заперты странными углами. Стил почувствовал, что его сердце забилося сильнее при мысли о том, что за одной из этих дверей может находиться исповедник Воллькенген. Полковник с трудом подавил в себе желание окликнуть его. Он не хотел раскрывать карты, считая, что лучше выждать время, а пока продолжать притворяться сломленным пленником. Тем более что притворяться было нетрудно.

Одна из дверей оказалась открыта, и Стила толкнули в нее. Он попал в каменный мешок без окон, размером не более полутора метров в длину, ширину и высоту. Ему пришлось согнуться, чтобы не удариться головой о потолок, а чтобы

нормально лечь, здесь вообще не было места.

В одну из стен камеры вмонтировали прочное металлическое кольцо, с которого висела целая связка цепей. Двое предателей, удерживая Стила за плечи, пригнули его к полу и быстро связали цепями, затем пропустили их через кольцо четыре или пять раз и скрепили тяжелым висячим замком. Когда они закончили, Стил был так крепко связан, что не мог ни сесть, ни встать; его тело зафиксировали в неестественно согнутой мучительной позе: он предположил, что это была месья предателей за проделанный им трюк на ступеньках.

Враги ушли, забрав с собой фонари. Дверь с лязгом закрылась, и все погрузилось в непроницаемую тьму. Стил попытался переключиться на инфракрасное зрение, но бионический глаз еще не функционировал. Индикатор показывал, что цикл саморемонта должен завершиться через тридцать пять секунд.

Спустя десять минут отсчет все еще

стоял на этой цифре.

Легяные гвардейцы снова шли по канализационным тоннелям. Несмотря на жуткую вонь, Пожар был рад выбраться из часовни, где не осталось ни малейшего следа присутствия Императора и где он ощущал себя чужаком.

Все восемь бойцов отряда были вместе: Баррески, Палинев и Михалев пробрались сюда через люк, и Гавотский, поприветствовав их, объяснил ситуацию и сообщил подробности невероятного союза с мутантами.

Баррески, казалось, был шокирован, но держал свое мнение при себе. А Михалев неожиданно поддержал сержанта.

— Они могут нам помочь, — сказал он, выбрав момент, когда Блонский не мог его услышать. — Или мы убьем их и потеряем всякую надежду на успешное выполнение задания, и все из-за какой-то имперской догмы, из-за правил, придуманных людьми, никогда не ступавшими на поле боя. Я спрашиваю вас: почему мы не можем воспользоваться их помощью?

Пожару не терпелось ответить на этот вопрос. Ему отчаянно хотелось разорвать шинель и показать серую шерсть, которая разрослась по всей груди, и крикнуть: «Потому что вы не хотите закончить так же, как я!» Но утирать позорной смертью у него не было никакого желания.

--- Как только мы спасем исповедника, --- угрюмо сказал Баррески, --- сможем очистить всю эту нечисть лазерным огнем. Не так ли?

Звук битвы, доносившийся откуда-то снизу, возвестили о приближении Анакоры. Ее, как и остальных, подобрал один из мутантов, еще сохранивших человеческий облик. Очевидно, она сумела его распознать. Гавотский послал Палинева в нижние тоннели найти Анакору, прежде чем она убежит, и убедить ее, что здесь им никто не угрожает.

С тяжелым сердцем все они слушали рассказ Анакоры о последнем бое Стила.

--- Я не должна была оставлять его, --- вздохнула она. На что Блонский возразил, что, разумеется, должна была, потому

что ей дали такой приказ.

Им всем было здесь не по себе, как Пожару в часовне. И хотя соображения безопасности диктовали идти к Ледяному дворцу утром, Гавотский отклонил предложение мутантов отдохнуть. Еще он поставил условие, что ледяных гвардейцев будут сопровождать не больше двоих мутантов, и для этой задачи выбрали двоих, еще сохранивших человеческий облик и внятную речь.

Пожар шел за одним из них, представляя, насколько уродливо выглядит это существо под своим синим рабочим костюмом. Он бы предпочел компанию настоящего монстра. Но крайней мере, тому уже нечего скрывать. «В отличие от меня», — думал Пожар.

На полу часовни мутанты развели костер, в котором ледяные гвардейцы подзарядили аккумуляторы своих лазганов. Мутанты также отдали им несколько подобранных осколочных гранат и ножей, но больше ничего полезного у них не нашлось.

Пожара беспокоило то, что они

слишком долго спускаются по разным лестницам, переходя время от времени в нижерасположенные тоннели, но проводники уверили их, что знают, куда идут, и что лучший способ проникнуть в Ледяной дворец — подняться в него, пройдя под ним.

Они шли по очередному зловонному тоннелю, хлюпая по грязной воде. Вдруг Палинев велел всем остановиться.

— Вы что-нибудь слышите? — спросил он. — Там, впереди...

Все застыли на месте и вскоре услышали, даже почувствовали, как обычно стоячие сточные воды потекли. Что-то двигалось — плыло — сюда.

Мутанты отреагировали первыми. Они повернулись, поблуднев в ужасе, посмотрели друг на друга... и побежали прочь. Один улизнул от Грэйла, другого Баррески схватил и припер к стене.

— Что это? — крикнул ледяной гвардеец мутанту в лицо. — Чего вы боитесь?

— Может, вы нас сюда специально завели? — прошипел Блонский. — К этой

твари?

Мутант лишь тарашил глаза, хныкал и дергался в тщетных попытках вырваться из рук Баррески.

Вдруг из ближайшего бокового тоннеля выплеснулась волна сточных вод, и вслед за ней появилось тело — зеленое, жилистое и покрытое чешуей. Оно щерилось зубами и таращило свои многочисленные глаза. Чудовище прыгнуло в тоннель, отскочив от стены, приземлилось на лапы и, заметив добычу, сориентировалось с невероятной скоростью.

Потом монстр бросился на нее.

Стил был один уже почти час. Он знал это благодаря внутреннему хронометру, заставлявшему его тщательно осознавать каждую уходящую секунду. А еще по этим проклятым каплям, которые тоже отсчитывали медленно тянувшееся время, падая с интервалом в две целых четыре десятых секунды, — всего он уже насчитал тысяча четыреста шестнадцать капель.

Стил наполовину стоял, наполовину

сидел в согнутом положении, скованный тяжелыми цепями. Позвоночник болел так, что, казалось, вот-вот сломается. Полковник молился Императору и уговаривал машинных духов в бионическом глазу, но они были глухи к его мольбам: на встроенном индикаторе застыли две цифры.

Тридцать пять секунд...

Стул услышал шаги по ступенькам снаружи и понял, что его время пришло.

Маленькая квадратная панель на двери скользнула в сторону, и в камеру хлынул свет, чуть не ослепив Стула после долгого пребывания в темноте. В окошко заглянул культист и, убедившись, что пленник по-прежнему связан, открыл тяжелый заток.

Дверь со скрипом открылась, и на пороге камеры возникла высокая тощая фигура. Как и Стулу, посетителю пришлось пригнуться, чтобы войти в камеру; здесь едва хватало пространства, чтобы поместиться им двоим. Скрестив руки на груди, еретик с самодовольной улыбкой уселся на узкий выступ на стене

напротив Стила.

Свет больше не падал сзади, и Стил мог хорошо разглядеть вошедшего, различить черты его узкого лица. Глаза еретика напминали глубокие черные ямы, в которые, казалось, можно было провалиться. Одет он был в черное одеяние культиста, хотя заметных мутаций у него не наблюдалось. Капюшон откинут назад, чтобы выставить напоказ изощренные татуировки, словно паутина, покрывавшие лицо и бритую голову, спускаясь за уши и на шею. Еще еретик носил золотой пояс и генеральский эполет на правом плече, а в руках держал богато украшенный скипетр с вырезанными на нем отвлеченными богохульными символами: краденые и вымышленные символы власти вождя, чья армия едва понимала их смысл.

— Для начала познакомится, — сказал он голосом, гладким как шелк. — Я правитель этого улья по праву завоевания. Я избранник богов Хаоса и верховный жрец на их службе. Я твой тюремщик, допросчик и, возможно, палач. Но самое

главное, что тебе нужно знать обо мне, и сейчас это становится важным фактом в твоей жизни: я твой новый и единственный повелитель.

--- Я знаю, кто ты такой, --- сказал Стил, не пытаясь скрыть презрение в своем голосе. --- Ты Мангеллан.

ГЛАВА

ПЯТНАДЦАТАЯ

До уничтожения

Крессиды 12 часов 12

минут 8 секунд

Тварь двизалась так быстро, что ледяные гвардейцы едва успевали реагировать. Не обращая внимания на огонь лазганов Пожара и Анакеры, она заскользила к ним по сточной воде и, согнув свои короткие толстые лапы и цепкий хвост, прыгнула прямо в центр группы.

Ледяные гвардейцы рассредоточились, насколько позволяло пространство, но тоннель был слишком узкий. Существо кидалось на них, выпуская когти и чудовищно разевая свою огромную пасть с зубами, напминавшими клинки ценных мечей. Его челюсти чуть не сомкнулись вокруг руки Гавотского. Благо сержант успел вовремя ее отдернуть.

Наконец монстр плюхнулся брюхом в воду. «Видимо, принял свою естественную позу», — догадался Баррески. Длинное чешуйчатое тело твари делало ее похожей на аллигатора, но на спине вдоль хребта торпорщились острые шипы, а голова была сплошь утыкана бесформенными зноющимися глазами.

Монстр опять встал на дыбы. Его горячее зловонное дыхание, перемешанное с брызгами слюны, ударило Гавотскому в лицо. Тот схватил повернувшегося по движению мутанта-проводника и толкнул его прямо на чудовище. Ударившись о тело канализационного монстра, мутант издал пронзительный визг. Монстр же, не сомневаясь в удаче, тотчас вонзил в мутанта когти и, захватив челюстями голову, снова нырнул в воду.

Это дало ледяным гвардейцам время перегруппироваться и начать отстреливаться всерьез. Но, похоже, чудовище этого даже не заметило. Оно оторвало мутанту голову и с победным ревом отшвырнуло ее, забрызгав стены кровью.

Если ледяные гвардейцы надеялись, что одной жертвы будет достаточно, чтобы удовлетворить его аппетит, то их ждало жестокое разочарование.

--- Полковник Станислав Стил, ---
сказал Стил. --- Командир Триста девятнадцатого Вальхалльского полка Имперской Гвардии. И это все, что ты от меня узнаешь.

--- Командир полка, хм?.. --- произнес Мангеллан, скривив губы в ухмылке. --- Мне считать за честь, что тебя послали сражаться со мной? Или, напротив, принять как оскорбление, что ты привел с собой жалкую кучку солдат?

--- Тебе следует бояться! --- огрызнулся Стил на захватчика, скаля зубы. --- Когда я освобожусь от этих цепей...

--- О да, --- сказал Мангеллан. --- Ты хочешь освободиться, не так ли? В конце концов, разве не этого мы все хотим? Освободиться от цепей.

--- Все, чего я хочу, --- прорычал полковник, --- это исполнить свой долг перед Императором.

— И ты хорошо ему послужил, очень старался. Вы смогли проникнуть в мой умлей гораздо глубже, чем я предполагал. Не сомневаюсь, что ты — бывалый боец и хороший командир. И как твой бог вознаграждает за преданность?

— Император дает нам все, что нужно.

— Каково тебе будет узнать, полковник Стил, что для Императора твоя жизнь так мало значит, что он готов жертвовать ею ради столь бесполезного дела?

— Это не бесполезное дело — сражаться за порядок и нанести удар по вашей философии.

— Я знаю, зачем вы здесь. Похоже, мнение исповедника Воллькенгена о собственной важности не так раздуто, как я предполагал.

Стил не смог скрыть напряжение при упоминании имени исповедника.

— О да, — продолжал Мангеллан, явно наслаждаясь вызванной реакцией. — Я так и думал, что тебе это будет интересно. Воллькенген здесь. Он жив. Мы с ним

многого беседовали. Скоро ты сам его увидишь. Я устрою тебе личную встречу с человеком, ради которого ты был готов пожертвовать собой. Интересная будет встреча...

— Мне порезать его, повелитель? Заставить его говорить?

Взгляд Стила был прикован к Мангеллану, и он не сразу заметил вновь прибывшего, который, протиснувшись между предателями снаружи, затаячил возле дверного проема. Это был горбатый приземистый мутант, одетый во все черное. Длинные черные волосы падали на покатый лоб; на его ушах, бровях и шее пучками росла серая шерсть. В руках мутант вертел глинный, измазанный кровью нож, с какой-то особой нежностью поглаживая пальцами его лезвие.

— Нет необходимости, Фүрст, — сказал Мангеллан. — Полковник Стил — не пленник, а гость.

— Тогда освободи меня, — предложил Стил, — и увидишь, как вальхалльский гвардеец отплатит тебе за гостеприимство.

— Мне нечего у него спрашивать, — продолжал Мангеллан, как будто не расслышав слова полковника. — Я знаю, зачем он сюда пришел, и не хуже его осведомлен, где находятся его солдаты. Они прячутся где-то в городе, и им никак не набраться храбрости, чтобы снова подойти к моему Ледяному дворцу.

Если бы бионический глаз Стила работал, полковник не заметил бы разрядить его Мангеллану прямо в лицо. Видимо, хорошо, что он не работал, иначе Стил ограничился бы моральным удовлетворением от того, что покалечил своего врага. Однако выполнить задание это бы не помогло. Полковник был вынужден слушать Мангеллана и ждать момента своей готовности к бою, надеясь, что он в конце концов наступит. Тридцать пять секунд...

— Почему я еще жив, если тебе ничего от меня не нужно? — спросил Стил.

— Не задавай вопросы верховному жрецу! — прошипел горбатый мутант Фүрст, пыхтя и переступая с ноги на ногу от возбуждения.

— Все в порядке, Фүрст, — прервал его Мангеллан, словно вмешательство мутанта в разговор начало его раздражать. — Я рад сообщить полковнику Стилу все, что он желает знать. Именно поэтому я здесь — чтобы поговорить с ним, утешить его. — Он смотрел на Стила в упор. — И пригласить его присоединиться к нашему делу, — закончил он. В этот момент что-то блеснуло в черных безднах его глаз.

— Сосредоточить огонь! — прокричал Гавотский. — Попробует прожечь его шкуру!

Канализационный монстр снова встал на дыбы, широко разинув свою пасть в пронзительном вое, то ли вызывая вальхалльцев на бой, то ли просто от боли. Ошеломленная и сбитая с толку тварь зашаталась под перекрестным огнем лазганов, и Михалев уже понадеялся, что она вот-вот рухнет или, по крайней мере, сбежит от греха подальше, но тут-то было: жертвы были в очередной раз атакованы.

Палиневу удалось увернуться, и тварь со всей силы врезалась рылом в стену тоннеля, от чего, по идее, должна была сломать себе шею. Увы, нет. Чудовище снова упало брюхом в воду, подняв волну и вместе с ней выплеснув голову предыдущей жертвы — несчастного мутанта.

Тварь была оглушена и лежала неподвижно, ее спина возвышалась над водой, как покрытый шипами остров. Воспользовавшись преимуществом, лезяные гвардейцы усилили огонь. От их лазерных лучей чешуя у основания шипов на спине твари начала чернеть и покрываться пузырями. Чудовище беспомощно било хвостом. Анакора бросилась вперед и вонзила в монстра штык, рассчитывая его пригвоздить. Она метила верно, но ее сломанный штык не годился для такой задачи.

Монстр приходил в себя: над водой поднялась его голова, образовав еще один маленький остров. Многочисленные глаза свирепо вращались, и было невозможно понять, в каком направлении он бросится сейчас, кого выберет на роль следующей

жертвы.

Анакора резко упала, словно подкошенная, и стоявший сзади Михалев заметил, что вокруг ее лодыжек обвился огромный хвост чудища. Чтобы дотянуться до опутанной хвостом и беспомощно барахтающейся жертвы, тварь изогнулась назад и с невероятной ловкостью и гибкостью сложилась пополам.

Михалев был готов снова стрелять, но на пути у него встал Пожар, бросившийся на спину канализационному монстру с такой яростью, которую, несомненно, одобрил бы ныне покойный Борщ. Нащупав ножом один из множества глаз чудища, Пожар воткнул в него лезвие, и тварь, издав вопль, отпустила Анакору, чтобы разбираться с более опасной угрозой.

Чудище брыкалось и корчилось под тяжестью молодого солдата. Шинель, пропоровший шинель, вонзился Пожару в живот. Пожар испустил стон и, задыхаясь от боли, соскользнул в воду. Анакора попыталась вытащить своего товарища.

помочь ему, как он только что помог ей, но тварь быстро встала на дыбы и теперь нависала над обоими.

Рука Михалева нащупала в кармане шинели твердый цилиндрический предмет, который он держал наготове для подобных случаев. Использовать его здесь, в закрытом пространстве, было рискованно, особенно для Анакору и Пожара, но Михалев знал, что если он не сделает это сейчас, товарищи будут мертвы, — и сделал все безупречно.

— Подрывной заряд! — крикнул он и метнул устройство. Цель и момент были выбраны идеально. Заряд, попавший твари прямо в пасть, скользнул с языка внутрь и исчез между зубами... Михалев вместе с остальными ледяными гвардейцами, точнее, с шестью из них, отбежал в сторону, в то время как беспомощные Пожар и Анакора оставались прижатыми к стене.

И тут по ушам Михалева ударил взрыв. Тоннель содрогнулся, Михалева обдало со спины брызгами чего-то мягкого и липкого. Тем не менее взрыв не сбил

вальхалльца с ног и не разрушил проход. Когда он наконец обернулся в сторону Пожара и Анакору, убедил, что они по-прежнему живы, только с ног до головы покрыты кровью, потрохами и обугленными твасом монстра, который едва их не сожрал.

Даже если монстр не проглотил заряд или не подавился им, видимо, рефлекторно захлопнул пасть и принял на себя всю мощь взрыва, о чем и молится Михалев.

Баррески победоносно выбросил кулак вверх и с радостными возгласами похлопал Михалева по спине.

--- Надеюсь, теперь ты доволен собой, --- произнес Грэйл, с перекошенным лицом, счищая с шапки и шинели мерзкие и вонючие ошметки туши чудовища. --- Никогда не думал, что что-то может вонять похлеще канализации, по которой мы топтали целых полтора часа. Очевидно, я ошибался.

--- К сожалению, --- трачно отозвался Гавотский, --- но у нас сейчас куда более важная проблема, чем твоя личная

изигиена, Грэйл.

Блонский озвучил проблему:

--- Мы потеряли наших проводников ---
обоих.

--- А вместе с ними, --- вздохнул
Михалев, --- и путь в Ледяной дворец.

Стил растаялся Мангеллану в лицо.
Похоже, это был единственный разумный
ответ на такое предложение.

--- Ты безумец! --- заявил он верховному
жрецу. --- Конечно, это и так ясно, но
неужели ты ждешь, что офицер
Империи...

Мангеллан оставался
невозмутимым.

--- Сам знаешь, что многие из нас
когда-то были офицерами в твоём
Империи, --- напомнил он пленнику. ---
Понимаю, как тебе ненавистна сама идея
присоединиться к нам. Ведь тебя так
воспитали, приучили смотреть на
вселенную с одной точки зрения ---
Империи.

--- Уного пути нет, --- прорычал
Стил, --- по крайней мере, такого, на

которым стоило бы задуматься.

--- О да, --- сказал Мангеллан. --- Именно это тебе всегда говорили, не так ли? Внушали, что ты даже думать не должен об ином и что знание как таковое запрещено. А не задумывался ли ты над тем, почему тебе так говорили, полковник Стилл? Тебе не приходило в голову, что жизнь --- не исполнение приказов тех, кто перебрасывает тебя с одной войны на другую, а нечто большее? Ты задавался вопросом, что от тебя скрывают и почему боятся, что ты можешь узнать?

--- Позвольте мне порезать его, повелитель, --- снова заскулил Фюрст. Нож угрожал в его руке, и было видно, что мутант еле сдерживался, чтобы не вонзить его между ребер Стилла. --- Позвольте мне наказать его за дерзость.

--- Все, что мне нужно знать, --- сказал Стилл, --- находится здесь, в этой камере. --- Он кивнул головой в сторону мутанта. --- Вот цена твоего знания, Мангеллан. Вот что происходит, когда мы перестаем сражаться и начинаем сомневаться.

Мангеллан презрительно фыркнул.

--- Фүрст --- всего лишь пешка. Наши боги одарили его физической силой, и теперь он служит у меня на побегушках. Посмотри на меня! Я поклоняюсь Хаосу всю жизнь. Ты видишь признаки мутации на мне?

--- Очевидно, твои признаки мутации внутри, --- прорычал Стил.

--- Прежде я думал, что меня недооценивают. Я много молился, чтобы ощутить прикосновение моих богов, и теперь знаю истину. Они признали мой интеллект, проницательность и силу воли. Им не нужно переделявать меня по своему образу и подобию, потому что я и так им безупречно служу. Боги покровительствуют мне во всем.

--- Знаешь, --- сказал Стил, --- когда я только узнал о тебе, услышал твое имя, я опасался, что мне придется столкнуться с серьезным противником. А ты, оказывается, просто ничтожный человечиска.

Улыбка Мангеллана впервые поблекла. Видимо, Стил задел его за живое.

--- У все-таки, --- проворчал верховный жрец, --- я сам управляю своей судьбой, чего нельзя сказать о тебе. А ведь ты можешь располагать властью в этом мире, Станислав Стил, --- властью, чтобы построить Ледяной дворец, подобный этому, и люди будут ползать у твоих ног.

--- Уж лучше я сяду голой задницей на вальхалльского матонта, --- огрызнулся Стил. --- Твои боги все равно тебя предадут, ибо так поступает с людьми Хаос, и в этом вся его сущность --- в предательстве и обмане. Сколько людей ты предал, чтобы оказаться здесь, Мангеллан? Ведь ты не возглавлял вторжение в улей Ыота, не так ли? Нет, ты предоставил это другим и ждал, когда они погибнут, чтобы самому захватить власть. Ты вообще когда-нибудь сражался вместе с ними?

--- Этим ты и отличаешься, друг мой. Пока ты глупо рискуешь жизнью на линии фронта, я остаюсь в тылу, наблюдаю и жду, когда подвернется удобный случай.

--- Например, найти костодесантника Хаоса, который будет готов тебе верно

служить? И тогда тебя здесь чуть больше зауважают, но лишь пока он на твоей стороне. Пока не поймет, что ты не можешь ему дать всего, что обещал.

--- Ты тоже послужишь мне, полковник Стил, если не как союзник, то как жертва -- приношение моим богам. Они будут рады заполучить твою душу и наградят меня за то, что я отдал ее им.

--- Воллькенгену ты уготовил такую же участь?

Это был дерзкий вопрос, и Стил не ожидал, что Мангеллан на него ответит, раскрывая свои карты в отношении исповедника. Однако верховный жрец улыбнулся и сказал:

--- Ваш исповедник -- благочестивый человек, а твое появление здесь доказывает, насколько он важен для вас. Если его послушать, он спас целую звездную систему для Императора. У такой человек падает с неба прямо в руки... Воистину, боги улыбнулись мне в тот день! А потом мне попался ты.

Мангеллан поднялся с каменного выступя и склонился над Стилом, почти

касаясь губами его уха. Стул попытался отодвинуться от него, но цепи сковывали его слишком туго. Полковника передернуло от отвращения. Он снова проверил состояние бионического глаза, но на дисплее застыли неутешительные цифры — тридцать пять секунд...

— Вся ирония в том, — произнес вполголоса Мангеллан, — что твои повелители совсем тебя не ценят. Они с легкостью пожертвовали твоей жизнью ради какой-то доли шанса, самой ничтожной, спасти важного для них святошу. Но я познакомился с вами обоими, поговорил и теперь знаю истину. Я знаю, что ты, полковник Станислав Стул, не в пример Воллькенгену, человек куда более стойкий и сильный.

— Это здесь, — сказал Палинев, глядя на компас. — Это должно быть здесь! — Но когда он осмотрел стены еще одного ничем не примечательного тоннеля, его голос зазвучал уже не так уверенно. — На крайней мере, я думаю... Если бы полковник был здесь...

— Ты еще ни разу не подводил нас, рядовой Палинев, — сказал Гавотский. — Если ты утверждаешь, что мы под Ледяным дворцом, значит, так оно и есть.

Грэйл протянул руку, чтобы коснуться крыши тоннеля, но тут же, поморщившись, отдернул ее.

— Лег обжигает! — воскликнул он. — Здесь гораздо холоднее, чем там, где мы столкнулись с тварью полчаса назад. Верно, Ледяной дворец наверху.

— Вопрос в том, — сказал Блонский, — где вход?

Михалев пожал плечами.

— Вряд ли он у них на самом виду, так? Возможно, в конце концов нам придется повернуть назад.

— Мы это уже обсуждали, — решительно произнес Гавотский. — На это уйдет слишком много времени. Проводники провели нас по большей части пути, и они уверяли, что здесь, внизу, есть вход во дворец. Мы просто должны его найти.

— Если мы его не найдем, я могу вернуться в часовню, — предложил Палинев. — Я смогу найти путь... по

крайней мере, думаю, что смогу. И приведу
нового проводника.

--- Возможно, --- сказал Гавотский, ---
но это последнее средство. Мы все видели,
что здесь творится, и я не хочу, чтобы
кто-то из нас ходил в одиночку. Пока я
предлагаю начать обыскивать тоннели от
пола до потолка. И помните, что нам
говорил Грэйл: Легяной дворец занимает
площадь не меньше квадратного
километра. Вход может быть где угодно в
этом районе. Кстати, еще помните и о
том, что во дворце находятся исповедники
Воллькенген и полковник Стил. Нас
отделяет от них тонкий слой каменной
кладки, и мы не хотим, чтобы это стало
препятствием для легяных гвардейцев
Вальхаллы. Вегь так?

Слова Мангеллана все еще
отдавались эхом в голове Стила, от этого
тошнота подступила к горлу.

Полковнику казалось, что он до сих
пор ощущает на своем ухе испарения
зловонного дыхания верховного жреца, и у
него буквально чесались руки от желания

готовятся и стереть их.

--- Я думаю, пора, --- нашенывал ему Мангеллан. --- Пора Воллькенгену оставить этот бранный мир и навсегда стать изрушкой Кхорна, Слаанеша, Тзинча, Нургла. Церемония начнется на рассвете, а это, как ты знаешь, обычное время для подобных ритуалов. Что ж, полковник Стил, может, соизволишь поприступить на церемонии? Это поможет тебе сосредоточиться.

Снова оставшись в одиночестве, Стил испустил первородный рев ярости и попытался вырваться из цепей, хотя знал, что ему их не разорвать.

Он ничего не мог сделать.

Поэтому полковник попытался хотя бы заснуть, чтобы, когда появится возможность, быть готовым к прорыву. Но дремать получалось урывками. Каждый раз его будили то невыносимая боль в мышцах и позвоночнике, то настойчивое тиканье внутреннего хронометра, то непрерывный стук падающих капель, доносившийся откуда-то снаружи.

Наконец полковник проснулся оттого,

что в катере скрипнула гверь.

Стилу снова ударил в глаза свет фонаря. На сей раз полковник не вздрогнул. Его левый глаз закрылся, защищаясь от яркого света, а правый, наоборот, мгновенно к нему приспособился. Сначала полковник не увидел в этом ничего особенного, и лишь спустя секунду понял, что это значило. Его взгляд сосредоточился на низкорослой сутулой фигуре, которая шаркающей походкой вошла в катеру, воровато оглядываясь через плечо.

--- Ну-ну, --- сказал Стил. --- Мангелланов нес сорвался с привязи?

Фюрст зарычал на него. Мутант едва доставал головой до подбородка Стила, и это учитывая, что полковник был связан в согнутом положении.

--- Ты можешь оскорблять меня как угодно, но ты горько пожалеешь о том, что порочил моего повелителя. Ты будешь у меня кричать и молить о смерти. --- Мутант снова вытащил свой нож и стал размахивать им прямо перед глазами пленника, но Стила больше

заинтересовало то, что он держал в другой руке.

— Мангеллан не знает, что ты здесь? — спросил полковник. — Вот она, верность еретиков.

— Повелитель будет благодарен мне за то, что я разгелался с его врагом. Он увидит, что я тоже могу проявлять инициативу.

— Неужели? Я знаю, что ты пытаешься быть похожим на него, Фүрст, — быть таким же предателем, как он. Но последнее, что будет терпеть предатель, получивший власть, — предательство других. Он раздавит тебя, Фүрст, как мерзкого клопа, коим ты и являешься.

Подстрекательство Стила сработало. Фүрст подошел вплотную к полковнику и дотянулся острием ножа до его лица. Дыхание мутанта было возбужденным и прерывистым, и Стил почувствовал, как он, сопя и брызгая слюной, уперся связкой ключей ему в живот.

— Присоединись к нам или умри, —

пробулькала Фүрст. --- Такой выбор
предоставил тебе мой повелитель. Я могу
его облезчить --- вырежу этим ножом знак
Хаоса Негелитого на твоем лице.

--- Поступай как хочешь, --- спокойно
сказал Стил. --- Но хватит ли у тебя
храбрости, Фүрст, при этом смотреть
мне в глаза?

ГЛАВА

ШЕСТНАДЦАТАЯ

До уничтожения

Крессиды 9 часов 53

минуты 21 секунда

Мутант Фүрст даже не успел вскрикнуть: разряд из бионического глаза Стила поразил его прямо в лицо и обжег кожу. Опаленные волосы встали дыбом, разинутый рот скривился в злобной ухмылке. Мутанта отбросило к каменной стене. Ударившись затылком, Фүрст сполз на пол. Его глаза закатились, язык вывалился изо рта, и на стене остался кровавый след.

Ключи оказались у Стила. Перед тем как выпустить из своего глаза разряд, он прихватил их двумя пальцами, правда, чуть было не выронил, когда Фүрста отбросило к стене, но все же удержал, вырвав их из руки мутанта. Полковник

аккуратно собрал всю связку ключей в ладонь и, с трудом сдерживая нетерпение, стал подбирать нужный ключ.

В связке было девять ключей. Фонарь Фюрста погас, когда мутант упал, и Стилу пришлось на ощупь изучать форму каждого, пока не нашел тот, что подходил к замку от цепей. Если согнуть левое плечо, протолкнуть локоть назад и вывернуть руку, можно почти дотянуться до замка. После некоторой возни и пары неудачных попыток Стилу все же удалось достать ключом до замка, и его зубцы со щелчком вошли в заточную скважину. Это был самый приятный звук из всех, которые Стил слышал за весь день.

Наконец цепи упали. Ноги подкашивались, и Стилу пришлось собраться в кулак всю свою волю, чтобы не рухнуть на пол. Он подкрался на четвереньках к Фюрсту, взял его нож и фонарь и, пошатываясь, вышел через открытую дверь в пещеру, служившую коридором. Правый бионический глаз снова ослеп, но аулгментический слух подсказывал полковнику, что, к счастью, кроме него, в

коридоре никого нет.

Несмотря на лютый холод, Стил весь горел. Нащупав сырую неровную стену, полковник прислонился к ней, чтобы хоть немного остудить лоб и дать мышцам время привыкнуть к нормальному состоянию. Вода, сконденсировавшаяся на стене, была фиолетовой от плесени, и хотя у полковника в горле пересохло от жажды, он не рискнул ее пить.

Когда Стил почувствовал, что может крепко стоять на ногах, то зажег прихваченный фонарь и отправился изучать обстановку. Он разглядел шесть дверей, ведущих в камеры, но пещера изгибалась, разделяясь на множество коридоров и ниш, недоступных взору. Настроив свои акустические слуховые сенсоры, Стил расслышал дыхание узников, находившихся за дверьми. Одни из них спали, время от времени похрапывая, другие вздрагивали, звеня цепями, а кто-то тихо рыдал.

В каждой двери было маленькое смотровое окошко, закрытое на металлический засов. Стил открыл

ближайшее из них и осветил в камеру фонарем, чтобы разглядеть узника. У него оказался имперский гвардеец, одетый в лохмотья, в которые превратился его красный с золотом валигийский мундир. Он был закован в цепи, как и Стил и, судя по запаху, находился тут давно.

— Помоги... мне... Рагу Императора, помоги... — прохрипел валигиец, утешаясь, уставившись на Стила.

Испытывая некоторое сожаление, Стил закрыл дверь, предоставив несчастного его участи. Валигиец стал бы для него обузой, скорее помехой, чем помощью. «Его страдания скоро закончатся, — сказал себе Стил. — Как только упадут вирусные бомбы».

Он открыл другое смотровое окошко, и на дверь сразу же бросилось что-то тяжелое. Стил инстинктивно отскочил, едва избежав удара когтистой лапы, высунувшейся из отверстия. Полковник стукнул по лапе железным засовом, и ее владелец, мутант, покрытый серой шерстью, с визгом отдернул ее.

Злобная тварь была еще целую

минуту, и Стилл проклинал про себя этот бой. Укрывшись, насколько возможно, за каменным выступом, он уже подумывал бежать обратно в камеру и спрятаться там.

Зрячим глазом полковник неотрывно смотрел на лестницу, ожидая, что сейчас на ней появятся гвардейцы-предатели. Оглядевшись в поисках оружия, с которым можно было бы их встретить, Стилл не нашел ничего, кроме камней. Он подобрал несколько на всякий случай, но с облегчением понял, что их не придется использовать. Вопли мутанта перешли в тихое хныканье, и Стилл подумал, что предатели давно привыкли слышать доносившиеся отсюда крики мучеников и не утруждают себя выяснениями.

Пленника в третьей камере Стилл узнал сразу.

Прежде он видел его только раз, и то на голографическом портрете, но успел подробно изучить изображение и занести в свою аугментическую память. Исповедник Воллькенген выглядел более худым, чем на голограмме. К тому же сейчас он был

обезвожен, из-за чего его кожа натянута, как пергамент, но костная структура осталась прежней. Выступающая нижняя челюсть узнавалась безошибочно. Голографический снимок, который сейчас рассматривал Стил, был сделан давно, и исповедника запечатлели на нем в расцвете сил.

К удивлению Стила, Воллькенген не был скован цепями: он лежал, свернувшись на грязной подстилке, и спал. Вокруг его головы рассыпались пряди белых волос. Стил начал ворошить связку ключей, изъятую у Фюрста, и снова чуть было не выронил ее — руки дрожали от волнения. Открыв дверь, он вошел в камеру, склонился над лежащим узником и слегка встряхнул его, чтобы разбудить. Воллькенген сначала никак не среагировал, и Стил испугался, что исповедник уже мертв и весь путь сюда был проделан напрасно. И только когда он слегка похлопал Воллькенгена по бледным щекам, веки исповедника задергались, и он, тихо постанывая, перевернулся на спину.

— Исповедник Воллькенген?! Все в

порядке. Я пришел, чтобы вытащить вас
отсюда. Вы слышите меня?

Стул встревоженно оглянулся через
плечо. Он не знал, сколько времени у него
осталось. Кто-то должен был знать, что
фюрст спустился сюда, а если и не знали,
то наверняка обнаружили пропажу связки
ключей и начали ее искать.

Стул положил правую руку
Воллькенгена себе на плечи, обхватил его
вокруг пояса и поднял на ноги.

— Нам нужно найти для вас немного
воды, — сказал он ему на ухо. — Нам обоим
нужна вода.

Выведя Воллькенгена из камеры,
Стул пошел с ним по коридору. Он был рад
видеть, что исповедник начал
реагировать и к нему возвращаются силы,
но в то же время опасался, что этих сил
не хватит.

— Кто... кто вы? — хрипло спросил
исповедник.

— Полковник Станислав Стул,
Вальхалльский триста девятнадцатый
полк.

— Они... послали целый полк, чтобы

спассти меня? — Казалось, эта мысль позабавила Воллькенгена, правда, Стилленик никак не мог понять почему. Исповедника схватил приступ захлебывающегося смеха, вызванный то ли чувством облегчения, то ли истерическим неврозом, развившимся на почве голода. — Я говорил Мангеллану. Я говорил ему, что Хелмата Воллькенгена не оставят гнить в этих темницах, он слишком важен...

— Экклезиархия чрезвычайно заинтересована в вашем возвращении, исповедник, — сказал Стилленик. Он решил, что лучше пока не озвучивать то, что с собой он привел отнюдь не весь полк.

Воллькенген пытался вырваться из его рук и идти самостоятельно, хотя явно не смог бы.

— Где они? — пролепетал он. — Где ваши люди? Я хочу обратиться к ним с проповедью. Они должны знать, чего от них ждут, и слушать меня... Я смогу вдохновить их, превратить в героев...

— Я знаю, исповедник, но...

Воллькенген развернулся к Стилле, схватил его за лацканы разорванной

шинели и напряженно посмотрел ему в глаза.

--- Знаете, что самое плохое и мучительное в пребывании в плену? Столько времени для раздумий, и все же... Вам рассказывали о Системе Артемиды? Говорят, если бы не мои проповеди, их многочисленные миры подгались бы скверне Хаоса и были бы потеряны навсегда...

--- Мне известно о вашей блистательной карьере, -- сказал Стил. -- Но сейчас мы должны...

--- Что я без моих слушателей? Что я без моего голоса?

--- Мы найдем вам слушателей, -- пообещал Стил, -- но не здесь. Мангеллан...

--- Как он умер? Лазерный заряд? Граната? Дожил ли он до момента, когда его Ледяной дворец пал? Представляю, какое это было зрелище! Правда? Как вы разрушили стены -- растопили их? Вода течет по улицам, стывая кровь... О, я знал, что вы придете и убьете Мангеллана, я так ему и сказал.

Голос Воллькенгена становился все

более грозным и резким, и Стил уже не мог прервать исповедника. Чтобы сдержать словесный поток, он зажал исповеднику рот рукой, попросив у Императора прощения за такую непочтительность.

— При всем уважении к вам, сэр, — прошипел он, — хочу сообщить, что дворец Мангеллана не пал, и если мы будем штурмовать, его люди окажутся здесь через секунду. Мы должны выбраться отсюда, и это нужно сделать тихо. Понятно?

Воллькенген отчаянно закивал. Казалось, он теперь побаивался своего спасителя, зато, похоже, понял, что от него требуется. Стил убрал руку и повел исповедника по ступенькам. Когда они поднимались по лестнице, стало ясно, насколько в действительности слаб Воллькенген: поскользнувшись на густой плесени, он едва не упал в нее лицом — Стил успел его вовремя подхватить. С каждым следующим шагом толковнику все больше казалось, что сейчас они оба потеряют равновесие и свалятся с лестницы.

Тем не менее им как-то удалось добраться до верхних ступенек. Усадив исповедника, Стил предупредил, чтобы тот соблюдал тишину, а сам включил фонарь, прижался к стене рядом с дверью, через которую его втащили сюда почти четыре часа назад, и выглянул в огромный коридор Ледяного дворца.

Он лелеял надежду на то, что коридор окажется пуст, что часовые не будут стоять ночью на посту, хотя знал, что это маловероятно. Он почти сразу услышал шаги пары гвардейцев-предателей и снова скользнул в тень. Предатели едва успели пройти мимо, как с противоположной стороны показалась следующая пара.

Мангеллан установил постоянное патрулирование. «Забавно, — подумал Стил. — Проповедники Хаоса еще способны так быстро отдавать приказы?» Это говорило о том, что не было смысла вычислять интервалы между обходами патрулей, ибо вряд ли они были настолько дисциплинированы.

Пройти коридор незамеченными не

было никакой надежды. В любом случае опускная решетка наверняка охранялась. Но Стил понял, что верхние уровни дворца соединяются с улицами улья ледяными мостами. Он закрыл глаза, сосредоточился и вспомнил еще кое-что, на что едва обратил внимание, когда его тащили во дворец, — полукрытую дверь, ведущую к винтовой лестнице.

Чтобы вовремя услышать приближение патрулей, пришлось лечь на усиленный асфальт, ну и на милость Императора, конечно, — чтобы охранники у входа не обернулись и не увидели его с Воллькенденом, когда они выйдут наружу. Стил все же думал, что они смогут добраться до той двери, а уж там...

Дворец представлял собой огромное здание, в котором должны быть места, подходящие для укрытия. Может, удастся добыть оружие и одежду предателей, чтобы замаскироваться. Возможно, получится найти неохраняемый проход. Да все что угодно... лишь бы добраться до той двери.

Присев рядом с Воллькенгеном, Стилл рассказал ему о своем плане и спросил, в состоянии ли он следовать ему. Воллькенген пристально посмотрел на него и снова пустился в разглазольствования:

— Такой величественный вид, не правда ли? Весь этот лег... напоминает мне празднование победы на Артемиде Майор. Хрустальные статуи, воздвигнутые на Имперской площади...

Стилл снова терпеливо объяснил план, затем помог Воллькенгену встать и подойти к дверному проему, а сам стал ждать.

Они прокрались вслеп за очередными звуками патрульными. Стилл молился, чтобы никто из предателей не оглянулся. Он уже слышал, как к ним приближается следующая пара. Его процессоры быстро произвели вычисления: у них есть всего одиннадцать секунд, прежде чем на большой лестнице появится следующий патруль. Стилл попытался ускорить шаг, но именно в этот момент у Воллькенгена окончательно ослабли ноги. Стилл

подхватил исповедника под руки, тот застонал, и полковник почувствовал, как его сердце затерло в ожидании звука, означавшего, что их обнаружили.

Пять секунд... Но дверь, эта манящая к себе дверь, была недосыгаема — в четырех метрах от них.

Подбородок Воллькенгена опустился на грудь. Исповедник терял сознание, но они уже зашли слишком далеко, чтобы повернуть назад. Понимая, что теперь придется бежать, жертвовать тишиной ради скорости, Стул подхватил обмякшее тело исповедника на руки, едва не пошатнувшись под его тяжестью.

Полковник успел сделать всего три шага, и Воллькенген начал отчаянно вырываться из его рук.

— Нет! — кричал исповедник. — Вы не понесете меня в ту дверь, не закроете снова в цену!

Стул снова зажал ему рот рукой, но было поздно.

Воллькенген вырвался и попытался встать, вместо чего, упав на колени, пополз к ледяной статуе злобно

ухмылявшегося и похожего на гаргюлью существа.

--- Помоги мне! --- воззвал он к ней, протягивая руки, словно в молитве. --- Это твой долг --- помочь мне рагу Императора, рагу множества миров, которые я освободил...

Он много чего еще сказал. Но Стилу этого уже не слушал: гвардейцы-предатели набросились на них со всех сторон, даже из той двери, через которую он надеялся бежать. Если бы Стил был в состоянии сражаться, ему бы все равно не удалось одолеть всех врагов. Сбежать тоже.

Стила и Воллькенгена волокли по бесконечным коридорам. Сопровождавшая их толпа врагов постоянно пополнялась новыми культистами и гвардейцами-предателями, которые выбегали из своих комнат либо покидали посты, спеша присоединиться к быстро двигающемуся потоку тел, несшему двух пленников.

Стил не произнес ни слова, стоически приняв свою судьбу, но Воллькенген впадал в безумие. Он тахал толпе руками,

благодарил ее и уверял, что нет необходимости проводить парад, ибо то, что сделал он, сделал бы любой другой человек, будь у него такие же выдающиеся способности.

Наконец их притащили в большой внутренний двор, окруженный четырьмя высокими стенами с сотнями окон. По краям росли ледяные деревья, достигавшие высоты в сто этажей. Их переплетенные друг с другом ветви раскинулись над всем двором. Сквозь запутанную ледяную паутину проникали лунные лучи, освещая двор прохладным голубым светом.

Среди всей этой толпы был один культист, который стоял и наблюдал за происходящим, изо всех сил стараясь не соприкоснуться с окружающими. Он натянул на голову капюшон, чтобы скрыть лицо и не привлекать внимания. Когда толпа выкрикивала антиимперские лозунги, он притворялся, что тоже кричит, хотя не мог заставить себя произнести эти слова.

В центре двора возвышался огромный каменный помост, из которого

поднималась легкая колонна ---
восьмиконечная, как звезда Хаоса, --- и на
ней были выгравированы знаки; от их вида
ломотило глаза. К этой колонне приковали
цепями Стила и Воллькенгена.

Наконец появился Мангеллан в
сопровождении некоей внушительной
фигуры. Одинокий культист сразу узнал
костодесантника Хаоса и понял, что с
момента их последней встречи тот явно
успел побывать в бою. Черная силовая броня
костодесантника была повреждена, лицо
окровавлено. Толпа расступилась перед
ним, даже еретики шарахались в сторону
от этого чудовища.

Вслед за Мангелланом плелся
шаркающей походкой его отвратительный
слуга --- тот самый мутант-коротышка, с
перебинтованной головой. Одинокий
культист услышал, что мутанта звали
Фюрст и что он не шибко умен, однако
Мангеллан благоволил ему, видимо, по
этой самой причине. После попытки побега
Стила и Воллькенгена ходили слухи, что
Фюрст их выпустил. Казалось, Мангеллан
либо не верил слухам, либо ему было все

равно.

Когда верховный жрец поднялся на помост, Воллькенген, казалось, узнал его и, поняв, куда он попал, начал кричать и биться в цепях. Мангеллан, не обращая на него внимания, повернулся к толпе и поднял руки, требуя тишины. Через секунду шум стих, и Мангеллан вызвал отряд гвардейцев-предателей, приказав им патрулировать двор до конца ночи и сторожить пленников. Костогесантник Хаоса занял позицию в углу помоста, и, казалось, также намеревался здесь остаться.

--- Наши гости больше не беспокоят нас, --- уверил Мангеллан свою паству. --- Наши планы остаются без изменений. Через четыре часа мы снова соберемся здесь и начнем ритуал. С первыми лучами рассвета принесем в жертву богам не одну, а две благородных души.

Для одинокого культиста этого было достаточно.

Толпа кричала и гудела, одобряя план Мангеллана. Культист с неожиданной легкостью протиснулся сквозь толпу и

направился к арке, через которую большинство еретиков вошли во двор. Он не хотел уходить первым и напряженно ждал до тех пор, пока толпа не стала расходиться парами и тройками по своим комнатам и постам, обсуждая предстоящее зрелище.

Он восстанавливал в памяти свой путь по Ледяному дворцу, стараясь не подавать виду, что очень спешит. Наконец стоявшие вокруг него культисты разбрелись по лестницам, и он, воспользовавшись тем, что рядом никого нет, нырнул в узкий и темный боковой коридор. В отличие от хорошо протоптанных путей в остальных частях дворца пол там был гладкий и скользкий.

Железная дверь примерзла к ледяной раме, и культисту пришлось хорошо постараться, чтобы ее открыть. Он вышел на каменную лестницу и достал из-под своего одеяния фонарь, чтобы осветить путь, ведущий в сырую пещеру.

Насколько он мог судить, эта неестественная система занимала все пространство под Ледяным дворцом. После

долгих поисков пути он был вынужден признать, что в ту ее часть, где находились темницы, а также винные погреба и сокровищницы с трофеями, добытыми армией Хаоса в недавней победе, можно проникнуть лишь из самого дворца. Но эта пещера никак не использовалась. Культист не обнаружил ни единого признака того, что кто-то успел побывать здесь до него. Он с облегчением сбросил с себя черный культистский плащ, снятый с мертвеца, и снова стал солдатом Палиневым, бойцом Имперской Гвардии.

Палинев протиснулся сквозь нишу в каменной стене в тесную пещерку. Здесь, где его не было видно с лестницы, лежал раздетый труп еретика с перерезанным горлом. Видимо, тот совершил фатальную ошибку, не вовремя войдя не в эту дверь, к тому же оказался примерно одной комплекции с Палиневым.

В стене этой маленькой пещеры была пробита дыра. Чтобы протиснуться сквозь нее, Палиневу пришлось лечь на живот. Он спускался ногами вперед, и когда до пола

оставалось полметра, прыгнув в тоннель, приземлившись на шаткий и скользкий от сточных вод кирпичный выступ. Вокруг него сразу поднялись темные силуэты.

Посветив фонарем, он увидел своих товарищей. Встретив разведчика, Анакора и Михалев почувствовали облегчение и в соответствии с приказом быстро разбудили спящего сержанта Гавотского. Легяные гвардейцы, воспользовавшись возможностью незаметно отдохнуть, расположились на каменном выступе, где ждали результатов разведки Палинева, хотя, естественно, оставили двох часовых.

Всех обрадовала новость, что Воллькенген и Стил живы. По сравнению с этим известием вопрос о том, как их спасти, казался второстепенным. Палиневу пришлось напомнить всем, что им еще много нужно сделать.

— Мы могли бы пойти туда прямо сейчас, — сказал Гавотский. — Но, как я понял, полковника с исповедником хорошо охраняют, а мы устали как собаки. Мы не сможем уничтожить два отряда

предателей, прежде чем они поднимут тревогу и окружают нас. Я предлагаю подождать, когда начнется ритуал. Но крайней мере, мы будем знать, где находится большинство еретиков, и что их внимание отвлечено. Нам предстоит пробежка по дворцу.

--- Пока не дойдем до внутреннего двора, --- заметил Михалев, как всегда, первым высказываясь на тему осторожности. --- Затем придется пробиваться сквозь еретиков, а их там несколько сотен на одного нашего.

--- Ты прав, --- сказал Гавотский со спокойной улыбкой. --- Они даже не успеют глазом моргнуть, как будут убиты.

ГЛАВА

СЕМНАДЦАТАЯ

До уничтожения

Крессиды 4 часа 22

минуты 14 секунд

Стилу хотелось заглушить все чувства. Ему не хотелось слышать завканье еретиков, которые сотнями набивались во внутренний двор, стояли в арочных проходах и даже свисали из окон. Ему не хотелось ощущать прикосновения собравшихся вокруг него культистов, рисовавших для церемонии на его лице и груди мерзкие символы. Ему не хотелось вдыхать зловонный дым курильницы, которой фюрст размахивал у него перед носом, словно это был какой-то трофей, или ощущать зловещее присутствие костодесантника Хаоса, стоявшего за его правым плечом.

И больше всего Стилу не хотелось

слышать Воллькендена, который, как и он, был прикован цепями к восьмиконечному ледяному столпу и скулил, утмляя о пощаде. Так называемый спаситель системы Артемиды своим поведением покрывал позором свою легенду.

Стил не боялся смерти. Даже сейчас он с радостью отдал бы жизнь ради освобождения исповедника. Но он не представлял для себя худшей смерти, чем эта, — умереть, провалив задание.

Полковник закрыл свой зрячий глаз, пытаясь стереть все из своей памяти и мысленно вернуться в более счастливое время, к более светлым мгновениям и иной церемонии. Ему казалось, что с тех пор, как он стоял рядом с «Термитом», склонив голову и принимая благословение имперского священника, прошло несколько месяцев, хотя на самом деле это случилось немногим более полутора суток назад.

Знала ли Экклезиархия, что это станет его участью? Разве для того они освятили его душу, чтобы она досталась богам Хаоса? Он молился, чтобы это было

так. Молился настолько усердно и громко, насколько мог, пытаясь наполнить свой разум воодушевляющими словами молитвы.

--- Твой Император не спасет тебя, --- злорадно прошипел Фюрст Стилу в ухо.

Хозяин мутанта, Мангеллан, тоже был на помосте. Он театрально расхаживал вокруг пленных с важным видом, помахивая скипетром. Его голос становился то тише, то громче, когда он нараспев произносил слова на древнем зловещем языке --- слова, которые Стил не понимал и не хотел понимать. Стил знал, что аугментика его мозга не позволит ему забыть эти слова, и не хотел, чтобы они стали его частью. Это были мрачные, холодные слова, искажавшие пространство и открывавшие путь в некую зловещую реальность.

Стил чувствовал, что слова вот-вот закончатся. Наконец Мангеллан, держа в одной руке скипетр, а в другой украшенный драгоценностями кинжал, указал на колонну, к которой были привязаны приготовленные для жертвоприношения

полковник с исповедником, и толпа пришла в неистовство.

Он подошел к Стилу, приставил острие кинжала к его груди и провел им по нарисованному на ней нечестивым символом.

— Тебе следовало присоединиться к нам, когда я дал тебе такую возможность, — вздыхая, произнес он своим вкрадчивым и сладким голосом. — Как жаль, что такой негибблемый дух, такой разум ты потратил впустую, служа всю жизнь столь неблагодарному повелителю. Ты мог бы стать тем, кем всегда хотел стать, Станислав Стил.

— Я был тем, кем хотел быть, — ответил Стил, глядя ему в глаза.

В этот момент на кинжале Мангеллана сверкнул луч солнечного света, проникший во двор сквозь завесу ледяных ветвей над головами, и Мангеллан поднял клинок, показывая его толпе перед тем, как вонзить в первую жертву.

— Начинайте же, повелитель, — нетерпеливо выдохнул Фюрст. — Скорее

вырежьте из сердца!

И тут взорвалась первая бомба.

Грэйл с Палиневым прекрасно выбрали момент. Надев на себя добытые плащи культистов, они направились в сторону потоста, рассчитав время так, чтобы добратся до Воллькенгена и Стила, пока культисты не успели заметить, что в их рядах добавились еще двое, и не начали задавать вопросы.

Взрыв, раздавшийся во внутреннем дворе, испепелил в огромной вспышке огня десятки еретиков. Они даже не заметили, что среди них были замаскированные враги. Михалев удачно установил свой подрывной заряд: острые как бритва ветви свух рухнувших ледяных деревьев посыпались не на потост, а на толпу, врезаясь в тела, отсекая головы и конечности. Грэйлу оставалось лишь надеяться, что его товарищ не оказался среди жертв и успел выбраться. Теперь Грэйл сосредоточился на собственной задаче: замаскировав под плащом свой лазган, он нацелил его ствол на цепи

Воллькенгена.

Еретики с дикими воплями шархнулись от места взрыва... Туда, где через секунду прогремел второй взрыв. Толпу во дворе охватила паника. Никто из еретиков не знал, куда бежать, и они давили друг друга, пытаясь бежать куда-нибудь.

Грэйл почувствовал, как ему на плечо опустилась чья-то рука. Обернувшись, он заметил культиста, явно что-то заподозрившего. Увидев под капюшоном лицо чужака, еретик вытаращил глаза. Он уже собирался крикнуть, надеясь, что костодесантник Хаоса со своим усиленным слухом расслышит его среди шума, но едва успел раскрыть рот, как два лазерных луча пробили ему голову, третий попал в плечо, и культист упал.

Из окружающих двор окон раздалась новая лазерная выстрелы. Культисты, стоявшие на помосте, с криками бросились в рассыпную, предпочитая сгинуть в толпе, нежели оказаться легкой добычей. Грэйл толпился, чтобы его товарищи не приняли его с Палиневым за врагов.

Остальные вальхалльцы сосредоточили огонь на Мангеллане, которого гвардейцы-предатели в тот момент уводили со ступеней помоста, надежно заслоняя броней. Вслед за ним семенил Фүрст, тоже пытаясь укрыться, хотя, казалось, предатели его даже не замечали.

Еще там был костогесантник Хаоса. Преодолев огнем мощным прыжком расстояние от помоста до края двора, он бросился на стену и принялся пробивать углубления во льду. Затем, цепляясь за них, начал подтягиваться вверх. Грэйл увидел, как побледнел Блонский, когда прямо перед ним за подоконник ухватилась рука в бронированной перчатке. Вальхаллец ударил костогесанника прикладом по пальцам, но стряхнуть не смог. Тогда Блонский повернулся и побежал, исчезнув из поля зрения Грэйла, а его преследователь протиснул свою массивную тушу сквозь узкое окно и встретился за ним.

Во всеобщей панике никто не вспомнил, что пленники, коим было

назначено стать жертвами, остались без охраны. Возможно, Мангеллан думал, что они достаточно хорошо охраняются, и не понимал, что его враги уже добрались до них. Наконец лязган Грэйла прожег цепи Воллькенгена, и исповедник упал ему на руки.

--- Сейчас моя очередь говорить? --- слабым голосом произнес исповедник. --- Надо сказать, я ожидал от солдат большей дисциплины. Очевидно, я отсутствовал слишком долго. Так плохо, что в наши дни не хватает хороших командиров.

--- Пожалуйста, исповедник, --- сказал Грэйл. --- Я пытаюсь спасти вас. Просто... стойте спокойно... сэр, пожалуйста... Мне необходимо накинуть на вас этот плащ.

--- Уберите от меня руки! --- вдруг завопил Воллькенген. Он оттолкнул Грэйла, шатаясь, поднялся на ноги и стал озира́ться по сторонам, как испуганный кролик, готовый пуститься в бегство.

Но тут к Воллькенгену подошел освобожденный Палиневым Стил и оглушил исповедника ударом по голове. Грэйл с Палиневым в немот изумлении

смотрели, как полковник взвалил
бесчувственное тело исповедника себе на
плечи.

--- Ну? --- крикнул он им. --- Мы
выбираемся отсюда или как?

Баррески едва мог дышать.

Клубы дыма, поднятые взрывами,
оседали на толпу во дворе. Оказавшись в
самой гуще поклонников Хаоса, Баррески
не мог свободно двигаться: локти
врезались ему в живот и под ребра. Он
держался изо всех сил, зная, что стоит
хотя бы на секунду расслабиться, и его
раздавят или затопчут.

Но у него было одно преимущество
перед еретиками: он знал, где заложены
бомбы, --- или, по крайней мере, у кого они
были, потому что у Михалева оставалось
только два подрывных заряда, и они оба
уже взорваны. Один заряд установил сам
Баррески, и остался доволен своей работой
--- учиненной кровавой расправой.

Какой-то незадачливый культист
полетел, сбитый с ног, прямо на Баррески.
Ледяной гвардеец воспользовался

возможностью вонзить ему в сердце нож, и тот соскользнул ему под ноги. «Одним меньше» — подумал он.

Но тут толпа, казалось, пришла к неожиданному согласию. Еретики перестали толкать друг друга и начали дружно двигаться к арке, через которую хотели покинуть двор. Когда один из культистов все же запротестовал, Баррески забрался ему на плечи и крикнул толпе:

— Еще одна бомба! Смотрите! Вон она! Видите? В ветвях дерева!

Никто бомбы не видел, потому что ее там не было. Но слов Баррески было достаточно, чтобы заставить многих еретиков повернуть назад, против хода толпы, и посеять еще большую панику.

Взглянув на потоп, Баррески увидел, что там пусто: Грэйл с Малиневым, забрав Стила и Воллькенгена, видимо, уже направлялись к ранее намеченному выходу, и Баррески быстро прошептал молитву об их безопасности. Пора было выбираться самому.

Малинев выбрал для Баррески другой

выход, ближе к тому месту, где тот сейчас находился, — в направлении канализационного тоннеля — и убедился, что танкист запомнил направление. Расталкивая толпу локтями, Баррески начал пробираться к выходу.

И тут буквально в нескольких метрах от себя он увидел Мангеллана, перед которым гвардейцы-предатели расчищали путь, используя при необходимости лазганы. Баррески не мог устоять перед таким искушением. И хотя он знал, что может выдать себя, все равно вытащил из-под плаща лазган и, переключив его на непрерывный огонь, выпустил в верховного жреца десять лазерных лучей.

Гвардейцы-предатели отреагировали быстро, еще лучше прикрыв собой Мангеллана. Их броня отразила большую часть лазерных лучей... Но один луч все же попал Мангеллану в лицо. Баррески издал победный крик, увидев, как тот корчится от боли, закрывая ладонями глаза. Теперь танкисту следовало позаботиться о собственной безопасности — к нему уже

направлялись гвардейцы-предатели, и нужно было снова затеряться в толпе. Баррески опустил голову, пытаясь ускользнуть среди массы еретиков в таких же черных плащах, но вдруг перед ним встал мускулистый культист с ножом в руке.

--- Ты видел его? --- закричал Баррески, указывая назад. --- У него была бомба, и он шел за верховным жрецом. Он убил бы его, если бы я не... Смотри, тебе нужно защищаться! --- Он всучил культисту свой лязган, пока тот смотрел на него, разинув рот, и пытался понять, что все это значит.

Баррески тут же скрылся, а культист остался стоять с лязганом в руках. На него-то и наткнулись гвардейцы-предатели, появившиеся здесь через секунду.

--- Костогесантники! Они приближаются ко входу!

Пожару все это было ненавистно. Он занял позицию возле одной из дверей под аркой, ведущей во дворец: его задачей было,

по возможности, держать этот проход свободным, чтобы Стил с Воллькенденом могли через него уйти. А это означало притворяться одним из еретиков и, что не менее отвратительно, изображать из себя напуганного. Но Гавотский не позволил ему возражать.

Впрочем, не так много культистовшло через эту дверь. Михалев и Баррески установили подрывные заряды так, чтобы познать еретиков в противоположном направлении. А из тех, кто пытался пройти мимо Пожара, при виде изображаемой им паники почти половина поворачивала назад. Но были и такие, которые либо не слышали его, либо настолько спешили убраться со двора, что их уже ничто не могло остановить. Когда один из культистов врезался в Пожара, вальхалльцү пришлось собрать всю свою волю, чтобы не достать лазган и не начать стрелять.

--- У них... у них ценные мечи! --- отчаянно кричал он вслед бегущим. --- Пушки! Огромные пушки!

--- Пожар!

Он обернулся, услышав свое имя, но сначала не увидел, кто его зовет. Двор буквально кишел силуэтами в черных плащах, и было почти невозможно разглядеть, кто из них — его товарищи. Потом он узнал тонкий силуэт Палинева, рядом с ним, должно быть, Грэйл. А между ними...

Метнувшись вперед, Пожар нырнул в толпу и начал помогать Палиневу поднимать бесчувственного Воллькенгена. Повязку с правой руки он снял, объявив себя выздоровевшим, но напряжение мышц вызвало в руке острой болью.

— Что случилось? — спросил Пожар. — Что-то пошло не так?

— Все в порядке, солдат, — задыхаясь, произнес Стил и, опираясь на Палинева, поднялся на ноги. — Просто я переоценил свои силы. К тому же устал. Может, вы с Грэйлом... позаботитесь об исповеднике Воллькенгене вместо меня?

Пожар с радостью принял на себя эту ношу. Вдруг он услышал, как поблизости раздался выстрел, и, обернувшись, увидел, что сквозь толпу к ледяным

зваргейцам пробивается отряд зваргейцев-предателей. Они размахивали лазганати и стреляли в воздух. Еретики расступались перед ними.

Пожар схватил свой лазган и крикнул Грэйлу и Палиневу:

--- Удите! Уведите отсюда полковника и исповедника! Я их задержу!

И открыл огонь --- не вверх, а прямо в толпу перед собой. Культисты были захвачены врасплох. Они падали, как домино, каждый выстрел поражал минимум троих. Культисты волной отхлынули назад, в сторону зваргейцев-предателей, угрожая сбить их с ног. Те пытались отстреливаться, но между ними и Пожаром неистовствовала огромная толпа, из-за которой их выстрелы поражали своих же.

Пожар мог убежать вслеп за остальными. Он задерживал преследователей достаточно долго, чтобы его товарищи успели спастись, и теперь мог бы воспользоваться этой возможностью. Конечно, он мог бы убежать...

Культисты, отделившиеся от Пожара от гвардейцев-предателей, начали приходить к нему в себя и увидели, что враг находится среди них. Поняв, что теперь ему не скрыться, они набросились на него всей толпой. Лишь немногие были обученными бойцами, к тому же половину толпы составляли женщины. Но на их стороне было огромное численное превосходство. Они били ледяного гвардейца, вцеплялись в него когтями, тянули вниз. Пожар увидел, как сверкнуло лезвие ножа, но не мог увернуться от удара. Нож разорвал синтетическую кожу на животе — там, где тварь из канализации проявила его свои инстинкты. Толпа, вырвавшаяся из его рук, разлетаясь, обрушивала на его голову удар за ударом. Он и сам не понимал, что не дает ему упасть, но знал лишь одно: пока он стоит на ногах, будет сражаться.

Пожар кружил вихрем, отбиваясь руками и ногами от врагов, пытавшихся его схватить. В левом кулаке он сжимал свое последнее оружие — осколочную гранату, которая должна была обрушиться на толпу за Стилом и другими ледяными

гвардейцами, задержать тех, кто
попытается их преследовать, и
отправить вместе с ним на тот свет
еретиков. То же самое он собирался
сделать, когда сражался в улье Альфа два
дня назад.

Пожар подумал, не для этого ли
случая Император сохранил ему жизнь? Он
хотел верить в это. Но колючая серая
шерсть, которой заросла вся его грудь,
теперь распространилась на спину, и он
больше не мог открывать свою правую
руку. Пальцы на ней скрючились, ногти
стали заметно длиннее, и Пожар знал в
глубине души, что его бог не имеет к
этому никакого отношения.

Пожар шел в этот бой отнюдь не с
намерением погибнуть. Но крайней мере, у
него не было таких мыслей. Но теперь его
тайну хранил лишь черный плащ
культиста, и ему была невыносима мысль
о том, как посмотрят на него товарищи и
что они скажут, когда плащ будет
сброшен.

Гвардейцы-предатели были совсем
рядом. Еще несколько секунд, и они

прикончат его одним метким выстрелом.
Он активировал гранату и попытался
заманить гвардейцев-предателей к арке.

«Так будет лучше», — подумал он.

Пусть тело будет разорвано на куски
и сожрано вирусом, чем его постигнет
позорная участь быть сброшенным в общую
яму с трупами еретиков. Пусть никто не
увидит его останков, пусть ни его
товарищи, ни, тем более, командиры
никогда не узнают о его позоре.

Пусть они думают, что солдат
Пожар умер как герой.

Мангеллан ослеп.

Верховный жрец не видел упавшего в
него лазерного луча, поскольку его глаза
уже слезились от дыма. Потом — вспышка
и обжигающая боль. Ему казалось, что все
лицо охвачено огнем. Он не видел, куда
идет, и не знал, что происходит: пришлось
довериться телохранителям, чтобы они
отвели его в безопасное место.

Наконец Мангеллан ступил в
прохладное лоно своего двorca —
великолепного Ледяного двorca.

подаренного богатыми. Впервые в его стенах Мангеллан не чувствовал себя в безопасности. Он слышал вокруг тоном культисты в панике разбежались. Мангеллан приказал охранявшим его гвардейцам-предателям не подпускать никого близко и никому не доверять.

Он почувствовал, как кто-то настойчиво дергает его за рукав, и услышал голос Фюрста:

--- Почему ты бежишь, повелитель? Что с жертвами? Кто их охраняет?

Мангеллан отмахнулся от назойливого тутанта.

--- Они скованы цепями! --- заверил он, прислонившись к стене, чтобы успокоиться. Он моргал и тер руками глаза, молясь богам, чтобы слепота оказалась временной.

--- Но если их союзники пришли, чтобы освободить их...

--- Попробайся использовать свои убогие мозги, Фюрст, --- равкнул Мангеллан, --- Стил привел в наш улей лишь горстку солдат. Как они могли проникнуть в мой дворец, ничего не зная о

нем? Этот удар нанес кто-то изнутри.
Кто-то, позабывовавший тому, чего я
достиг, обретенной мною власти, и
желающий очернить мою славу!

--- Я уверен, вы правы, повелитель, но...

--- Я всегда знал, что это случится! Я
знал, что жрецы плетут интриги и
строят заговоры, но чтобы так нагло...
Кто из них? Что скажешь, фюрст?

--- Я... я не знаю, повелитель. Я...

Мангеллан рванулся вперед, пытаясь
схватить фюрста за одежду. Он
почувствовал, как задел рукой
отвратительного мутанта-коротышку, но
схватить его не смог.

--- Ты всегда шныряешь вокруг, ---
прорычал он, --- прячешься там, где тебя не
должно быть, подслушиваешь то, что не
должен слышать. Скажи мне, фюрст, кто
виновен в покушении на меня и в таком
оскорблении богов, которым я служу?

--- Никто, повелитель. Никто из нас
не постел бы встать на вашем пути.

--- Ты же видел его, не так ли? Если
не того предателя, который установил
болбы, то уж точно того гнусного

портуниста, который стрелял в меня и лишил меня зрения! Я найду его, Фүрст, и покончу с ним. Он сам пожелает, чтобы...

Мангеллан не почувствовал, как нож вошел в его живот, — таким быстрым и искусным был удар. Только когда он ощутил, что из раны льется кровь, и тупая боль распространяется по всему телу, до него дошло, что случилось.

Говорить он не мог, от слабости кружилась голова. Не в силах стоять на ногах, Мангеллан соскользнул по стене, на которую опирался, и, упав возле ног Фүрста, с ужасом услышал, как тот прошептал ему:

— Это только твоя вина. Ты слишком много о себе вообразил, и вот к чему это привело! К тому, что нас унизила горстка рабов Императора. Я слышу богов: о, ты был так уверен, что они не соблаговолят говорить с такими, как я, что я просто не пойму их слов, — но я слышу их. Они разочаровались в тебе, Мангеллан. Ты не оправдал их ожиданий.

Он лежал на полу и даже не помнил, как упал. Пытался поднять руки,

повернуть голову туда, где, как он думал,
должны были находиться его
телохранители, пытался докричаться до
них.

--- Стража! Стража! Помогите!

--- Они тебе не помогут, --- раздался
голос фюрста сквозь сгущавшуюся тьму. ---
Они тоже знают, что это воля богов. У
теперь они служат новому повелителю.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

До уничтожения Крессиды 3 часа 34 минуты 45 секунд

Комната была небольшой, не намного больше жилых помещений нижних уровней улья. В ней стояла единственная кровать, возле которой лежали груды хлама --- обломки мебели, рваная одежда, разбитые лампы, даже пара картин с обгоревшими углами.

Стены, разумеется, были ледяные. На одной из них красовалась грубо нарисованная большая восьмиконечная звезда Хаоса, стекавшая на пол ручейками черной краски.

Блонского отнюдь не удивляло, что Мангеллан, располагавший такими огромными пространствами почти опустошенного улья и самого Ледяного

дворца, вынуждал своих последователей жить так скромно: чем больше им приходилось трудиться ради выживания, тем меньше у них оставалось времени на разговоры против повелителя. Впрочем, жителю этой комнаты теперь было все равно -- его тело валялось во дворе, под окном, в которое он высовывался в тот момент, когда в комнату вломился Блонский. Некоторые ледяные гвардейцы придерживались мнения, что ни один честный солдат не станет стрелять врагу в спину, но Блонский не был согласен с ними. Главное -- убить еретика, грех упускать такую возможность.

Блонский хотел, чтобы ему снова выпал шанс выстрелить в Мангеллана. Он целился в него как раз в тот момент, когда у Грэйла возникли проблемы, и пришлось поддерживать товарища. Да и охранники верховного жреца отреагировали слишком быстро -- быстрее, чем он ожидал. Теперь один из них был здесь -- космогесантник Хаоса. Его массивная туша заслоняла все окно, создав в комнате полумрак. Блонский

понялся к двери, перелезая через кроватку и протискиваясь сквозь груды хлама. При этом он продолжал палить из пистолета. Он знал, что лазерные лучи не смогут причинить костогесантнику Хаоса сильный ущерб, но надеялся, что враг потеряет равновесие, отпустит руку и свалится вниз.

Пора было уходить отсюда.

Блонский метнул осколочную гранату, но костогесантник Хаоса с легкостью поймал ее и швырнул через плечо. Граната взорвалась в воздухе над двором. И когда костогесантник оказался в комнате, у Блонского уже не оставалось ни времени, ни боеприпасов.

Костогесантник принялся стрелять из болтера, но Блонский успел захлопнуть за собой дверь и побежал, слыша, как болтерные снаряды пробивают деревянную обшивку. Через секунду раздался страшный треск, и дверь вылетела из ледяного проема.

Блонский тчался по пустым коридорам, перепрыгивая лестничные пролеты, но преследователь не отставал —

сзади доносился его топот. Единственное, что мешало костодесантнику Хаоса догнать ледяного гвардейца, — то, что последний был легче и гибче его и не буксовал, срезая углы на скользком ледяном полу.

Блонский проскочил мимо гвух взволнованных культистов, прибежавших со двора, и скрылся, прежде чем те успели отреагировать на его появление. Он знал, что в следующий раз может и не повезти. Быстро свернув за угол, он услышал позади страшный грохот: костодесантник Хаоса потерял равновесие и врезался в стену. Блонский, впервые выигравший несколько секунд, понимал, что лучшего шанса у него не будет. Он открыл первую попавшуюся дверь и оказался в зале для банкетов, увешанном богатыми гобеленами красновато-коричневых оттенков. Намеревался найти место, чтобы спрятаться, и так хотел, чтобы костодесантник прошел мимо. Он знал, что шансов мало, но больше надеяться было не на что.

Но ему снова повезло. В противоположной стене зала имелось

несколько дверей. Побежав к одной из них, Блонский уже поворачивал ручку, и вдруг главная дверь распахнулась от удара, едва не слетев с петель. Космогесантник Хаоса ворвался в зал, перепрыгнув на ходу через стол. Блонский тотчас бросился наутек — через маленькую кухню в другой коридор, уже боясь заблудиться и не найти выхода, словно это была худшая из проблем.

Он сумел немного оторваться от преследователя, но тот продолжал гнаться за ним. Блонский слышал его шаги. Враг нагонял его.

Еретики, которые наступали им на пятки, оказалось меньше, чем предполагал Палинев. Он не стал выяснять, почему, а просто благодарил судьбу, полагая, что всему виною взрыв, — характерный звук разрыва осколочной гранаты он услышал секунду назад. Палинев не остановился, чтобы узнать, что случилось с Пожаром и почему тот не последовал за товарищами. Видимо, догадывался, что ответ ему не понравится...

Но здесь все равно были еретики —

культисты и несколько гвардейцев-предателей, которые убежали со двора раньше ледяных гвардейцев и теперь стали приходить в себя: собравшись вместе, они что-то обсуждали, видя, что пытаются найти источник угрозы.

И они нашли ее.

— Вон он! — завопила одна из культисток, указывая грожащим пальцем на Стила. Потом ее взгляд упал на бесчувственное тело Воллькенгена, висевшее на плече у Грэйла. — Жертвы! Они сбегают вместе с жертвами! Они...

Налинев выстрелил ей в голову, но, увы, поздно. Остальные культисты бросились на них с ножатами, некоторые схватились за лазганы. Должно быть, вальхалльцы выглядели легкой добычей. Стил все еще опирался на плечо Налинева, а Грэйл нес на себе Воллькенгена. Но Стил не был таким беспомощным, каким казался: он схватил двух культистов за плечи, ударил их друг о друга головами и швырнул под выстрелы лазганов.

Воспользовавшись временным живым щитом, ледяные гвардейцы отступили в

боковой коридор, но, пройдя несколько метров, поняли, что это тупик. Стил выхватил у Грэйла лазган и приказал ему отойти назад, чтобы не подставляться Воллькенгена под выстрелы. Палинев уже обстреливал коридор, не давая еретикам приблизиться и загоняя их в укрытие. Когда аккумулятор лазгана разрядился, Стил занял его место и продолжил обстрел. Перезарядив оружие, Палинев сбил полковника.

--- Так не может больше продолжаться, --- проворчал Стил. --- Чем больше мы здесь застреваем, тем больше привлекаем к себе внимания. А когда костодесантник Хаоса найдет нас...

Он не договорил --- в этом не было необходимости.

--- Мы стоим прожечь стены? --- спросил Палинев.

--- Сомневаюсь, --- ответил Грэйл. --- Конечно, можно попытаться, но вспомните ледник и как он раздавил «Термита».

Палинев стрелял по пустому коридору. Стоило ему на секунду снять палец со спускового крючка, чтобы сберечь

заряд, как на него набросились сразу четверо гвардейцев-предателей. Палинев и Стул, вместе открыв огонь, уложили по очереди троих. Но последний не падал и продолжал наступать.

Четвертый предатель держался на расстоянии, укрываясь за спинами своих товарищей, и мог стать хорошей мишенью для легких гвардейцев, лишь подойдя к ним почти вплотную. Пока лазерные лучи задевали его бронежилет, не причиняя особого вреда. Палинев видел, как за спиной предателя вылезают из укрытий другие еретики, готовясь пойти в атаку, как только их товарищ сцепится с врагом.

Их ждало разочарование. Предатель, шатаясь, добрался до угла, поднял оружие и прямо возле ног Палинева рухнул замертво.

Стул обстреливал коридор еще несколько секунд, потом повернулся к солдатам.

— Вот что мы сделаем, — сказал он. — Сколько осколочных гранат осталось? Сейчас мы бросаем их все в еретиков.

обрушиваем на них крышу, если получится, а сами бежим из всех сил в противоположном направлении. Палинев, ты знаешь путь и пойдешь впереди. Грэйл, ты с Воллькенгеном следуешь за ним. Я буду замыкающим и прикрою вас огнем, чтобы те, кто уцелеет при взрыве, не постыдились повернуться в нашу сторону.

— Уйти замыкающим должен я, сэр, — сказал Грэйл. — Это слишком опасно гля...

— Это приказ, солдат, — прервал его Стил.

— Возьмите хотя бы мою шинель. Ваша изорвана в клочья. Одно точное попадание из лазгана, и...

Стил покачал головой.

— У тебя более важная задача, чем у кого-либо из нас. Я все еще недостаточно силен, чтобы нести исповедника. Ты должен защитить его. Двигается по моей команде. Три, два, один... Палинев, ты слышишь?

Палинев услышал, хотя и на секунду позже полковника.

— Перестрелка, сэр. Справа от нас. Наверное, это остальные. Они тоже

должны идти этим путем. Видимо, нагнали еретиков и застали их врасплох.

Стил секунду прикидывал, как ил действовать дальше. Потом его губы растянулись в улыбке, и он, помахивая лазганом Грэйла, произнес:

— В таком случае план меняется.

Анакора знала, что это будет нелегко. Сколько бы паники и смятения не сеяли среди еретиков ледяные гвардейцы, какой бы хорошей маскировкой не пользовались и насколько бы они не были опыты, Анакора не ожидала, что ил удастся выбраться из Ледяного двorca без боя. Блонского, казалось, уже потеряли. Она и Гавотский планировали встретиться с ним у лестницы и, оставив свои снайперские позиции наверху, ждали его там, сколько могли.

Сначала они бросились бежать, но когда стали наталкиваться на еретиков, возвращавшихся из внутреннего двора, решили затедрить шаг, стараясь не подавать виду, что спешат выбраться отсюда. У Анакору сердце сжалось, когда

ил навстречу из бокового коридора
выбежало отделение гвардейцев-
предателей. Они с Гавотским закутались
в черные культистские плащи, опустили
головы и старались сохранять
спокойствие. Предатели пробежали мимо.

Вскоре после этого они встретились
с Баррески и Михалевым, и Анакора была
рада, что из их товарищей нашлись хотя
бы двое. А потом они услышали лазерные
выстрелы, и Анакора стала опасаться
худшего.

На площадке, соединявшей четыре
коридора, уже собрались десятки еретиков,
и к ним присоединялись новые, подбегавшие
со всех сторон. Когда прибыло еще
четверо, цель этого собрания уже ни у кого
не вызывала сомнений — еретики осаждали
отверстие в стене в нескольких метрах
дальше, сдерживаемые лишь лазерным
огнем, который вели оттуда. Анакора
догадалась, кто стреляет, еще до того,
как стогла мельком увидеть лицо
полковника Стила.

Командовал еретикати темнокожий
гвардеец-предатель с узкими глазами и

тонким носом.

--- Не стрелять! --- приказывал он. --- Пусть прихвостни Императора израсходуют боеприпасы, и нечем будет защищаться!

Гавотский подошел к нему сзади и похлопал по плечу. Предатель обернулся и понял, что смотрит прямо в ствол лазгана. Лазерный луч вонзился в его правый глаз и выжег мозг. Остальные трое ледяных гвардейцев восприняли это как сигнал к действию. Анагора застала врасплох другого предателя и перерезала ему горло. Баррески попытался сделать то же самое с другим еретиком, но тот отреагировал быстрее и сумел вырваться. Михалев же стрелял очередями во всех без разбору, вызывая в толпе панику.

Здесь, как и во дворе, культисты были растеряны и напуганы внезапным появлением врага среди них и гибелью своего командира: одни удирали, другие решились оказать сопротивление. Сначала у ледяных гвардейцев было преимущество. Культисты еще не разобрались, кто среди них враг, кому из фигур в черных одеяниях

можно доверять, а к кому нельзя
поворачиваться спиной. Они дрались,
постоянно оглядываясь через плечо, и сами
же из-за этого гибли. Анакора свалила
двое ударом кулака, третьему ножом
выпустила кишки. Она улыбнулась, когда
убила, как сбитый с толку культист
всадил своему товарищу нож под ребра, а
остальные набросились на него, решив, что
он — предатель.

Однако гвардейцы-предатели,
оставшиеся в живых, оказались более
проницательными и быстро поняли, кто
враг. С одним из них Анакора дралась на
ножах, из всех сил стараясь пробить
броню и понимая, что с каждой уходящей
секундой его союзники выигрывают. Вдруг
она почувствовала, как сзади в нее кто-то
вцепился и как чья-то рука сжала горло.
Ее схватили двое культистов; если бы они
имели оружие, она была бы мертва. Ей
залотили руки назад, и теперь она могла
отбиваться от ножа гвардейца-предателя
только ногами, одновременно пытаясь
оттолкнуть спиной культистов и
впечатать их в стену, чтобы они наконец

выпустили ее. Краем глаза Анакора
увидел, что Михалев, которому, видимо,
тоже приходилось нелегко, упал на колени.

Затем ход боя снова переменился:
полковник Стул и Палинев вырвались из
укрытия и, стреляя из лазганов, бросились
вперед.

Они снова бежали.

Им казалось, что они бегут целую
вечность. Легкие Гавотского горели огнем,
ноги сковывала боль, и он подумал, что,
наверное, уже слишком стар для всего
этого.

Зная, что этот бой не выиграть и
что число врагов будет только расти,
вальхалльцы постарались оторваться от
противника. Гвардейцы-предатели гнались
за ними, стреляя вслеп из лазганов.
Легкие гвардейцы отстреливались как
могли. Баррески и Грэйл, видимо,
оставшиеся без оружия, несли
Воллькенгена.

Пробежая площадку, соединявшую
коридоры, Гавотский увидел, как по одному
из коридоров к ним несется фигура в

черном культистском одеянии. Сержант повернулся, вскинул лязган... и тут безущий резко остановился, поднял руки и откинул капюшон — сержант увидел раскрасневшееся лицо рядового Блонского.

— Он... он гонится за мной! — выпалил запыхавшийся Блонский, указывая назад.

В двухстах метрах от Блонского появился преследовавший его костогесантник Хаоса с болт-пистолетом в руке. Прихватив с собой измученного Блонского, сержант завернул с ним за угол и велел идти за товарищами, а сам метнул в костогесантника Хаоса осколочную гранату, надеясь по крайней мере задержать врага, и бросился со всех ног догонять остальных бойцов.

Наконец они вернулись в каменный подвал, через который проникли во дворец час назад. Анагора и Михалев заняли позиции у двери, откуда можно было обстреливать коридор. Остальные, преодолев скользкие ступени, начали, один за другим, протискиваться в дыру в стене. Этот арьергардный бой позволит им выиграть время, но немного.

Гавотский знал, что как только здесь появится костюгесантник Хаоса, у двоих его товарищей не останется иного выбора, кроме отступления. Он помог Трэйлу протолкнуть в дыру Воллькенгена, направив туда его голову, в то время как Баррески с Палиневым подхватили ноги. Потом сержант пролез туда сам и прыгнул в канализационный тоннель. Полковник Стил прежде не был в этой части улья Цота и теперь изучал окружающее пространство при свете фонарей.

Палинев шагнул на узкий кирпичный выступ. За ним последовали Баррески и Трэйл, тащившие Воллькенгена, но Стил приказал им подождать.

--- Нам нужно добраться до костюпорта, --- сказал он. --- Если еще остался шанс выбраться с этой планеты, это можно сделать лишь оттуда. Костюпорт там, --- он указал через стену, и Гавотский не усомнился ни на секунду в том, что полковник знает, о чем говорит.

--- Не знаю, сможем ли мы попасть оттуда в костюпорт, сэр, --- сказал

Палинев. -- Эти тоннели -- сплошной лабиринт. Мы можем зайти в тупик. Не забывайте, что костодесантник Хаоса наступает на нас на пятки...

-- Ага, -- проворчал Баррески, обращаясь к Блонскому. -- Спасибо, что вывел его прямо на нас.

-- Чем меньше времени мы проведем здесь, внизу, тем лучше, -- сказал Гавотский. -- Позже объясню, -- добавил он, заметив вопросительный взгляд Стила. -- С вашего разрешения, сэр, я предлагаю вернуться в часовню тутантов. Это я тоже объясню: там проще ориентироваться, как идти к костопорту по поверхности. Мы даже можем получить кое-какую помощь.

Стил кивнул, понимая, что сержант в данный момент знает обстановку лучше, чем он, и ледяные гвардейцы снова отправились в путь. Гавотский задержался, чтобы помочь Михалеву, а затем Анакоре пролезть из подвала в тоннель. Едва Анакора успела коснуться одной ногой пола, как Гавотский увидел прямо над ней в отверстии в стене ствол

болт-пистолета. Сержант бросился к испуганной Анакоре, и они оба прижались к стене. Из отверстия градом посыпались болтерные снаряды, вспенивая черную воду по их ногам. Дождавшись, когда огонь прекратится, Гавотский и Анакора побежали догонять товарищей. Михалев последним скрылся в пробоине. Гавотский, добежав до отверстия, услышал, как сзади в воду плюхнулось что-то тяжелое. Обернувшись, сержант увидел, что самые страшные его опасения становятся реальностью: прыгнувший в тоннель костогесантник Хаоса уже развернулся в направлении вальхалльцев. Но в воде было что-то еще...

Вдруг она извергла огромную тучу монстра, заполнившую собой весь тоннель. Чудовище нависало над костогесанником, устремив челюсти к его горлу. Канализационный монстр, вероятно, привлеченный болтерными выстрелами, был подобен тому, с которым ледяным гвардейцам уже довелось сразиться, только покрупнее.

Костогесантник Хаоса, отбиваясь от

головы твари, ударил по ней цепным мечом. Из-под разорванной чешуи хлынула черная кровь. Гавотский не стал дожидаться исхода боя, а проскользнул сквозь дыру в стене и побежал.

Крышка люка снаружи была завалена обломками.

Налинев не смог ее открыть. Блонский вызвался подняться по лестнице и попытаться открыть крышку вместо него. Разумеется, сейчас все беспокоились о том, что ждет их наверху, в часовне. Стул на секунду прислушался и заверил, что ничего не слышит. Врагов нет, но и союзников тоже.

Наконец крышка подалась, и Блонский, первым выбравшийся на поверхность, стоял, моргая от непривычно яркого света. Вскоре к нему присоединились остальные.

В этот раз силы Хаоса действовали более тщательно: от стен часовни ничего не осталось, колонны взорваны, крыша рухнула и сожжено все, что оставалось от скамей, а алтарь разрушен. На

восстановление не было никакой надежды. В воздухе висел тяжелый запах кордута, перемешанный с гнилостным страдом смерти.

Блонский перевернул ближайший труп носком ботинка. Он не хотел приближаться к мертвецу и не стал наклоняться, чтобы рассмотреть его. Понятно, что мертвец был мутантом. Его серая шерсть под разорванными синими комбинезоном пропиталась темной кровью. Возможно, это был один из лоялистов, которых они тогда встретили и с кем говорили. Блонский не мог сказать точно. Для него все они были на одно лицо.

— Что здесь произошло? — спросил Стил. И Гавотский рассказал ему о мутантах, об их часовне и желании поточь. Стил нахмурился и не сказал ничего. Блонский подумал, что полковник недоволен их союзом с нечистыми тварями, но не хочет подвергать сомнению решение сержанта в присутствии солдат.

— Как бы то ни было, — вздохнул Гавотский, — похоже, они получили то,

чего хотели, --- погибли, сражаясь за
Императора.

--- Должно быть, это произошло сразу
после того, как мы ушли, --- сказал
Палинев. --- Возможно, спустя несколько
минут. Думаете, кому-то удалось
спастись?

Гавотский пожал плечами:

--- Пока полностью не обыщем
развалины...

--- Как бы то ни было, --- прервал его
Стил, --- теперь мы можем рассчитывать
только на свои силы.

И, бросив взгляд на Гавотского,
полковник добавил:

--- Возможно, это к лучшему.

Блонский был полностью согласен.

--- Хороший мутант --- мертвый
мутант, --- удовлетворенно произнес он.

ГЛАВА

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

До уничтожения

Крессиды 1 час 29 минут

22 секунды

Костюпорт находился на восточной границе улья, на одном из средних уровней. Стил знал туда дорогу, поскольку днем ранее успел изучить карту города.

Он снова сидел вместе со своими солдатами в кузове старого раздолбанного грузовика. Грэйл и Баррески, не сняв черные плащи культистов, забрались в кабину, хотя Стил сомневался, что маскировка поможет, если их выслеживал каждый еретик в улье.

Они ехали так некоторое время, пока Стил не почувствовал, как грузовик, взвизгнув шинами, резко свернул в сторону и во что-то врезался балпером.

--- Что происходит? --- крикнул

полковник.

--- Нас заметили, сэр, --- ответил Баррески через заднюю стенку кабины. --- Группа культистов. Грэйл попробовал наехать на них. Двоих задавил, еще двое ускользнули.

--- Теперь они побегут к ближайшей вокс-станции, --- вздохнул Михалев.

Стил опасался, что солгал прав. До сих пор он надеялся, что противник не знает, куда они направляются, и что транспорт угнали. Если повезет, большая часть еретиков будет охранять выходы из пещеры, оставив свободным путь туда, куда ледяные гвардейцы сейчас направлялись. Но сейчас эта надежда была потеряна. Все, что они могли сделать, --- попытаться добраться до костюпорта первыми.

Стил постучал по задней стенке кабины и приказал Грэйлу остановиться.

Исповедник Воллькенген, очнувшись полчаса назад, выглядел так, словно ему все еще было дурно. Он по очереди посмотрел в лицо каждому ледянному гвардейцу, затем положил голову на прижатые к груди колени и погрузился в

себя. Стул отдал ему собранные у солдат сухие пайки и воду, и исповедник жадно съел и выпил все, не двинувшись с места и не произнеся ни слова.

Вдруг он поднял голову и громким, ясным голосом сказал:

— Разве такой транспорт годится герою войны? Я потребую чью-то голову за это. Двигатель должен быть бесшумным. Мы не хотим, чтобы он услышал и пришел сюда. Когда мы будем есть? Они ждут, когда я обращусь к ним с речью. Они хотят, чтобы я дал им надежду и волю к борьбе.

Вальхалльцы смотрели друг на друга, на крышу — куда угодно, только не на исповедника. Стул понимал их смущение. Он был обеспокоен состоянием Воллькенгена с тех пор, как нашел его в тюрьме, опасался, что Мангеллан сделал с исповедником что-то такое, что помутило его разум. В тот раз Стул отбросил опасения и сосредоточился на том, что необходимо делать. Сейчас у него не оставалось иного выбора, как признать, что опасения подтвердились.

--- Вы свободны, исповедник, --- сказал он. --- Мангеллан больше не придет и не обидит вас. Вы помните меня? Я полковник Станислав Стил, который спас вас. Держитесь, проявите терпение, и мы вытащим вас отсюда, доставим к врачам. Они вылечат вашу... болезнь.

--- У меня еще осталось немного воды, --- предложил Палинев. --- Если это может... Я итею в виду, если исповедник...

Воллькенген посмотрел Стилү в глаза и сказал:

--- Я помолюсь за вас.

Стил улыбнулся.

--- Мы будем признательны вам за это, сэр.

--- Ведь вы убьете его за меня, правда?

--- Вам не стоит беспокоиться, исповедник. Через несколько часов на этой планете не останется никого живого. Мангеллан...

--- Я говорю не о нем, не о том, кто произносил речь. Я о грохоте в плаще, который ударил меня по лицу. Вы заставите его страдать и заплатить за то, что он поднял руку на святого

человека?

Стилу не пришлось отвечать на этот вопрос: грузовик снова дрознул.

— Во что ты там опять врезался, Грэйл? — проворчал Блонский, стукнувшись головой о борт. Но Стил и другие почувствовали, что удар был не такой, как в прошлый раз. Аугментический слух полковника это подтвердил.

Удар пришелся не в переднюю часть грузовика. На сей раз кто-то запрыгнул на крышу и... теперь ходил по ней с ревущим ценным мечом.

Острое меча пронзило крышу кабины прямо над головой Грэйла. Вальхаллец вскрикнул и пригнулся на сиденье, настолько, чтобы хоть как-то видеть через ветровое стекло, куда ехать. Он резко крутанул руль вправо, потом влево и снова вправо, неистово давя на педаль газа. Баррески, сидевшего рядом, швыряло во все стороны. Грэйл слышал, как из кузова доносится приглушенная брань.

Страхнуть нежданного пассажира не

получалось.

Костогесантник Хаоса держался крепко, все глубже вонзая свой меч. Он то падал, то поднимался, распиливая мечом крышу кабины. Потом меч исчез, и Грэйл увидел, как в края разреза вцепились пальцы бронированной перчатки и принялись его расширять.

Баррески выстрелил по пальцам из лазгана, прихваченного у убитого эвардейца-предателя. Рука в бронированной перчатке исчезла. Но через секунду появилась опять и вцепилась в крышу с новой силой. Наконец костогесантник Хаоса с жутким пронзительным скрежетом отогнул крышу машины, и Грэйл увидел прямо над собой его злобещий оскал и ощутил зловонное дыхание.

--- Держитесь! --- крикнул Грэйл и нажал педаль тормоза.

На сей раз костогесантник был захвачен врасплох. Он потянул было руку, чтобы схватить Грэйла, но в этот момент грузовик резко остановился, и преследователя страхнуло с крыши. Он

ударился в лобовое стекло, расколо-
плексиглас, соскользнул по капоту куда-то
в сторону и исчез из виду. Грэйл дал
задний ход. Он почувствовал, как правое
переднее колесо на что-то наткнулось,
затем через что-то переехало. Грэйл
надеялся, что это голова монстра, хотя
так было в действительности или нет,
особого значения не имело.

Костогесантник Хаоса снова вскочил
на ноги и, как разъяренный бык, бросился на
отъезжавшую задним ходом машину. Он
выглядел ужасно: черная броня, казалось,
едва держалась на избитом теле; левая
рука отсутствовала по локоть, вероятно,
потерянная в схватке с чудовищем из
канализации; одного глаза не было. Он
выронил цепной меч, но держал в руке
болт-пистолет.

Угнать от него было невозможно.
Заехав на другую улицу, Грэйл попытался
развернуться, но было поздно ---
костогесантник Хаоса догнал их. Он
схватился за балпер, и теперь, как ни
крутились колеса, как ни напрягал силы
мотор, машина не могла двинуться с

места.

Вдруг противник пригнулся, схватил грузовик за переднюю ось и поднял его одной рукой. Баррески, ударив по задней стенке, крикнул:

--- Всем покинуть машину!

Распахнув двери, он и Грэйл выпрыгнули из кабины, а костогесантник Хаоса одним могучим рывком опрокинул грузовик.

Первыми из кузова выскочили Блонский с Михалевым, которые сидели ближе всех к дверям. Следующим нужно было высадить Воллькенгена, и когда тот затешился, Стил толкнул его в спину. Исповедник неуклюже упал лицом вниз, и Стил, прыгнув рядом, поднял его на ноги.

Анакора, Гавотский и Палинев оставались в опрокинутом грузовике. Анакора подошла к выходу и приготовилась прыгнуть, но мир вокруг словно перевернулся. Спустя секунду она поняла, что лежит на спине на пласталевой поверхности, которая только что была бортом кузова, а рядом с ней --- ее

товарищи. Анакора сильно ударилась головой, перед глазами мелькали черные точки, угрожая полностью погрузить ее во тьму. Она изо всех сил старалась сопротивляться этому.

Вокруг раздавался треск лазерных выстрелов, на которые болт-пистолет костогесантника Хаоса отвечал неистовым лаем. Она не могла позволить себе лежать здесь, когда остальные сражаются.

Палинев первым выбрался из кузова и отполз в сторону. Анакора видела, как его расплывчатый силуэт исчез в ярком белом свете — как она поняла, в свете уличных фонарей, проникавшем в темный кузов. Грузовик лежал на боку, и одна из задних дверей кузова — та, что сейчас находилась наверху, — была захлопнута. Нижняя слетела с петель и стялась, оставив небольшой зазор, через который можно было протиснуться наружу.

— Ты в порядке? — спросил Гавотский, помахав рукой перед глазами Анакору.

Она стиснула зубы и решительно кивнула. Гавотский выполз вслед за

Палиневым на ярко освещенную площадь. Анакора моргнула, чтобы зрение прояснилось, и, заставив себя встать на колени, поползла за ними.

Внезапно она услышала сгавленный вскрик: Гавотского кто-то схватил и приподнял. У Анакору перехватило дыхание, когда она увидела у самого выхода пару черных бронированных ботинок — Гавотский вытолз прямо в лапы костодесантника Хаоса.

Анакора увидела и ботинки сержанта, который яростно отбивался от врага, висая в полуметре над землей. Не обращая внимания на огонь лазганов других ледяных гвардейцев, костодесантник Хаоса прижимал его к борту грузовика и медленно душил. Но отсюда, снизу, Анакоре были видны трещины в черной силовой броне, а под ними — незащищенная плоть.

Анакора достала нож и вонзила его в лодыжку врага, стараясь загнать как можно глубже, чтобы перерезать сухожилие. Она не могла сказать, удалось ли ей это сделать, но ее действия

оказались ненепрасны. Успустив вопль
аросты, костодесантник отшвырнул
Гавотского. Затем он схватил
оставшуюся заднюю дверь кузова и оторвал
ее, чтобы увидеть, кто постел его
атаковать.

Только сейчас Анагора увидел, как
ильно он изранен. Ей казалось
невероятным, что он все еще стоял на
ногах и сражался. Но она не сомневалась,
что он более чем способен убить ее в один
миг.

Анагора стала отползать от него,
пока не уперлась в заднюю стенку кабины.
Костодесантник Хаоса присел на
корточки и, разражаясь в ее адрес
непристойной бранью, поднял болт-
пистолет. В голове у Анагоры еще звенело
от удара, и она, закрыв глаза, крикнула
товарищам:

— Уходите отсюда, пока можете!

Точно так же кричал Стил, когда
они в прошлый раз сражались с этим
монстром. Но вдруг она услышала
механический рев, и ее потенциальный
убийца застыл на месте: глаза

остекленели, кровь хлынула изо рта. Он повернулся и попытался встать, но это усилие оказалось слишком тяжким, и он рухнул. Анакора увидела всаженный в его спину цепной меч, сыплющий искрами.

Палинев помог ей выбраться из грузовика, и она, шатаясь, встала на ноги. Теперь свет уличных фонарей казался тусклым. Анакора вместе с остальными лежаными гвардейцами смотрела на своего командира: его лицо и грудь оставались разрисованы зловещими символами ритуала жертвоприношения, несмотря на то, что он пытался смыть их канализационной водой. Правую руку он держал так, словно она только что прикоснулась к чему-то нечистому.

Анакора поняла, что именно этой рукой Стил поднял цепной меч костодесантника Хаоса. Его аугментические мускулы были достаточно сильны для этого.

Но в глазах полковника Стила не было удовлетворенности победой. Его взгляд выражал лишь глубокое отвращение.

Они снова шли пешком. Стилл не хотел тратить время на поиски другого транспорта, а до космопорта, по его словам, оставалось чуть больше километра. Вальхалльцы построились в две линии и двигались безлпм шагом. Необходимость идти в ногу и держать строй подхлестывала солдат, помогала преодолеть усталость, которую они все ощущали. Привнося хотя бы немного порядка в этот охваченный Хаосом мир, они могли лучше контролировать ситуацию. Казалось, даже Воллькенгену это шло на пользу. Он молча шел рядом со Стиллом, правда, то и дело спотыкался.

Здания вокруг были выше и богаче, чем внизу, из чего Палинев заключил, что они приближаются к своей цели. Над входами в таможни и транспортные конторы все еще висели гербы в виде орлов. Улицы здесь были более широкие и лучше освещены, как на верхних уровнях.

Вдруг Стилл резко остановил свой отряд и приказал идти не в ногу, соблюдая особую осторожность. Он явно был чем-то

встревожен. Через секунду Палинев понял причину его беспокойства — впереди показались какие-то люди. Теперь не только Палинев, а все слышали, как они разговаривали и смеялись. Легкие гвардейцы укрылись в узкой аллее, и Стил послал Палинева вперед, на разведку.

Костюпорт был величественным круглым зданием из белого камня. Свет в окнах не горел. Очевидно, здание обстреливали из мелкокалиберного оружия: фасад был испещрен оттепинами, но пробоин не было. Перед ним располагался широкий внешний двор со слотанными фонтанами, чаши которых до краев наполняла затерзшая черная вода. Лифты были разбиты, деревья — настоящие! — зачахли и погибли. Когда-то этот район радовал взор посетителей улья Ыота, а возможно, и всей Крессиды. Сейчас он производил противоположное впечатление.

Палинев смотрел на все это, стоя на эстакаде между двумя зданиями. С улицы, где укрывались остальные бойцы, спускалась широкая лестница, которая

вела к внешнему двору и заманчиво
открытым воротам. К ним когда-то
летел и блестящий черный гравикар,
который теперь лежал на ступенях.
Вероятно, его водитель спешил
доставить важного пассажира в безопасное
место и не справился с управлением, либо
попал под обстрел и врезался в колонну
вверху лестницы, разбив носовую часть
машины. Сейчас гравикар был пуст.
Налинев подумал: спаслись ли те, кто в
нем летел, или их трупы вытащили из
под обломков?

На внешнем дворе были и другие
гравикары, в основном сгоревшие или
перевернутые. У фонтана стоял,
накренившись, грязный старый автобус с
разбитыми окнами и спущенными шинами,
когда-то служивший транспортом для
менее привилегированных граждан.
Налинев видел, что весь двор заполнили
еретики: вокруг здания костюпорты,
сновали культисты, гвардейцы-предатели,
мүтанты, даже несколько отрогий Хаоса,
и с каждой минутой их становилось все
больше. Столкновение с костюгесантником

дорого обошлось легяным звардейцам ---
враги их опередили.

Унавиший духом Палинев покинул свой наблюдательный пункт и вернулся к остальным. Стил выслушал доклад в мрачном молчании. Палинев понял, что его сведения лишь подтвердили то, о чем полковник сам думал.

--- У нас осталось меньше часа до момента, когда сбросят вирусные бомбы, --- сказал Стил. --- Даже если бы имелся другой путь эвакуации, у нас нет времени его искать. Единственная надежда, хоть и слабая, --- костюпорт. Чем быстрее мы к нему прорвемся, тем меньше врагов будет стоять между нами и нашим спасением.

Никто с этим не спорил, но над отрядом словно нависла темная туча. Палинев ощущал на себе ее тяжесть. Казалось несправедливым, что они прошли весь этот путь ради того, чтобы погибнуть у последнего препятствия. Они так много преодолели, совершили подвиги, казавшиеся невозможными, и теперь об этом никто не узнает.

--- Я не буду произносить речей, ---

сказал Гавотский. — Вы все знаете, что надо делать, и что обстоятельства против нас. Просто помните, что в прошлый раз было не легче, но мы все преодолели. Мы вдевятером вошли в Ледяной дворец и вдевятером вышли, включая исповедника Воллькенгена. А это как нельзя лучше доказывает, что с нами Император. И то, что я горжусь вами!

Голоса еретиков звучали все громче. И не только потому, что Грэйл подходил ближе. Он слышал, что толпа росла, а вместе с ней и ее уверенность. Грэйл боялся, что пока они с Палиневым крадутся по улице к зданию костюпорта, кто-нибудь выбежит со двора и, поднявшись по ступеням, обнаружит их.

Либо по этой улице к врагу пойдут подкрепления и ненароком их догонят.

Он ускорил шаг, полагая, что в таком случае никто не услышит приближения еще двух человек. До цели — разбитого грабикара — оставалось около двадцати метров, но тут Палинев остановил товарища, схватив за руку.

--- Дальше идти нельзя, --- сказал разведчик, --- нас заметят снизу.

Грэйл кивнул и упал на живот, приготовившись ползти остаток пути попластунски.

В этот момент шум изменился. Уверенность в одно мгновение сменилась страхом. А потом Грэйл услышал раскаты взрывов и выстрелы. Он настороженно обернулся к Палиневу. Разведчик взглянул на него и лишь растерянно пожал плечами, но потом вскочил, бросился к обочине дороги и снова залез на металлическую эстакаду. Через несколько секунд он вернулся, его щеки пылали от возбуждения.

--- Это мутанты! --- сообщил он. --- Мутанты-лоялисты. Не знаю, откуда их тут столько взялось... Больше, чем мы когда-либо видели, и больше тех, которых убили еретики в часовне. Они повсюду, вылезают из канализационных люков и заставляют еретиков врасплох!

Похоже, Император действительно благоволил Ледяной Гвардии.

--- Они могут победить? --- спросил Грэйл.

Налинев покачал головой.

--- Для победы им не хватит сил. Но они отвлекут противника. Если действовать быстро...

Грэйл кивнул, тут же встал и потчался к гравикару. Он полагал, что вряд ли кто-то из еретиков заметит его сейчас, а если и заметит, скорее всего, ит сейчас не до того, чтобы предпринимать какие-либо действия. Добежав до ступеней, Грэйл краем глаза увидел рукопашный бой, о котором говорил Налинев, но все внимание танкиста было сейчас сосредоточено на гравикаре.

Дверь водителя заклинило. Грэйлу пришлось упереться ногой в корпус и дернуть ее изо всех сил. Наконец дверь поддалась, отскочив с такой силой, что едва не ударила его в подбородок. Грэйл запрыгнул в гравикар и, нажимая рывки на панели приборов, молча воззвал к машинным духам. К счастью, двигатели гравикара располагались в кортовой части и не слишком пострадали от столкновения.

Двигатели завелись с третьей

попытки, и гравикар протестующе заскрежетал, когда его корма поднялась, хотя носовая часть по-прежнему упиралась в колонну. Дав задний ход, Грэйл вздрогнул, когда почувствовал, как с носовой части посыпались обломки, и гравикар начал отрываться от колонны. Грэйл на секунду испугался, что колонна, которую машина подпирала, теперь рухнет прямо на ветровое стекло, но она устояла.

Освобожденная машина набирала скорость, и Грэйл увидел в зеркало заднего вида, что остальные бойцы отряда уже бегут к нему. Воллькенгена усадили на заднее сиденье, велел пригнать голову. Стил и Гавотский втиснулись с обеих сторон рядом с ним, а Анакора и Палинев сели впереди с Грэйлом. Гравикар был загружен до предела, поэтому Баррески, Блонскому и Михалеву пришлось бежать за ним, надеясь, что Грэйл расчистит для них путь, и прикрывать гравикар огнем сзади.

--- Все готовы? --- спросил Грэйл. --- Тогда держитесь!

И он вдавил акселератор.

Максимальная скорость гравикара была не особо впечатляющей, но все же он довольно быстро пролетел ступени и перекинулся через край лестницы. Легяные гвардейцы почувствовали сильный толчок, когда гравикар, немного пролетев, плюхнулся на антигравитационную подушку и заскользил на ней по двору костопорта. Толпа расступалась перед ним, но некоторые не успели убраться с дороги и были сбиты искореженными капотом либо оказались под гнищем машины.

Несколько еретиков, в тот момент не участвовавших в отражении мутантов, заметили, что происходит, увидели, как добыча ускользает, и открыли огонь. Большинство из них были сразу убиты тремя легяными гвардейцами, следовавшими за гравикаром.

Пройдя в ворота костопорта, машина направилась к главному зданию, и звуки боя остались позади.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

До уничтожения

Крессиды 0 часов 18

минут 49 секунд

Сражение перекинулось в костюпорт. Гравикар сбил мутанта в рабочем комбинезоне, подбросив его в воздух. Мутант упал на ветровое стекло и с умоляющим взглядом прилип к нему на секунду, словно спрашивал: «За что?»

Стил не хотел думать об этом и признавать, что появление этих тварей, возможно, спасло ему жизнь, жизнь Воллькенгена и всех солдат. Едва он успел моргнуть, как мутант свалился под гравикар, обреченный на верную смерть.

Грэйл продолжал гнать машину. Резко повернув вправо, он протчался через разгромленный зал ожидания, протаранил стеклянные двери и вывел гравикар к главной стоянке костюпорта — огромной

круглой площадке, на которой когда-то было полно костических кораблей всех типов. Теперь, как и ожидал Стил, стоянка почти опустела. Он со своими солдатами был далеко не первым, кто пытался покинуть улей Ыота через костопорт. Стил у оставалось лишь молиться, чтобы те, кто эвакуировался до них, оставили хоть что-нибудь, на чем можно было бы улететь.

--- Вон там, --- сказал он, --- сторожевой корабль. Стожешь поднять его в воздух, Грэйл?

--- Не знаю, сэр. У меня мало опыта в пилотировании. Но попытаюсь.

Грэйл объехал вокруг, осматривая старый ветхий корабль. Корпуса двигателей разбиты: возможно, это результат столкновения с астероидом или последствия вражеского обстрела. Безло взглянув на развороченные механизмы, Стил покачал головой и приказал Грэйлу ехать дальше.

Их взору открылась возмущтая дальняя стена с рядами люков. Некоторые из них были открыты и манили Стила видом

серого неба Крессиды. Он провел в хаотической потойке лишь один день, и этого было предостаточно. Там, в небе, их ждала свобода. Осталось только прорваться к ней...

— Стоит взглянуть на этот, сэр. —
Грэйл остановил гравикар рядом с маленьким челноком, подобным подбитому кораблю Воллькенгена. Его состояние было не лучше: обшивка покрылась слоем льда, корпус двигателей обуглился, одна стойка шасси сломана, из-за чего челнок накренился на один борт. Корабль являл собой поистине жалкое зрелище — было нетрудно сказать, почему его здесь забыли. Тем не менее ничто не указывало на невозможность взлета.

Легяные гвардейцы вышли из гравикара. Грэйл и Анагора принялись отколупывать ножами лед с затерзшего люка в фюзеляже. Наконец люк со скрежетом приоткрылся, усыпав площадку осколками льда. Грэйл пролез в кабину. Стил приказал Палиневу с Воллькенгеном следовать за ним.

Силы Хаоса начали просачиваться на

посадочную площадку. Баррески, Блонский и Михалев, отстреливаясь, бежали к челноку. Стил увидел, как Блонский упал, пораженный перекрестным лазерным огнем. Он был еще жив, но сильно изувечен. Единственное, что полковник мог для него сделать, оказавшись рядом, — избавить от страданий.

Баррески с Михалевым, похоже, пришли к тому же выводу: секунду постояв, они снова бросились бежать и отстреливаться, оставив товарища умирать. Наконец они присоединились к Стилу, Гавотскому и Анакоре, оба захваченные, а Михалев еще и раненый, с багровым лазерным ожогом на виске.

Гавотский уже отдавал приказы:

— У корабля бронированная обшивка. Используйте это преимущество. Займите оборонительную позицию и ведите оттуда одиночный огонь.

«Милостью Императора, — подумал Стил, — это может сработать». Из первой волны атаковавших их еретиков сталось меньше двух десятков. Он догадывался, что многие из них до сих пор сражаются с

мүтантатами-лоялистами на внешнем
дворе, к тому же пока он не видел у
противника оружия мощнее лазганов.
Челнок или не пробить, Воллькенгену
угрожает опасность, только если враг
проникнет на борт. Стил молился, чтобы
оставшиеся снаружи пятеро ледяных
гвардейцев, включая его самого, сумели не
допустить этого.

Он укрылся за крылом челнока.
Лазерные лучи врезались в обшивку и
гасли, не оставляя следов. Найдя
относительно безопасное место, Стил
начал отстреливаться. Злорадно
устехаясь, он скашивал одного культиста
за другим.

После минутной передышки бросилась
в атаку вторая волна. На сей раз врагов
было больше — в основном мүтанты и
отрогье, и это говорило о том, что
действия еретиков становились более
организованными: теперь они знали перед
собой пушечное мясо.

Один особенно крупный волосатый
мүтант, уклоняясь от лазерных
выстрелов, сумел добежать до Стила. Он с

рыком повернул за крыло и попытался ударить Стила когтями. Полковник увернулся от первого удара, но мутант толкнул его плечом и впечатал в борт корабля.

Полковник вонзил штык в горло мутанта, с трудом сдержав рвотный рефлекс, когда в него плеснула струя зловонной крови. Но мутант продолжал сражаться, хотя, казалось, теперь только его ярость поддерживала жизнь.

Стил пригнулся, уворачиваясь от когтистой лапы, и, скользнув под брюхо накренившегося челнока, забился в угол, где фюзеляж почти соприкасался с площадкой. Мутант попытался добраться до него, но его плечи оказались слишком широкими. Он отчаянно хотел дотянуться до жертвы, и его когти прошли на волосок от груди Стила. Вдруг мутант согнулся и умер. Почти в ту же секунду лазерный выстрел противника попал в одну из неповрежденных стоек шасси рядом со Стилом. Стойка прогнулась и едва не сломалась. Корпус корабля пошатнулся, чудом не обрушившись ему на голову. Стил

поспешил выбраться оттуда.

Наступление еретиков было сдержано. Солдаты полковника стойко оборонялись, как и подобает вальхалльцам, давая своему командиру время оценить ситуацию. Стил убегал, как трое гвардейцев-предателей обходят челнок с тыла: на их месте он поступил бы так же. Стил выпустил по ним очередь лазерных выстрелов, но никого не убил, поскольку все нырнуло в укрытие. Он ощущал, насколько ему сейчас не хватает бионического глаза, который все еще проходил цикл восстановления и перезарядки. Но его выстрел послужил предупреждением: теперь предатели знают, что их заметили, и будут продвигаться медленнее и осторожнее — если вообще поспеют наступать.

Один из двигателей челнока взревел, и, изрыгнув клубы дыма, снова заглох. Корпус заскрипел и еще больше накренился из-за прогнутой стойки шасси.

Стил сосредоточился на отстреле наступающих мутантов. Сейчас выполнение самой важной задачи зависело

не от него, а от Грэйла.

Наконец, к его облегчению, двигатели заработали -- сразу оба.

-- Отходим! -- крикнул полковник. --
Все на корабль! Убирается отсюда!

Находясь ближе всех к челноку, Стил быстро поднялся по трапу и, сделав напоследок несколько выстрелов через плечо, прыгнул в полуоткрытый люк. Внутри его ждало зрелище, от которого опустилось сердце: на полу пассажирского отсека без сознания лежал Палинев, а исповедника Воллькенгена и след простыл.

Стил бросился к разведчику и начал энергично его трясти, пока тот не открыл глаза.

-- Исповедник, -- прошипел Стил. --
Где исповедник?

-- Он... застал меня врасплох... --
простонал Палинев. -- Напал... сзади. Он что-то бормотал... Кажется, спутал меня с Мангелланом...

Стилу было достаточно этого. Он повернулся и, протиснувшись между Гавотским и Михалевым, быстро направился к люку, где столкнулся с

Баррески и Анакорой. Гавотский принялся расспрашивать его, что случилось и куда полковник направляется.

— Никто из вас ни при каких обстоятельствах не должен покидать корабль, — отдал приказ Стил. — Ждите меня, сколько стожете, но как только увидите, что еретики вот-вот ворвутся на борт, пусть Грэйл немедленно взлетает, независимо от того, вернусь я с Воллькенгеном или нет. Понятно, сержант?

Стил не стал ждать ответа.

Он снова вышел на площадку, ругая себя за то, что не предвидел такого исхода и оставил присматривать за Воллькенгеном одного Палинева, не услышал, как исповедник, оглушив разведчика, выбрался из челнока. Должно быть, это произошло, когда Стил сражался с мутантом, укрываясь под брюхом челнока.

Еретики только сейчас поняли, что челнок никто не обороняет, и начали к нему приближаться. На внезапное появление Стила они отреагировали огнем

с промедлением. Стил предполагал, что Воллькенген прячется где-то поблизости. Увидев ряды упаковочных ящиков высотой в человеческий рост, он скользнул за них, и лазерные лучи тут же пронзили воздух.

Акустические сенсоры привели Стила прямо к исповеднику, который сидел за ящиками и хныкал, закрыв лицо руками. Полковник схватил Воллькенгена за одежду и рывком поднял на ноги.

--- Простите, сэр, но у меня нет времени оказывать вам должное уважение. Сейчас вы пойдете со мной на корабль --- и сделаете это добровольно, потому что если мне придется нести вас, нас обоих могут убить. В противном случае мне придется вас снова оглушить. Понятно?

Воллькенген вырвался и попытался убежать, но не успел сделать и двух шагов, как Стил поймал его и стукнул о ящик такой силой, что расколол деревянную панель.

--- Уберите от меня руки! --- взвыл Воллькенген, едва переведя дух. --- Вы, как и все остальные, только указываете мне, что делать. Он был прав, когда говорил...

Пустите меня, я пойду к нему!

— Вы не в себе, — сказал Стил. — И не понимаете, что говорите. Мне нужно, чтобы вы поверили мне, исповедник, и сделали то, что я вам говорю.

Но тут возле ящиков появился гвардеец-предатель, оказавшийся более расторопным, чем ожидал Стил. Он держал пистолет наготове, но не стрелял — видимо, у него села аккумуляторная батарея, или оружие просто заклинило. Стил не заметил этого и воспользовался своей удачей. Он втиснул Воллькенгена в узкое пространство между ящиками и открыл огонь. Предатель отскочил обратно в укрытие, но Стил уже слышал, как сюда спешат другие еретики.

Полковник вырвался сквозь зубы. Воллькенген слишком задержал его. Обратный путь к челноку был перекрыт, еретики их окружили. Остаться здесь было нельзя, но и бежать некуда: стоило выйти из укрытия, и они стали бы легкими мишенями.

Если бы Стил был один, он вскарабкался бы на ящики и прыгнул

оттуда на врагов. Но он сомневался, что Воллькенген сможет туда залезть, даже если и захочет.

...И вдруг Стила осенило, что присутствие исповедника -- отнюдь не помеха, а большое преимущество, и лазган предателя вовсе не заклинило. Он развернул исповедника к себе спиной, одной рукой залотил ему за спину руки, а другой сдавил горло, не дав возразить.

-- Простите, сэр, -- прошипел Стил, -- но так нужно, ибо это единственный способ, которым я могу спасти вам жизнь.

Толкая Воллькенгена впереди себя, он вышел из-за ящиков, сразу столкнулся с гвутья десятками вооруженных предателей... и с облегчением убедился, что его догадка оказалась верной. Предатели держали его под прицелом, но не стреляли, боясь понасть в заложника. Очевидно, им было приказано вернуть Воллькенгена живым гля жертвоприношения богам. У Стила мелькнула мысль, что такой же приказ отдан и насчет его самого. Вдруг у Воллькенгена подкосились ноги, и он повис

на руках полковника. Воспользовавшись удобным моментом, один из предателей выстрелил, пытаясь попасть в Стила, но промахнулся.

--- Лучше не пытайтесь, --- прорычал Стил. --- Даже если вы попадете в меня, я успею свернуть Воллькенгену шею. Клянусь именем Императора, я это сделаю! Я скорее сам убью его, чем отдам Мангеллану!

--- Не произноси это имя, --- прошипел один из предателей. --- Мангеллан мертв. Он разочаровал богов и за это дорого заплатил. Теперь Фюрст --- наш верховный жрец.

--- Тогда ваше положение еще хуже, чем я думал, --- сказал Стил.

Видя перед собой цель --- челнок --- полковник начал медленно обходить врагов, прижимаясь спиной к ящикам, чтобы никто не мог подойти сзади. Двигатели корабля все еще работали, легкая таял и стекал с корпуса.

Враги наступали на челнок. Корабль окружила толпа мутантов и отродий. Стил видел, как Баррески с Анакорой

безуспешно бьются с тварями, пытаясь
отогнать их от люка. Он заметил, как
один мускулистый мутант обрушил свой
кулак на голову Баррески, и вальхаллец
откатился внутрь корабля. Мутант мутант
же бросился за ним в люк. Анакоре
пришлось отступить, когда еще двое
монстров ворвались на борт. За ними
последовали другие: отталкивая друг
друга от трапа, они спешили оказаться
внутри челнока. Еще несколько секунд, и
они одержат победу над ледяными
гвардейцами и захватят корабль. Если
не...

И тут рокот двигателей стенился
оглушительным ревом — челнок стал
подниматься в воздух. Все враги на
минуту оторвали взгляд от Стила с
Воллькенгеном, но полковник не
воспользовался этим преимуществом: он
тоже смотрел на взлетающий челнок,
видя, как исчезает его последняя надежда
на спасение и выполнение задания.

Челнок неуклюже развернулся,
направляясь к выходным люкам. Несколько
мутантов, цеплявшихся за откидной трап,

сорвались и разбились о взлетную площадку. Еще один ухватился за край открытого люка, но был сброшен с корабля лазганной очередью. Полковник испытал некоторое удовлетворение, узнав, что его бойцы все еще сражаются.

Вдруг открылся еще один люк — в брюхе челнока — и оттуда вылетел свернутый рулон, который развернулся на лету. И Стул понял, что его люди сражаются не только за себя. Полковник пронесся мимо все еще глазевших на челнок предателей, из последних сил удерживая бесчувственное тело Воллькенгена, подпрыгнул и ухватился левой рукой за висевший в воздухе труп.

Тогда-то враги и открыли огонь, решив, что фюрст предпочтет убить Воллькенгена, чем позволить ему убежать. По плечу Стула скользнул лазерный луч. Изорванная бронешинель почти не защищала его. Полковник стиснул зубы, преодолевая обжигающую боль. Он уже почти не чувствовал своих пальцев, но заставлял себя держаться.

Корабль полетел к выходному люку

и рванул вперед. Из-за внезапного ускорения
оневевшая левая рука Стила чуть не
вывернулась из сустава, а правая все еще
крепко держала Воллькенгена. Исповедник
тянулся к трану, но не мог сам за него
схватиться. Челнок задел бортом за край
люка, служившего выходом из костюпорта,
осыпав обоих искрами, — Грэйл не был
опытным пилотом. Поверхность под ними
резко ушла вниз, и Воллькенген чуть не
сорвался.

Стил успел поймать его руку,
чувствуя, как напряженно жужжат
аугментические механизмы в правом
плече, пытаясь предотвратить падение
исповедника.

Ледяные гвардейцы летели над
снежными полями и ледниками
достаточно высоко, чтобы увидеть на
горизонте пылающие шпили улья Альфа и
проследить весь проделанный ими путь.
Ноги Воллькенгена болтались в воздухе,
лицо побелело, глаза выпучились от
страха.

Пять минут. Именно столько
времени у них осталось, согласно

внутреннему хронометру Стила. Пять минут до того, как начнут падать вирусные бомбы. Пять минут, чтобы Грэйл успел выжать вторую космическую скорость и улететь с обреченной планеты. И прежде чем он это сделает, Стил и Воллькенген должны успеть подняться по трапу на борт.

Взглянув наверх, Стил увидел Гавотского, который выглядывал из люка в брюхе челнока и что-то кричал, но его слова заглушал вой ледяного ветра. Трап швыряло ветром из стороны в сторону, и все, что мог делать Стил, это держаться за него одной рукой. Было невозможно ни встать на него ногами, ни сделать что-либо еще, не выпустив Воллькенгена.

Стил подумал: вдруг удастся убедить исповедника, чтобы тот ухватился за него и освободил его правую руку? Тогда они бы вместе поднялись на борт. Он прокричал исповеднику, что нужно сделать, но тот будто ничего не слышал.

Воллькенген сам что-то кричал ему, и Стил, настроив свой аудиентический слух, разобрал:

--- ... отпустите, будьте вы прокляты!
Я не хочу возвращаться в ваши оковы и
снова быть рабом вашего Императора!
Мангеллан обещал мне, что я буду
свободен! Он обещал...

И тут Стилу стало понятно, почему
Экклезиархия, казалось бы,
заинтересованная в возвращении своего
исповедника и освятившая тех, кого
сделали его спасителями, не
воспользовалась своим влиянием, чтобы
отложить ради него вирусную
бомбардировку. Почему судьба такого
важного человека была отдана в руки
десятка солдат. Разумеется, Стил
никогда не оспаривал приказы, но это его
удивляло...

«Фактически святой» --- так ему
сказали о Воллькенгене. Человек, который
словами и верой вдохновлял на великие
дела. Человек, способный изменить ход
войны. Человек, чье имя стало легендой.
Разве Экклезиархия могла отвернуться
от него? Даже если они знали...

Мангеллан знал и со злорадством
рассказывал об этом Стилу, но тогда

полковник его не слушал. А теперь у него не было выбора. Легенда оказалась ложью, тот, ради кого он проделал этот путь, рискуя жизнью, был обычным человеком, оскверненным Хаосом. Воллькенгену предстояло пройти испытание, и он его не прошел. Его душа сломлена.

У Стила не было шансов выполнить это задание. Он на это и не рассчитывал. Воллькенгена нельзя было спасти. В конечном счете, все оказалось гораздо проще, чем он ожидал. Никаких усилий не требовалось — только разжать пальцы...

И он это сделал. Исповедник Воллькенген полетел вниз. Стил почувствовал, как дрогнуло его сердце от внезапного разрешения вопроса. Теперь поздно сожалеть.

Он поступил правильно. Стил знал это с убежденностью, которую прежде ощущал редко. И знал не только потому, что аугментика его мозга говорила, что это правильно, но и потому, что он чувствовал это: он сделал то, что захотел бы от него Император, и то, о чем его никогда бы не попросила

Экклезиархия.

Воллькенген стремительно падал, превращаясь в точку на фоне белых просторов, ожидавших его внизу. Но Стилл не хотел смотреть на это. Он отвернулся и, схватившись правой рукой за ступеньку трапа, изможденный, полез наверх — в челнок, к своим бойцам и спасению.

Полковник Станислав Стилл молча стоял в кабине челнока и смотрел в переднее окно на холодный белый шар Крессиды.

Планета выглядела такой же, какой он ее увидел, когда впервые сюда прибыл. Но он знал, что Крессига сейчас иная, потому что его внутренний хронометр закончил свой отсчет. Теперь это мертвый мир, и Стилл понимал, что он не доживет до того времени, когда на ее поверхность вновь ступит нога человека.

Бойцы его отряда — Гавотский, Анагора, Баррески, Михалев, Грэйл и Палинев — сделали все, что зависело от них. Они отразили атаку мутантов на челнок, связались с имперским крейсером и

теперь ждали, когда их подберут. Стилл
очень гордился ими, хотя сами они не
испытывали гордости, потому что не
выполнили задание, потерпели неудачу у
последнего препятствия --- по крайней
мере, так они думали.

Стилл хотел сказать им правду ---
что жизнь человека не важна, зато важна
легенда о нем. И сегодня ледяные
гвардейцы сохранили одну такую легенду,
чтобы она продолжала вдохновлять людей
на новые подвиги.

Полковник	Стилл	доложит
командованию,	что	исповедник
Воллькенген умер как герой.		